

КРАСНАЯ

ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК СЕМНАДЦАТЫЙ

КРАСНАЯ ГОРКА

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ НОМЕРА

ДЕНЬ ШАХТЕРА В
КЕМЕРОВЕ

25-ЛЕТИЕ МУЗЕЯ-
ЗАПОВЕДНИКА
«КРАСНАЯ ГОРКА»

ББК 63.3 (2Р-4кем)
УДК 908 (571)
К89

12 +

Администрация города Кемерово

Учредитель и издатель: муниципальное автономное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»

Адрес редакции и издателя: 650044, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Красная Горка, д. 17, тел.: 8 (3842) 64-24-12.
E-mail:redhill-kemerovo@mail.ru

Свидетельство: ПИ 12-1052 от 12.02.2002. Выдано Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Вояж»: 630048, Новосибирская область, г.Новосибирск, ул.Немировича-Данченко, д.104
Тираж 999 экз.
Дата выхода в свет: 17. 08. 2016 г.
Заказ № 3235811
Цена свободная

Главный редактор
Ю. В. Сергеев

Ответственный секретарь
Н. А. Шелепова

Редколлегия:
Е. Н. Бабкин, З. Ф. Волкова, И. В. Захарова,
Л. Ф. Кузнецова, И. В. Левина, И. Ю Усков

Дизайнер
Д. Ю. Сергеев

Корректор
Г. А. Рудакова

Текст обработан
скриптом – sZam5

ISBN 978-5-9908788-0-8

© «Музей-заповедник «Красная Горка», 2016

ДЕНЬ ШАХТЕРА В КЕМЕРОВЕ

День шахтера в Кемерове:

от 2005-го к 2016 году стр. 6

Шахтерская традиция стр. 8

25-ЛЕТИЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

“КРАСНАЯ ГОРКА”

Первый редактор стр. 14

Дом, в котором живет музей стр. 18

С чего начинался музей стр. 22

Музей “Красная Горка” и духовные скрепы стр. 24

Саймон Фрэнсис о себе стр. 29

Ван Лохем – голландско-кузбасский архитектор стр. 32

Ван Лохем о России стр. 35

Изображение образа жизни

(особняки Хана ван Лохема) стр. 40

Русская судьба голландского идеалиста стр. 48

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Письма Франциски Шермерхорн стр. 58

КОЛЛЕКЦИЯ

Из истории комплектования КОМИИ стр. 68

ИЗ ИСТОРИИ КЕМЕРОВА

Как Михайло Волков стал памятником стр. 76

Формирование городской черты стр. 87

Денежные знаки Кузнецкого окрторготдела стр. 94

Актриса Анна Людвиговна Струсь стр. 96

Командировка в Афганистан стр. 102

Этот “Странный Кемерово” стр. 110

МУЗЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ

Как Россия прирастала Кузбассом. стр.112

День любви и верности стр. 116

Посол Нидерландов на Красной горке стр. 118

Фестиваль колбы стр. 120

Всекузбасский день шахмат стр. 124

Николай Валуев на Красной Горке. стр. 126

Из-за столика для смирных. стр. 127

Наши авторы стр. 128

ДЕНЬ ШАХТЕРА В КЕМЕРОВЕ

Уважаемые кемеровчане!

*Поздравляем вас с главным профессиональным
праздником Кузбасса – Днём шахтёра!*

Угольное богатство нашей земли, добытое тяжёлым трудом многих поколений горняков, превратило глухую сибирскую тайгу в современные города и посёлки. Освоение угольных месторождений стало основой и будущей столицей Кузбасса. Добытый на Кемеровском руднике уголь превратился в первые капитальные дома и дороги, школы и больницы, стал прочной основой дальнейшего роста и укрепления города.

Сегодня чёрное золото добывают тысячи кемеровчан, а еще десятки тысяч наших земляков обеспечивают угледобычу всего Кузбасса в исследовательских и проектных организациях, центрах подготовки кадров, на машиностроительных заводах и предприятиях углепереработки. Современную жизнь города Кемерово, как и его основание, невозможно представить без труда горняков.

Высочайшим признанием огромной роли героической шахтёрской профессии в истории нашей малой родины является традиция празднования Дня шахтёра в Кузбассе. Для города Кемерово 2016 год – особенный: исполняется 295 лет открытия Михайло Волковым угля у горы Горелой, и честь стать столицей главного профессионального праздника Кузбасса оказана городу Кемерово во второй раз.

Ко Дню шахтёра в городе появилось более 250 объектов: новые производства и современные торговые центры, жилые дома и дороги, парки и скверы, школы и детские сады, спортивные комплексы и игровые площадки.

Все вместе мы продолжаем создавать торжественную атмосферу праздника в каждом районе, в каждом уголке. Искренне благодарим всех кемеровчан, которые приняли участие в этих мероприятиях! Мы благодарим вас за ответственное отношение к своей работе, внимание и заботу к нашему городу – за все ваши добрые дела!

В преддверии праздника город преобразился, и сегодня наша задача – сохранить то, что сделано, продолжая развитие нашего любимого города, прилагая к этому все наши силы и таланты, чтобы к своему 100-летию столица Кузбасса засияла ещё ярче, ещё красочнее!

От всей души желаем вам и вашим близким крепкого здоровья, счастья, мира и добра, успехов и благополучия!

Пусть исполнятся ваши мечты и во всём вам сопутствует удача!

С уважением, Илья Середук

ДЕНЬ ШАХТЕРА В КЕМЕРОВЕ: ОТ 2005-ГО К 2016 ГОДУ

В сравнительно небольшой, но насыщенной истории столицы Кузбасса каждый год наполнен событиями, которые во многом меняют облик города.

Центральное событие этого года — главный профессиональный праздник Кузбасса, День шахтера. Это большая честь и ответственность — во второй раз быть столицей шахтерского праздника. А значит, получить дополнительный стимул для улучшения жизни горожан.

В первый раз столицей Дня шахтера Кемерово стал в 2005 году. Наиболее острая проблема, которая стояла тогда перед городом, была в том, что кемеровские шахты закрылись, а шахтерские поселки, и без этого недостаточно благоустроенные, остались без каких-либо перспектив для дальнейшего развития. И в них было необходимо создать достойные условия жизни, такие же, как и в других городских районах.

Трудно сегодня представить, как город справлялся бы с этой проблемой без программы «Шахтерские поселки». В поселках Пионер, Промышленновский, Ягуновский, Боровой не только отсыпали дороги частного сектора и восстановили заборы, но и, что очень важно, реконструировали и оснастили новым оборудованием социальные объекты.

Благодаря открытым отделениям обще-

врачебной практики жители теперь получают первичную медицинскую помощь, не выезжая в город.

Поселковые дома культуры, от которых остались практически одни стены, обрели новую жизнь. И сегодня, спустя 11 лет, они являются главными центрами общественной жизни поселков. В каждом из них — около 30 творческих коллективов, которые почти каждый день проводят свои культурные и досуговые мероприятия.

В шахтерских поселках обновлены школы, реконструированы стадионы «Юность» и «Факел», открыты новые центры по работе с населением.

Созданы условия не только для обучения, но и для творческого и спортивного развития юных кемеровчан. В итоге сегодня около 80% всех школьников охвачены дополнительным образованием.

Существенно изменилась жизнь всего города, а не только его окраин.

Был восстановлен Дворец культуры шахтеров. Теперь этот культурный центр является местом, где проводятся практически все самые крупные городские мероприятия, где собираются одни из самых одаренных кемеровских творческих коллективов.

Открытие нового здания для Театра для де-

тей и молодежи превратило небольшой детский Театр на Весенней в сильный коллектив, способный конкурировать с областными театрами. Теперь этот театр ежегодно посещают около 40 тыс. зрителей, а коллектив театра является лауреатом многих престижных российских и международных фестивалей.

Благодаря реконструкции старейшего в городе стадиона «Шахтер» Кемерово смог принять чемпионат мира по русскому хоккею. Теперь «Шахтер» стал еще и центром развития футбола, центром тестирования ГТО. Здесь за десять лет число посетителей увеличилось почти в четыре раза, ежегодно проводится более тысячи соревнований.

Ко Дню шахтера-2005 были отремонтированы 14 объектов здравоохранения. Среди них самое масштабное — введение в строй 12-этажного корпуса кардиологического диспансера, который более двух десятилетий стоял недостроенным.

И сегодня, в 2016 году, мы использовали шанс сделать наш город еще более удобным для его жителей. В рамках подготовки к празднованию Дня шахтера в городе открылись более 250 объектов социальной сферы, жилищного и дорожного строительства, благоустройства, промышленности, потребительского рынка.

Среди созданных «с нуля» объектов ко Дню шахтера — два детских сада и ЗАГС в Рудничном районе, Центр гигиены и эпидемиологии Кемеровской области, офис МФЦ на Пионерском бульваре, Ледовая арена «Кемерово» на ФПК, бассейн «Сибирь» в Ленинском районе, детская поликлиника в Лесной Поляне, вторая очередь цифровой школы № 85, автодорога между ФПК и Южным.

Полностью реконструированы отделение восстановительного лечения детской многопрофильной больницы № 5, офис МФЦ на ул. Рекордной, спортивное покрытие Легкоатлетического манежа, спорткомплекс «Северный» на ул. Нахимова, женская консультация в кардиодиспансере, взрослая поликлиника в Кедровке, травмоцентры в городских больницах № 2 и 3.

За первое полугодие 2016 года введено 192,6 тыс. кв. метров жилья. Это более 3 тысяч квартир.

В Кемерове появились новые возможности для отдыха горожан. Это новые и отремонтированные парки и скверы: в 21-м микрорайоне по ул. Халтурина, на ул. Юрия Двужильного, сквер

имени Резникова на Притомском проспекте, сквер Молодоженов у нового ЗАГСа Рудничного района, сквер Строителей в Лесной Поляне, сквер Дружбы народов на пр. Шахтеров.

Выполнены значительные дорожные работы, в том числе по капитальному ремонту на ул. Ю. Двужильного, на Кузбасском мосту, на объездной дороге пос. Пионер, ул. Ворошилова, ул. Веры Володиной, Пионерском бульваре, ул. 9 Января, на «грузовой» дороге в Кировский район, на ул. Антипова, на внутриквартальных проездах в микрорайоне ФПК.

Чтобы разгрузить дороги новостроек Рудничного района, мы построим новую дорогу по 2-му переулку Авроры — от пр. Шахтеров до ул. Серебряный Бор.

С этого года в городе вновь работает программа по капитальному ремонту дворов. В этом году ремонты пройдут в 85 дворах 108 многоквартирных домов — во всех районах города.

Отремонтированы 54 фасада, 615 цоколей многоквартирных домов. Причем дома обновились не только в центре города, но и в Заводском и Кировском районах, в ж.р. Ягуновский.

Как и 11 лет назад, значительные работы выполнены на территориях шахтерских поселков. Это ремонт дорог частного сектора, устройство уличного освещения, ремонт и установка деревянных ограждений, реконструкция зеленых насаждений, ремонт водоводов. В поселках проведено техническое перевооружение трех котельных с переводом их на газ.

Все это — только наиболее крупные мероприятия к празднику.

Вместе с тем, какую бы важную роль ни сыграло отдельное событие в городской истории, развитие Кемерово на определенной дате не заканчивается — по-другому и быть не может. Иначе наш город не прошел бы свой путь от дореволюционного села в 4 тыс. человек до мегаполиса с населением более полумиллиона жителей.

Пожалуй, наиболее яркое из предстоящих событий — 100-летие столицы Кузбасса в 2018 году. К этому юбилею фундамент предстоящих городских изменений закладывается уже сейчас. Иван Алексеевич Балибалов в свое время отметил: «История проверяет, на что мы способны». А наш опыт свидетельствует о том, что для кемеровчан не существует непреодолимых преград. Поэтому уверен в том, что наш город ждет большое будущее.

Шахтерская традиция

Проведение ежегодных торжественных встреч – хорошая и давняя традиция многих трудовых коллективов. Есть она и на Красной горке. Накануне главного кузбасского праздника – Дня шахтера – в музее чествуют горняков, удостоенных высшей областной награды – звезды Героя Кузбасса.

Проект «Встречи на Красной Горке» реализуется с 2008 года. Организаторами выступили Общественная палата Кемеровской области и Кемеровский областной общественный фонд «Шахтерская память» имени В.П. Романова. В нашем музее, который в Кузбассе является хранителем шахтерских традиций, памяти и славы, горняков и их семьи приветствуют члены Общественной палаты Кемеровской области, руководители угольной отрасли и областного общественного фонда «Шахтерская память». В адрес почетных гостей звучат слова благодарности, уважения и признательности

за их самоотверженный нелегкий труд. В залах музея проходят выставки, проводятся экскурсии, творческие коллективы выступают с номерами. Но главное событие дня — возложение цветов к монументу «Память шахтерам Кузбасса», символу шахтерского края.

За годы проведения встреч на Красной Горке побывали представители шахтерской профессии, удостоенные российских и областных наград: Герой Кузбасса, полный кавалер ордена «Шахтерская слава», почетный гражданин Кемеровской области и городов Прокопьевск и Киселевск, основатель общественного фон-

да «Шахтерская память» им. В.П. Романова Михаил Найдю; Герой Кузбасса Сергей Коваленко; Герой Кузбасса Николай Титов; Герой Кузбасса Александр Чубуков; бригада Героя Кузбасса Николая Дорофеева (награжден знаком «Шахтерская слава» трех степеней, ему присвоены звания «Почетный шахтер» и «Заслуженный шахтер России»); бригада Героя Кузбасса, Героя труда России Владимира Мельника (шахта «Котинская»); экскаваторная бригада Героя Кузбасса Сергея Чабана (угольный разрез «Талдинский»); очистная бригада Героя

Кузбасса Василия Ватокина (шахта имени 7 Ноября, ОАО «СУЭК — Кузбасс»); горняки бригады Героя Кузбасса Сергея Лапина (шахта «Заречная»).

Встречи на Красной Горке — это знак уважения к представителям шахтерской профессии, чей самоотверженный труд — залог развития и благополучия нашего края. Для ветеранов встреча в музее — возможность пообщаться, вспомнить былое, познакомиться с молодыми представителями шахтерских династий, что важнее любых наград.

В 2015 году подобная встреча состоялась уже в восьмой раз – на «Красной Горке» побывал прославленный трудовой коллектив бригады Василия Ваткина (шахта им. 7 Ноября, ОАО «СУЭК – Кузбасс»).

Горняки были приглашены на праздник с женами.

Бригада Василия Ваткина работает на новейшем очистном комплексе стоимостью свыше 2 млрд рублей. Этот коллектив установил всероссийский рекорд годовой добычи угля, выдав на-гора 4 млн 661 тыс. тонн угля из одного очистного забоя.

Герой Кузбасса, полный кавалер ордена «Шахтерская слава», почетный гражданин Кемеровской области и городов Прокопьевск и Киселевск, основатель общественного фонда «Шахтерская память» им. В. П. Романова Михаил Найдов

За трудовые достижения бригадир рекордсменов Василий Ватокин награжден высшей областной наградой – звездой Героя Кузбасса

Дмитрий СЕРГЕЕВ (фото)

АТОКЧ
ИАНУ
ОЯБРЯ
УЭК
РЕКОРД РОСС
ЧМАН 661771

25-ЛЕТИЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КРАСНАЯ ГОРКА»

Коллектив музея «Красная Горка» 2016 года. Работать в нашем музее не только интересно и престижно, но и очень ответственно. За 25 лет музей – заповедник «Красная Горка» стал известным культурным центром Кузбасса. Это результат ежедневной добросовестной работы сотрудников музея – настоящих профессионалов своего дела.

ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР

Юрий СЕРГЕЕВ(фото)

В поисках истока Томи

7 марта 2016 года ушел из жизни кузбасский поэт, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Совета старейшин при Губернаторе Кемеровской области, почетный гражданин Кемеровской области и города Кемерово, автор слов гимна Кемеровской области Геннадий Евлампиевич Юров.

Геннадий Юров всегда живо откликался на самые актуальные проблемы современности. Его стихи и проза пронизаны мотивами гражданственности и человечности. Но красной нитью через все творчество поэта прошла любовь к Красной Горке: здесь поэт родился, провел все свое детство.

*На Красной Горке обретаем вновь,
Нам данное на радость иль страданье,
Святое чувство – больше, чем любовь,
Которому покамест нет названия.
На Красной Горке замерли века,
Корнями в землю проросли деревья...
И город напоившая река
Светла воспоминаньем о деревне.
На Красной Горке царственно возник
И нам навстречу хлынул взглядом синим
Врачующего знания родник,
Росе созвучный, Родине, России.*

Геннадий Юров был основателем и редактором краеведческого альманаха «Красная Горка». По его замыслу, издание, адресованное самому широкому кругу читателей, «вплетает Красную Горку как первооснову в биографию города, выявляет роль Кемерово в истории Кузбасса и в истории страны. Скажем так: сибирский журнал на кемеровском материале».

На протяжении 13 лет альманах был неразрывно связан со своим создателем. Каждый новый выпуск вдохновлял людей разных интересов, возрастов и профессий изучать историю малой родины.

Надеемся, что нам удастся не уронить ту высокую планку, которую задал Геннадий Евлампиевич.

Член Союза писателей России с января 1976 года. Лауреат премии Союза журналистов СССР 1973 года. Лауреат премии Кузбасса 1977 года и 2005 года

Геннадий Юров в 70-е годы

Поэт Геннадий Юров, автор текста гимна Кемеровской области

*Презентация
нового номера
альманаха
«Красная Горка»*

Наша встреча в конце 90-х с Геннадием Евлампиевичем произошла неожиданно на улице Орджоникидзе. Поговорили о времени, здоровье, творчестве. Решили некоторые бытовые проблемы. Обменялись телефонами. А потом, как говорится, судьбе было угодно соединить нас Красной Горкой: он там родился, а я уже «болела» музеем. Это его идея — у солидного музея должен быть свой альманах. Он называл его литературно-краеведческим. Альманах «Красная Горка» — детище Юрова и достояние города. Как трепетно он говорил о символах Красной Горки: ладонь, уголек, пламя, человек, угольные недра, жизнь! Для меня Г.Е. Юров — философ, мыслитель, энтузиаст. Он собрал актив таких же патри-

отов Красной Горки и творил. Нет, скорее жил тем, что составляло детство, юность, молодость, зрелость этого заповедного места. С ним было непросто, порой и трудно. Свою точку зрения надо было отстаивать. Но именно такие люди — настоящие кемеровчане! — создавали и воссоздавали историю нашего города. Каждый выпуск альманаха был посвящен определенной теме, он ее вынашивал и очень берегал от казенного, наносного, чужого. Одним словом, отец и мать своего литературного дитя. При жизни Геннадию Евлампиевичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово» — и это останется в памяти и истории навсегда, как и все выпуски альманаха «Красная Горка», выходявшие в течение 13 лет.

Ирина ФЕДОРОВА

Почетный гражданин города Кемерово Геннадий Юров на Красной горке

Дом, в котором живет музей

В 2016 году музей «Красная Горка» отмечает не только свое 25-летие, но и столетие здания, в котором он находится.

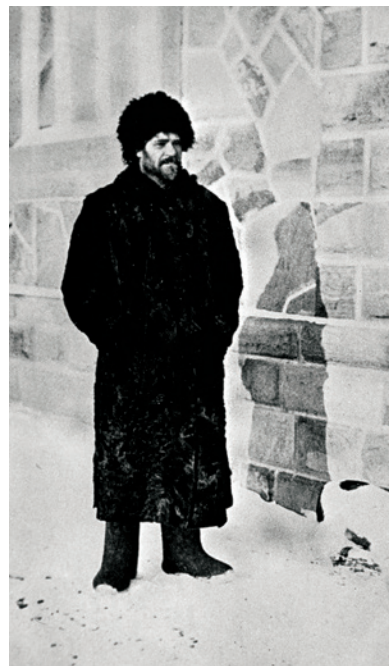

*Управляющий Кемеровским рудником
Владимир Николаевич Великорецкий*

*Главный директор АИК
Себальд Рутгерс*

*Главный инженер Кемеровского рудника
Альфред Пирсон*

Здание было первым каменным жилым домом в городе, и его так и называли — «Каменный дом». Скорее, его можно бы назвать «домом из песка», поскольку стены облицованы пластами необработанного песчаника, имеющими разный цвет и узор. Такое разнообразие цветов красок и форм песчаника придают внешнему виду здания яркую индивидуальность.

Здание имеет не только неповторимый вид, но и необычную, богатую событиями историю. Каменный дом был свидетелем важных событий, происходивших на территории рудника, а по разнообразию его жильцов и постояльцев с ним не может сравниться ни один жилой дом города.

История дома началась во время деятельности в Кузбассе акционерного общества «Копикуз», который создавал на территории будущего города целый промышленный комплекс. На Кемеровском руднике в 1916 году, наряду со строительством домов для служащих, казарм для рабочих и бараков для военнопленных, было начато строительство каменного дома для управляющего рудником. Кем был разработан проект здания, пока неизвестно, но есть свидетельства, что его строили австро-венгерские военнопленные, работавшие на руднике.

Первым жильцом Каменного дома стал

Владимир Николаевич Великорецкий, в то время управляющий Кемеровским рудником. Он переехал в него из обычной бревенчатой избы. Вероятно, в этом единственном благоустроенном доме останавливался во время своих поездок на Кемеровский рудник и строящийся коксохимзавод директор-распорядитель Копикуза Иосиф Иосифович Федорович.

После ликвидации Копикуза Кемеровский рудник вошел в состав Сибугля и стал центральным в Северной группе рудников. Управляющий этим районом Ромуальд Эдуардович Ангевич жил на Кемеровском руднике в доме управляющего.

В 1922 году в Каменном доме появились необычные жильцы. В Кемерово приехали первые группы иностранных колонистов для работы в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Единственный благоустроенный жилой дом был отдан под гостиницу для иностранных специалистов, которую называли Домом приезжих. Многие главные специалисты АИК, работавшие на правом берегу, поселились в этом доме до того времени, пока им не построили жилье.

Самым известным жильцом Каменного дома, постоянно проживавшим в нем с 1922 по 1925 год, был главный директор АИК Себальд Рутгерс. Его семья в это время жила в Томске,

и младшая дочь Гертруда позже вспоминала: «... во время летних каникул мы с матерью поехали в Кемерово. Помню очень просто обставленную комнату отца, его письменный стол с нашими портретами в самодельных рамках и ряд других подарков, сделанных для него братьями и мной ко дню рождения. Отец вообще ценил подарки, являющиеся плодом собственного труда. Жил отец очень скромно, обедал вместе со всеми колонистами в общественной столовой».

Кроме Рутгерса, в Доме приезжих жил главный инженер Кемеровского рудника американец Альфред Пирсон с семьей, голландский архитектор ван Лохем, секретарь колонии американка Рут Кеннелл и другие специалисты. В своем дневнике Кеннелл так описывала Каменный дом: «В доме было 8 комнат, ванная,

большая закрытая веранда, чердак, оштукатуренные и многоцветно разрисованные по трафарету стены, высокие потолки, надежная электропроводка, красивые ставеньки на окнах и выложенные из кирпича печи, покрытые белой штукатуркой».

Во время посещения Кемерово в Каменном доме останавливались члены Нью-Йоркского комитета АИК Том Риз и Паскаль Косгроув, деятель рабочего движения Великобритании Том Манн и другие гости колонии.

В 1930-е годы в доме жили советские руководители Кемеровского рудоуправления.

По воспоминаниям старожилов, во время Великой Отечественной войны в Каменном доме размещался штаб воинской части, охранявшей военнопленных, работавших на руд-

Детский сад

Дети на крыльце музыкальной школы

Дети Пирсона Альфред и Гарольд везут дрова в Дом приезжих. 1923 г.

нике. Возле дома на берегу Томи были вырыты землянки, в которых жили немецкие, а затем японские пленные.

В феврале 1948 года, накануне первых послевоенных выборов в местные Советы, в Каменном доме действовал агитпункт, проводивший массовую политическую работу среди населения.

В начале 1950-х годов в здании была открыта первая на правом берегу музыкальная школа. Затем в Каменном доме располагался Дом техники с библиотекой, действовал небольшой кинотеатр, устраивались новогодние елки для детей.

В 1958 году в городе Кемерово был создан государственный проектный институт «Кузбассгипрошахт» в качестве филиала Новосибир-

ского института «Сибгипрошахт». По решению Кемеровского совета народного хозяйства под новую проектную организацию отдали именно Каменный дом. В 1962 году институт переехал в специально построенное для него здание на площади А. С. Пушкина.

Каменный дом приспособили под детский сад. На этом закончилась его домовая история.

В 1988 году исполком Кемеровского городского Совета народных депутатов принял решение о передаче здания детского сада под музей, и началась долгая история его ремонта. В 1991 году в здании открылся музей-заповедник «Красная Горка». Надеемся, что он последний житель Каменного дома, а «дом из песка» простоят следующие сто лет.

Дом приезжих

Проектная контора

Агитпункт

С ЧЕГО НАЧИНАЛСЯ МУЗЕЙ

25 лет назад в здании, известном на Кемеруднике как дом Рутгерса, стала воплощаться идея создания музея Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Тема и название музея определили на десятилетие (1990-е годы) его собирательскую деятельность, формирование основных коллекций по темам и персоналиям.

В дальнейшем, по мере накопления материалов по истории Кемеровского рудника, в ходе взаимного общения исследователей, специалистов и посетителей музея, тематика музейных коллекций вышла далеко за рамки истории АИК.

Девяностые годы прошлого века считаются самыми тяжелыми в новейшей жизни страны. У музея того периода были тоже большие трудности, но была и плодотворная, увлекательная работа, приносящая радость от некоторых открытий и находок. В организации музейного фонда того десятилетия важное место занимал вопрос формирования персональных архивов аиковцев. Огромный массив документов, с которого всё и начиналось, передала в музей Евгения Антоновна Кривошеева, которая большую часть своей жизни посвятила исследованию истории АИК. Всё, что было собрано в этом архиве: письма, дневниковые записи колонистов, фотографии, рукописи воспоминаний, публикации в газетах и журналах, книги и брошюры, исследовательские работы, — всё это дало возможность как выделить материалы, обобщающие историю АИК, так и собрать персональные дела аиковцев.

Рассказывая о музейных коллекциях, трудно выделить наиболее ценное, важны даже мелочи. Вот несколько листов с фотографиями из альбома семьи Схоорл. До сих пор не всех изображенных можно идентифицировать, но интересны сами запечатленные эпизоды быта, виды Красной Горки, ещё не тронутые цивилизацией, и первые дома, построенные колонистами. Один из раритетов — небольшого размера автопортрет карандашом известного в Голландии

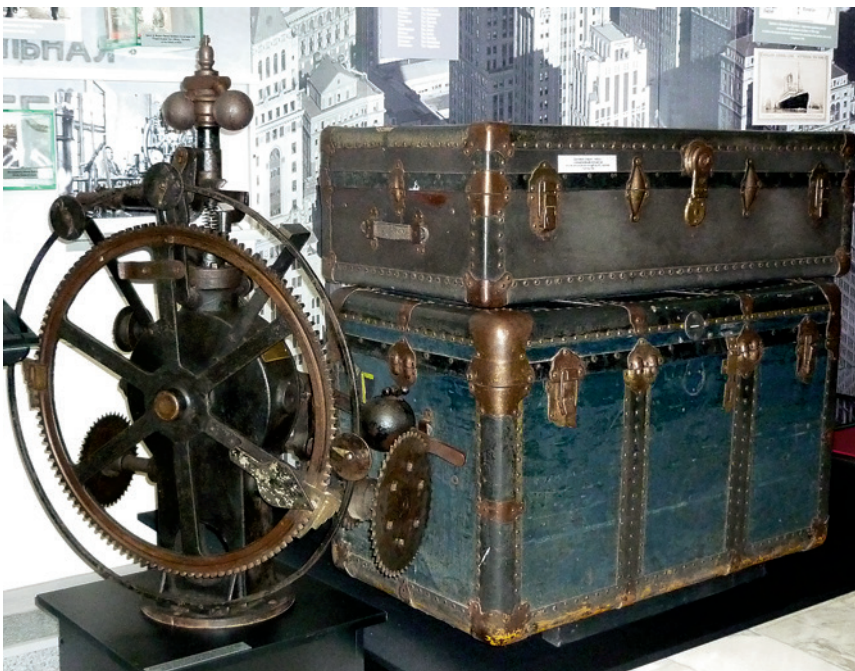
архитектора Ван Лохема. Уезжая в Кемерово, он хотел воплотить свои смелые архитектурные проекты. Не удалось! Но пока еще стоят рядом с музеем дома, построенные для специалистов АИК по его проектам. И это тоже своеобразные экспонаты нашего музея-заповедника.

Некоторые колонисты остались работать в СССР после распада колонии. В одной из папок с документами семьи Шермергорн из Голландии хранятся фотографии, газеты и письма. 1937-й год разметал всю семью: отца семейства — инженера Дирка Шермергорна — расстреляли, мать — Франциску Мюс-Шермергорн — отправили в лагерь, детей — в детский дом. Письма Франциски старшему сыну Тимофею написаны в то время, когда она жила на поселении, освободившись из лагеря в 1946 году. Их переслала музею дочь — четыре письма, по тону очень спокойные, сдержанные. Но всё самое важное там читается между строк. Эти письма имеют отношение не только к истории АИК. Они гораздо больше, значительнее.

Параллельно документальным источникам шло комплектование фондов музея вещественными экспонатами. Значительным украшением наших экспозиций являются две пишущие машинки. Одна из них «Continental» (изготовленная в период 1910-х годов германской фирмой «Wanderer Werke A. G. Chemnitz») когда-то отслужила свою службу в конторе АИК, а потом затерялась на одной из кафедр политехнического института. Вторая машинка (портативная пишущая машинка «Согопа» производства США) была передана дочерью директора АИК Гертрудой Тринчер-Рутгерс из Австрии — это личная вещь Себальда Рутгерса.

Именно в те годы в музей зачастили иностранные гости, прежде всего из Голландии и США. С каждым приездом они убеждались в том, что музей создается всерьез и надолго. Росло их доверие к нам, а с ростом доверия иностранные посетители начали активно пополнять и фонды музея личными вещами, кото-

Портативная пишущая машинка «Continental», изготовленная в период 1910-х годов германской фирмой «Wanderer Werke A. G. Chemnitz»

Кoffers колонистов, не уступающие в размерах нашим русским сундукам того времени, и деталь двигателя американской машины «Лиджервуд», работавшей на шахте «Центральная»

Пианино немецкой фирмы Otto Bors. Принадлежало Яну Рутгерсу, работавшему в АИК «Кузбасс»

Пишущая машинка «Corona» Себастьяна Рутгерса

рые бережно хранились в семьях колонистов. Видимо, сам факт того, что в музей передают предметы из-за границы, подтолкнул последовать этому примеру и потомков тех колонистов, которые остались в России и тоже бережно хранили в семьях память об АИК.

Приятными и радостными были для нас посещения потомков Перковича, Опалича, Байскича (выходцы из Югославии, приехавшие к нам из США и оставшиеся здесь навсегда). Сколько бесед, воспоминаний! Сколько интересных экспонатов появилось тогда! Музей пополнился рабочими инструментами, книгами из домашних библиотек, личными документами и предметами — такими как бритвенные принадлежности, кошельки, записные книжки и аналогичные мелочи, привезенные из Америки в 1920-е годы. Теперь они помогают многое узнать о времени, событиях и человеке — гораздо больше, чем просто факты его биографии.

Активными дарителями уже в те годы были и кемеровчане, жители Рудничного района. В домашних хозяйствах многих сохранялись еще аиковские раритеты — так появились у нас сепаратор для молока с сельскохозяйственной фермы АИК, кирпичи, кофры колонистов; кофры колонистов, не уступающие в размерах нашим русским сундукам того времени, в которых был упакован их багаж. Красуется в нашем экспозиционном зале и деталь двигателя американской машины «Лиджервуд», работавшей на шахте «Центральная».

В мемориальной комнате Рутгерса стоит «коммунистическая» кровать, на которой можно было выспаться сразу четверым колонистам, ввиду нехватки спальных мест в начальный период их жизни на Кемруднике. Сохранилось и пианино, привезенное из Европы по заказу семьи Рутгерса.

Массив документов и вещественных экспонатов, собранных в музее в период первого десятилетия его существования, — заслуга очень многих людей и организаций. Чего стоят только чертежи времен АИК и Копикуза и огромная коллекция фотографий Спиридона Бывшева, переданные коксохимзаводом! Все эти материалы столь обширны и глубоки, что многие из них до сих пор до конца не описаны и не изучены, что дает музею возможность долгие годы заниматься серьезной и увлекательной исследовательской работой.

МУЗЕЙ КРАСНАЯ ГОРКА И ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ

Кандидат
исторических наук
Евгения Антоновна
Кривошеева

Мечта каждого ученого – совершить открытие. Историки – не исключение. Правда, им это удастся гораздо реже, чем физикам, химикам, биологам и прочим естествоиспытателям.

Зачастую исследователи прошлого пытаются влиять на настоящее, обслуживая господствующую в стране идеологию. Они просто интерпретируют факты в нужном властям смысле и заявляют о том, что сделали открытие.

Но есть среди ученых и такие люди, которые десятилетиями добросовестно служат науке. Угодить власти – не их кредо. Довольно часто они ведут свои исследования не благодаря, а вопреки официальному мнению. Их не интересуют награды, статусы, титулы, высокие зарплаты. Для них критерий истинности – честность. И уж совсем редко в наше время можно встретить историков, которые свои знания трансформируют в нечто материальное и рукотворное. Статьи, диссертации, монографии, учебные пособия – не в счет.

Кемеровский ученый, кандидат исторических наук Евгения Антоновна Кривошеева – один из таких подвижников. Эта скромная, рассудительная женщина стала основателем нового направления не только в кузбасской, но и в мировой историографии – «аиковедения». Одновременно она является подвижником создания Кемеровского музея-заповедника «Красная Горка», выпускающего одноименный альманах. Накануне празднования 25-летия музея член редколлегии альманаха «Красная Горка» Владимир Сухацкий взял интервью у ученого.

В. Сухацкий: Когда и как возникла идея создания музея?

Е. Кривошеева: Моя первая встреча с музеем, точнее — не с музеем, а с домом, в котором он сейчас находится, произошла в конце 1949 года. Управлению МВД, где я работала старшим научным сотрудником архивного отдела, потребовалось проверить правильность оформления документов военнопленных, которые возвращались на родину. И вот мы с одним из офицеров отправились на катере на другой берег Томи, где находился штаб по делам военнопленных.

Хорошо помню: с большим трудом мы переплыли реку. Той осенью Томь была очень бурной, а моста не имелось. Выбрались на берег, а куда идти — не знаем. К счастью, нам попался один человек, который сказал: «А, военнопленные... Знаю, знаю. Если вам надо побыстрее — то идите в гору, а если пойдете по дороге — то далековато».

Осмотрелись. Справа — грунтовая дорога и грязь по колено. Горная тропинка — не лучше. Выбрали путь покороче. Кое-как забрались наверх. Идем по улице, и вдруг я вижу: на краю крутого откоса стоит какой-то необычный дом. Почему он мне показался необычным? Потому что он был не похож на старинные деревянные, богато украшенные резьбой здания, которые я видела в других сибирских городах. А в Кемерове таких украшенных резьбой зданий практически не было. Правда, на пересечении улицы Красной и Советского проспекта стояло одно двухэтажное здание, с изумительным деревянным декором. Другой похожий дом находился на месте нынешнего музыкального театра. И еще один — на месте магазина «Лакомка». Но их потом снесли.

Так вот, никаких других самобытных построек в Кемерове в то время не имелось. Кругом обычные деревенские избы и несколько каменных домов, которые появились на Притомской набережной и в Соцгороде в 30-е годы. Поэтому, когда я увидела на горе большое сооружение, построенное из дикого камня, то сразу поняла, что с этим домом связана какая-то история.

В штабе военнопленных мы довольно быстро управились с делами, и я решила погулять вокруг того странного дома, благо до отхода катера оставалось время. Чем больше я раз-

глядывала здание, тем больше удивлялась. Попыталась спросить у прохожих, что тут было. В ответ: «А там кино показывали. А там буфет был. А еще библиотека...» Потом пожилая женщина, которая мыла пол на крыльце, сказала:

— Да американцы тут жили!

— Какие американцы?

— Откуда я знаю! Но точно вам говорю: раньше здесь жили американцы.

Мне показалось странным: такой необычный дом, а никто ничего не знает. Стала наводить справки в архиве. Нашла один фонд. Но многие его документы были засекречены. Тем не менее даже то, что мне удалось получить из открытых фондов, впечатляло: передо мной открылась удивительная история Автономной индустриальной колонии «Кузбасс».

Несколько позже, в 50-е годы, в Кемеровском педагогическом институте появился исторический факультет, который возглавила Зинаида Георгиевна Карпенко, крупный специалист по истории Кузбасса. Она уговорила меня поработать на заочном отделении. Спустя некоторое время Карпенко, побывав на моей лекции, сказала: «Да вы преподаватель милостью божией!» Так я навсегда стала преподавателем.

К этому моменту я уже опубликовала в газетах несколько статей по истории родного края. Я сказала Зинаиде Георгиевне, что хочу вплотную заняться наукой и написать кандидатскую диссертацию об истории АИКа. Ответ был таков: «Мы эту тему для кандидатской не утвердим! И не надейтесь!» Я стала возражать. На что Карпенко сказала: «Впрочем, если хотите — занимайтесь, конечно. Это же ваше личное дело». С огромным трудом мне удалось включить в диссертацию лишь главу об АИКе.

Затем, взяв за основу свои опубликованные газетные статьи и диссертацию, я решила написать книжку о колонии. Обратилась в местное книжное издательство. Главный редактор, некий Кыков, насторожился. «Вы что, с ума сошли? Это же были шпионы, а вы о них книгу собираетесь писать!» — заявил он.

Ну, в общем, я все поняла, но продолжала изучать деятельность колонии.

Параллельно со мной этой темой занялась журналистка Нина Козько. Ее заинтересовала личность Эрниты — главной героини одноименной повести известного американского писателя Т. Драйзера. Прообразом Эрниты была

американская колонистка АИКа Рут Кеннелл. Короче, мы с Ниной Козько стали сотрудничать.

Неожиданно у нас появился союзник. Это была выпускница нашего филфака журналистка Инна Золина. Сначала она работала в газете «Комсомолец Кузбасса», а потом в «Кузбассе». Каждый раз, когда я приходила в редакцию, Золина повторяла: «Вы пишете, пишете! Обо всем пишете! Это же так интересно!» Помню, ее горячая поддержка побудила меня написать о С. Рутгерсе, основателе колонии АИК, большой очерк под названием «Рыцарь идеи».

Однажды на каком-то совещании работников культуры я высказала идею о том, что в доме на Красной Горке надо сделать музей...

В. Сухацкий: Это когда примерно было?

Е. Кривошеева: Это были, наверное, 60-е годы. Может быть, начало 70-х.

В. Сухацкий: И какова реакция?

Е. Кривошеева: Вы же помните, как власти относились к историческому прошлому в те годы. Чего стоило защитить от сноса одно из старейших зданий Щегловска «Дом Губкина»! Помните, что по этому поводу говорил один титулованный чиновник, между прочим заслуженный работник культуры: «Губкин — это же кулак! Зачем нам его имя увековечивать?!»

Было очень мало людей, которые могли бы поддержать идею создания музея. Например, наш заведующий кафедрой, выступая на каком-то научном форуме, озвучил мое предложение. Но, как он мне потом сказал, никто по этому поводу даже слова не обронил.

В. Сухацкий: Получается, что никакого энтузиазма со стороны властей не наблюдалось?

Е. Кривошеева: Не знаю. Я же не из их числа. Никто не знает о том, какие планы они вынашивали. Но, как известно, вода камень точит, и спустя десятилетия, в начале 90-х годов, власти наконец-то приняли постановление об открытии музея города Кемерово. Появился официальный документ, даже штатное расписание утвердили, но музея, как такового, не было. Менялись его директора, а музея по-прежнему не было.

Ничего плохого о прежних директорах сказать не могу. Помню Олега Зенкова. Он все бегал, хотел что-то сделать, но в музее не появлялся, потому что там находился детский сад.

Дело сдвинулось с мертвой точки, когда за восстановление здания взялась заводделом

культуры Ольга Сергеевна Тринченко. Я ее хорошо помню. Именно она выселила детский сад и провела ремонт здания. Мне кажется, что этот человек очень хорошо понимал историческую значимость объекта.

Шло время. Еще до начала ремонта здания на Красную Горку стали часто наведываться иностранцы, в частности голландцы.

Однажды ко мне обратились дети колонистов Схоорл — Ани и Том. Они родились на Кемруднике, в 1924 и 1927 годах соответственно. Потом с родителями вернулись в Голландию. Я пригласила их в гости. Показала больницу, где они появились на свет, детский сад, который значился как музей, но таковым не являлся. Помню, что как-то неловко мне в тот момент было.

Но особенно мне запомнилась другая экскурсия. В то время директором музея была Людмила Петровна Платонова. Ремонт — в самом разгаре. А тут приехал какой-то американский журналист. Директор музея позвонила мне и попросила провести экскурсию.

— Какую еще экскурсию? — удивилась я. — Там ведь даже пола нет! Холод такой, что руки мерзнут.

— Все равно надо встретить гостя и рассказать о музее.

— Но ведь там ремонт!

— Вот и хорошо! Пусть увидит, что мы не сидим сложа руки...

Для приема важного гостя в большом зале поставили несколько столов и стендов. Какие-то книжки положили, бумаги, вещи. Короче, все, что было под рукой.

Конечно, американца сопровождали наши чиновники. И вот веду я экскурсию, стоя на досщечке, переброшенной между лагами, и рассказываю гостям о колонии, о назначении музея. А сама думаю: как бы не оступиться, как бы не свалиться в яму. И вижу, что кемеровские начальники тоже глаза вниз опустили, тоже боятся упасть. Вот тогда-то у меня и возникла уверенность, что новый музей в городе все-таки создадут.

Но все было не так просто. В печати вдруг появилась целая серия публикаций о том, что не надо создавать музей, посвященный АИК «Кузбасс». Это происходило уже в ельцинские времена. Некоторые кемеровские историки вдруг решили, что история международного

предприятия на берегах Томи не заслуживает внимания. Они утверждали, что колония состояла из проходимцев во главе с авантюристом международного масштаба С. Рутгерсом. Ссылаясь на некоторые сводки партийных и чекистских информаторов, жалобы и кляузы, новые исследователи заявили, что Автономная индустриальная колония «Кузбасс» — это афера, которая закончилась полным провалом.

Разумеется, прежде всего они обратили внимание на мои книги: «Большой Билл в Кузбассе» и «Загадка Эрниты». Выглядело это так: Кривошеева пишет историю колонии, приводя в качестве аргумента письма 12-летней американской девочки Анны Прейкшас, которая приехала с родителями в Кемерово. Было прямо сказано, что исследование, основанное на письмах пионерки и воспоминаниях стариков-колонистов, это — несерьезно и ненаучно.

Я не стала спорить. Промолчала. Но иногда молчание громче крика.

Так оно и получилось. Как ни старались очернить историю колонии и поставить крест на создании музея, а он все-таки появился! Он есть! Работает! Его посещают тысячи и тысячи людей, в том числе из многих стран мира. Музей стал одной из главных — а по мне так главной — достопримечательностей Кемерова.

В. Сухацкий: Расскажите о первых экспозициях! Материалов имелось достаточно?

Е. Кривошеева: Ничего не было! Все создавалось с нуля. Я, например, отдала всё, что было в моей личной коллекции: документы, переписку с колонистами, материалы, которые я нашла в архивах Института социальной истории в Амстердаме. Много материалов представили дети колонистов.

В. Сухацкий: А наш Кемеровский областной краеведческий музей что-нибудь передал «Красной Горке»? Ведь в прежние годы именно он занимался сбором материалов о колонии.

Е. Кривошеева: Я таких материалов не видела. Мне об этом ничего не известно.

В. Сухацкий: Вслед за открытием музея началась серьезная научно-исследовательская работа. Появились научные чтения, конференции, стали публиковаться новые материалы...

Е. Кривошеева: Скажу вам честно, я не понимаю, почему эти чтения, которые проводятся в Кемеровском госуниверситете, именуется «Халиулинские», а в музеях — «Балибалов-

ские». Халиулин — обыкновенный преподаватель КемГУ, автор одной из многих докторских диссертаций ученых. В университетской библиотеке мне сказали, что они не припомнят случая, чтобы кто-нибудь взял почитать его научный труд. Если вы спросите у историков, кто такой Халиулин, то сомневаюсь, что им знакома эта фамилия.

Ну а называть научно-исследовательские конференции именем известного журналиста, а не ученого-историка (я говорю о И. А. Балибалове) выглядит тоже как-то неуместно. Тем более мы же знаем, что в своем первом издании книги «Кемерово» (1957) И. Балибалов негативно отзывался об АИКе. Ну, бог с ним, с Балибаловым...

Если кто и внес огромный вклад в развитие исторической науки нашего края, так это, конечно, З. Г. Карпенко.

Но, конечно, вы правы — в последние годы появилось немало работ, написанных «аиковедами»: З. Волковой, Л. Галкиной, И. Захаровой, Ю. Зюзьковым, Ю. Юровым, американцем Дж. Морреем и, в особенности, голландскими учеными и журналистами.

Что касается сбора материалов, то музей истории Кемерова «Красная Горка» сделал настоящий прорыв. В его фондах хранятся уникальные материалы. И ни в коем случае не надо прекращать поисков!

Я считаю, что, во-первых, надо выяснить, какими материалами по АИКу располагает областной краеведческий музей. Во-вторых, я уверена, что в России у некоторых людей имеются интересные документы, касающиеся истории АИКа и города. В-третьих, не будет лишним попытаться собрать важные для нас документы за рубежом. Если голландцы щедро поделились с нами информацией, то американские источники практически не изучены.

Мне, например, очень интересна личность Джека Тучельского, инженера из Детройта, который после ликвидации колонии остался жить в СССР. Каким был этот человек, которого колонисты называли «мэром Красной Горки»? Доподлинно известно, что Д. Тучельский писал письма своей американской невесте и послал ей множество фотографий с видами Кемерова. Вот бы их найти!

Артефакты для музея, конечно, представляют главную ценность. Но равно как и архивные

документы, научно-исследовательские труды. Их тоже необходимо собирать.

Есть и еще один аспект развития музея. Совершенно очевидно, что «Красная Горка» превращается из музея истории города Кемерово в музей отечественной и мировой истории. Примером тому — новая экспозиция, которая посвящена освоению сибирских недр. Тут и рудознатец Михайло Волков, и Копикуз, и И. Федорович, АИК...

Но я хочу обратить внимание на другое. В последнее время вдруг появился небывалый интерес к сибирским первопроходцам. А это же интереснейшая тема: М. Волков, Д. Мессершмидт, демидовские разведчики, Г. Миллер, П. Чихачев... Материалов — превеликое множество. Но такого маленького здания, которым сегодня располагает «Красная Горка», для объемных экспозиций явно недостаточно. Надо расширяться!

В. Сухацкий: У нас есть новая экспозиция, которая называется «Как Россия прирастала Кузбассом». Что вы можете сказать по поводу ее вида и содержания?

Е. Кривошеева: Я была во многих музеях мира, но запомнились два, оба отечественные. Один из них — это городской музей в Днепрпетровске. Огромные залы, много света. Очень современное здание! Но никакой информации о городе в этом учреждении практически нет. Только о Л. Брежнев, который, как известно, жил и работал в Днепрпетровске.

Другой запомнившийся мне музей находится в Тобольске. Музей расположен в старинной крепости и располагает множеством материалов об освоении Сибири, богат коллекциями уникальных вещей. Но все это выглядело так, как в магазине на прилавке: уютно и тоскливо.

А вот то, что я недавно увидела на «Красной Горке», это действительно впечатляет! Потрясающая экспозиция, рассказывающая об истории Кузбасса конца XIX — начала XX веков. Совершенно очевидно, что над ее созданием поработал весь коллектив музея. Но особо я хочу сказать о работе художника.

Как известно, начало XX века — это эпоха конструктивизма. И вот этот дух новаторства очень хорошо передан в оформлении выставки. Строгая геометрия, рельефные формы панелей, футуристические «лестницы», огромные

черно-белые фотографии и плакатная, как у В. Маяковского, выразительность стендов — все это поражает воображение. Молодец художник! Очень удачное сочетание конструктивистских приемов начала XX века и современного компьютерного наполнения. Находясь в сравнительно небольшом выставочном зале, с помощью электронных информационных киосков можно узнать практически все о промышленном освоении нашего края. Я бы сказала, что авангардистская форма не только не помешала раскрытию содержания, а, напротив, дополнила его.

На мой взгляд, новая экспозиция — огромное достижение сотрудников музея. И в первую очередь директора Натальи Анатольевны Шелеповой, которая хорошо понимает, в каком направлении должен развиваться музей.

Но в этой связи неумолимо встает вопрос о дальнейшем развитии этого исторического заповедника Кемерово. Увы, сегодня в городе не так много исторических зданий, построенных в начале XX века. Одно из них — здание конторы Копикуза. Совершенно понятно, что нужно обязательно сохранить это уникальное строение и разместить в нем музей истории освоения Кузбасса. Такое решение само просится. Других вариантов нет. А то, не дай бог, строение купит какой-нибудь олигарх и будет там шашлыки жарить.

Уже само здание является историческим памятником. Не знаю, почему власти находят деньги на многое, но только не на это...

В. Сухацкий: Каким вы видите будущее музея «Красная Горка»?

Е. Кривошеева: Вектор дальнейшего развития музея уже выбран, если судить по названию недавно открывшейся экспозиции «Как Россия прирастала Кузбассом». Это и есть новое направление в деятельности музея. Необходимо сделать так, чтобы «Красная Горка» была не просто учреждением культуры, а одним из центров патриотического воспитания молодежи. Если школьники будут хорошо знать историю не только своего города, но и всеобщую историю государства, то они, вне всякого сомнения, будут уважать свою страну. И в этом смысле музей «Красная Горка» как раз и является одной из тех самых духовных скреп, о которых так много говорят, но мало кто понимает, что это такое...

САЙМОН ФРЭНСИС

О СЕБЕ

Саймон Фрэнсис

*Визит Султана
Барнео и Министра
образования в
Университетскую
библиотеку*

На Байкале

В музее «Красная Горка»

В год 25-летнего юбилея музея нельзя не вспомнить о человеке, внесшем огромный вклад в комплектование фондов музея материалами по главной его теме — истории АИК «Кузбасс». Речь идет о Саймоне Фрэнсисе, библиотекаре из Лондона, который, посетив музей в 2002 году и заинтересовавшись историей колонии, присылает с тех пор в музей множество копий фотографий, документов, газет, диссертаций, найденных им в хранилищах разных стран и связанных с колонией. Среди них Библиотека Конгресса США, Национальный архив США, Архив Гувера, библиотеки Калифорнийского, Стэнфордского, Принстонского университетов, архив голландского города Амерсфорт, университета в Канаде, библиотеки в Британии и др. Без его помощи

эти материалы были бы недоступны ни для музея, ни для исследователей.

О нем самом кемеровчанам почти ничего не известно (в одном из номеров альманаха «Красная Горка» помещена лишь небольшая заметка о Саймоне Фрэнсисе). В юбилейный для музея год мы хотим поближе познакомить читателей с почетным дарителем музея, нашим внештатным сотрудником и единственным меценатом, который подвижнически, бескорыстно помогает раскрывать уникальную страницу мировой истории, связанную с деятельностью АИК «Кузбасс».

Мы обратились к Саймону Фрэнсису с просьбой подробнее рассказать о себе, о своей деятельности, о том, чем привлекла его тема АИК.

Я родился в 1938 году и прожил большую часть своей жизни в Лондоне, где живу и в настоящее время, уже как пенсионер.

Будучи профессиональным библиотекарем, я работал, главным образом, в университетских библиотеках и преподавал библиотечное дело. Моя жена также библиотекарь. Детей у нас нет.

Одним из моих увлечений всегда были путешествия, и мне очень повезло, что работа библиотекаря дала много возможностей получать удовольствие от этого увлечения. Я участвовал в профессиональных конференциях, читал лекции и учебные курсы и давал консультации во многих странах Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. В течение двух месяцев я работал в Ираке по линии Организации Объединенных Наций незадолго до недавней войны. В 1989 году я был приглашен в новый университет, создаваемый в крошечном, богатом нефтью государстве Бруней на острове Борнео, недалеко от Сингапура и Таиланда, чтобы стать первым директором университетской библиотеки. Я жил там в течение трех лет, и с местными коллегами мы создали университетскую библиотеку, которую посетил глава государства, султан, называемый в то время «самым богатым человеком в мире».

В конце 1995 года я был приглашен в лондонскую многонациональную команду библиотекарей и компьютерных специалистов, которая начинала работу над большим проектом в библиотеке Томского государственного университета. Проект финансировался Европейским Союзом и имел целью помочь библиотеке разработать и внедрить современные компьютерные методы и системы.

В течение последующих трех лет я ежегодно совершал по три поездки в год в Томск, работая с сотрудниками библиотеки. Проект был успешным, и Европейский Союз согласился выделить дополнительный грант на распространение результатов работы проекта в Томске в других университетских библиотеках Западной Сибири. Во время этого второго проекта вместе с коллегами из библиотеки Томска я побывал в Сургуте, Барнауле, Омске, Новосибирске, Иркутске и Владивостоке, а также в Кемерове.

В результате моего визита в Кемерово было принято решение подать заявку в Европейский Союз на получение гранта для внедрения современных компьютерных систем в библиотеке

КузГТУ. К счастью, заявку также одобрили, и я стал приезжать в Кемерово по нескольку раз в год для работы с директором библиотеки КузГТУ Еленой Николаевной Киндиченко и ее коллегами.

Во время одного из таких визитов в начале 2002 года Елена Николаевна предложила мне посетить музей «Красная Горка». В музее нас встретили директор Андрей Зыков и его коллеги, они познакомили с деятельностью АИК. Я никогда ничего не слышал об АИК прежде, и меня это очень заинтересовало. Во время экскурсии по музею я заметил одну или две публикации 1920-х годов на английском языке о деятельности АИК, и с этого начался мой профессиональный интерес как библиотекаря. Я спросил Андрея, есть ли в музее еще подобные материалы, и он ответил, что их мало; о некоторых других они знают, но не смогли их получить. Я предложил свою помощь в поиске каких-нибудь материалов в библиотеках Лондона и, по возможности, сделать копии с них. Андрей сказал, что музей был бы очень благодарен за все, что я смог бы найти и скопировать.

У себя дома, в Лондоне, я искал в библиотеках и по базам данных книги, брошюры, статьи и университетские диссертации, написанные колонистами или современными исследователями. Я смог получить копии довольно большого количества документов и привез их с собой, когда вернулся в Кемерово через несколько месяцев. Андрей и его коллеги были очень рады привезенным материалам, часть которых была совершенно новой и неизвестной сотрудникам музея.

Сначала я был заинтересован в том, чтобы получить и ксерокопировать материалы, но, по мере того как я собирал их, я начал читать эти документы и больше понимать о деятельности АИК и о людях, которые в ней участвовали. Вот с чего мой интерес начался и продолжается до сих пор.

Навыки и опыт библиотекаря, полученные в ходе моей профессиональной деятельности, очень помогли мне в поисках документов и материалов об АИК. Каждый раз, бывая в библиотеке или получая доступ к компьютерной базе данных, я ищу материалы об АИК. Иногда документы, которые я нахожу, очень интересны.

Недавно я просматривал базу данных архивных китайских газет и обнаружил статью об АИК, написанную одним из колонистов. Г. А. Ганнер приехал из США в 4-й группе коло-

нистов, чтобы присоединиться к АИК. В феврале 1923 года он и некоторые другие колонисты, недовольные ситуацией, уехали из колонии и отправились обратно в США через Китай. Он написал статью о своем опыте в АИК, опубликованную в Шанхае в англоязычной «North China Herald», и я скопировал эту статью из оцифрованной газеты. В статье довольно критически оцениваются управление и организация в АИК и Нью-Йоркском отделении, которое принимало его на работу.

Во время поездки в Вашингтон в прошлом году я был в библиотеке Конгресса, Национальной библиотеке США и нашел очень интересную фотографию жилых домов и зданий колонии. Снимок был сделан в октябре 1922 года американской кинокомпанией, которая готовила информационные материалы об АИК. Я смог сделать копию этой фотографии и внимательно изучил ее, когда вернулся в Лондон. Потом я случайно обнаружил подобную фотографию, которая была продана где-то в США, и смог загрузить копию из Интернета. Далее было немного детективной работы. (Помните, что Шерлок Холмс был англичанином!) Когда я приложил одну фотографию к другой, оказалось, что они были сделаны одновременно (даты и номера на обороте каждой из них были очень похожи) и сняты с одного и того же высокого здания, но в противоположных направлениях. Тогда я вдруг понял, что, если перевернуть одну из фотографий слева направо (это легко сделать на компьютере), обе фотографии могут соединиться и образовать единую панораму.

Теперь две интересные фотографии стали одной ОЧЕНЬ интересной панорамной фотографией.

Я послал копию фотографии д-ру Зиноре в музей АИК на Красной Горке, которая очень ею заинтересовалась. Она вспомнила, что некоторое время назад некая пожилая женщина посещала музей и говорила о том, что в 1930-х годах жила в колонии, будучи еще ребенком. Д-р Зинора показала фотографию этой женщине, и та смогла рассказать, с какого здания были сделаны фотографии и кто жил в некоторых из домов. Это очень приятный пример международного объединения библиотечных навыков и музейной исследовательской работы с целью пополнения фондов музея АИК.

Осенью 1925 года американский писатель-социалист, который интересовался трудом шахтеров, посетил АИК во время поездки по

всему миру. Он оставался в АИК в течение четырех месяцев, работая под землей, в шахте. Почти каждый день он вел подробный дневник и, когда вернулся в Америку, начал редактировать его для возможной публикации. Дневник не был опубликован, и я обнаружил его страницы в архиве библиотеки университета в Америке. Я смог сделать копии 48 страниц дневника, которые описывают его опыт в АИК, и отдал в музей «Красная Горка».

С помощью компьютерных баз данных и веб-сайтов я смог загрузить и отправить в музей такие документы, как копии заявлений (с фотографиями) ряда колонистов, когда они подавали заявки на получение паспортов, чтобы уехать из Америки в АИК, и несколько газетных статей о жизни в России, написанных Рут Кеннелл, которая была библиотекарем и секретарем в АИК и подготовила многие из рекламных материалов о колонии.

Я надеюсь, что эти материалы будут интересны научным сотрудникам музея и его посетителям. Мне любезно подарили экземпляры прекрасных книг по исследованиям истории АИК, в которых частично использованы и собраны мною материалы. Очень приятно видеть доказательство того, что мои усилия были полезны людям, изучающим деятельность колонии!

История АИК, с ее успехами и неудачами, и людей, которые участвовали в ней, должны быть сохранены для будущих поколений, и работа музея и его сотрудников является важным средством достижения этой цели. Я рад, если смог внести свой небольшой вклад в эту деятельность. Надеюсь, что музей и впредь будет успешным в своей работе, а я буду продолжать искать материалы, чтобы добавить их к коллекции.

Не совсем английский джентльмен

Кемеровчане давно не удивляются, встречая на городских улицах иностранцев. Кто только нынче к нам не приезжает! И все же увидеть прогуливающегося над Томью по набережной настоящего британского джентльмена - редкая удача.

Татьяна КЛЮКВИНА

klukvina@keminfo.ru

Саймон Френкс полностью соответствует образу безупречно воспитанного интеллектуала с изысканными намерениями. Но есть одно «но»: уж слишком он большой энтузиаст.

Живой нрав, чуткость к окружающим, безудержная увлеченность, энергия, быстрая реакция - вот те качества, которые не позволяют наклеить на него ярлык «поларный англичанин».

А увлечен mister Френкс...

Кузбассом. Трудно поверить, но крупицы истории нашего с вами города хранятся в архивах и библиотеках очень многих стран. Фотография Кемерова как младенческого возраста, официальные документы да и просто рассказы о непростой жизни индустриальцев в далекой

лесной провинции TEMPLUS (на развитие региональных библиотек - авт.) в библиотеке КузГТУ. Три-четыре года назад коллеги предложили мне посетить музей «Красная Горка», Андре (Андрей Викторович Зинор, директор музея - авт.) показал мне здесь все.

Когда в страсти, есть ли у нас другие публикации, кроме тех, что представлены на выставках, он ответил, что больше, увы, ничего нет. Но я же библиотекарь! То есть специалист по публикациям. Я пообещал найти что-нибудь об АИК «врубаски» и привезти в следующий раз.

В следующем раз Саймон приехал в Кемерово уже с толстой пачкой бумаг. «Вот с такой!», - показывает он руками. Вторая пачка документов не была такой большой, как первая. Но зато,

На уникальных фотографиях, найденных в университетской библиотеке штата Индиана, - вид Кемерова 20-х годов. - Это река Том, - говорит Саймон

ВАН ЛОХЕМ – ГОЛЛАНДСКО-КУЗБАССКИЙ АРХИТЕКТОР

*Йоханнес Бернардус ван Лохем
(19.10.1881–28.02.1940,
г. Харлем, Голландия)*

Нидерландский архитектор, градостроитель и дизайнер мебели. Родился 19 октября 1881 г. в старинном городе Харлеме в семье преуспевающего предпринимателя, который выращивал и продавал луковицы тюльпанов. В 1905-1909 гг. изучал архитектуру в высшей технической школе в Дельфте (в настоящее время – Дельфтский технический университет).

После получения диплома инженера основал частную архитектурную практику в родном Харлеме, где сразу получил большое количество заказов на проектирование частных жилых домов. Первые проекты Ван Лохема выполнены в традиционном стиле (например, собственный дом архитектора), но уже к 1916 году в его работах проявляется влияние новаторской архитектуры, в частности, знаменитого амери-

канского архитектора Фрэнка Ллойда Райта (1867–1959), основоположника философии «органической архитектуры», согласно которой основой проектирования зданий должна быть гармония между человеком и его окружением. Интерьеры особняков были так же важны для Ван Лохема, как удобная планировка и красивые фасады, и проектировались как единое целое. Для некоторых зданий архитектор запроектировал не только внутреннее убранство, но и всю мебель.

Одним из многочисленных заказчиков архитектора была также местная электрическая компания, для которой с 1914 по 1919 гг. он спроектировал и построил около 80 трансформаторных подстанций в разных районах Голландии.

Ван Лохем (крайний слева) и его сотрудники.
Около 1920 г.

Вилла «Каменная ограда» («De Steenhaag») –
собственный дом Й. Б. ван Лохема
на реке Спаарне в Харлеме
https://nl.wikipedia.org/wiki/Johannes_Bernardus_van_Loghem#/media/File:Haarlem-De_Steenhaag_vanaf_het_spaarne.jpg

Обложка одного из номеров журнала «Перемены»,
который Й. Б. ван Лохем
редактировал в 1919-1925 гг.
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wendingen1920EssersFront.jpg>

В 1911 г. Ван Лохем женился на талантливой художнице по тканям Берте Неймир, у них родилось четверо детей. С 1916 по 1918 гг. Ван Лохем входил в группу редакторов «Строительного еженедельника» («Bouwkundig Weekblad»). С 1918 по 1925 гг. редактировал знаменитый архитектурно-художественный журнал «Перемены» («Wendingen»), в котором печатались все крупные голландские архитекторы и художники. В 1919 г. становится одним из основателей «Союза революционно-социалистических интеллектуалов». В своем голландском архитектурном бюро Ван Лохем пытался вводить коллективистские методы организации и оплаты проектных работ, в связи с чем позднее известный голландский архитектор Альберт Букен называл его «культурным большевиком».

До приезда в СССР архитектором было спроектировано и построено около 25 частных домов, возведенных большей частью в Харлеме, и несколько комплексов экономических жилых зданий в Харлеме, включая Rosenhage (1919–1922), Tuinwijk Zuid (1920–1922), Patria (1922–1923). Эти комплексы строились в рамках принятой в Нидерландах государственной программы по строительству социального жилья для рабочих, обеспеченного необходимым уровнем санитарных удобств.

Среди проектов жилых комплексов, спроектированных Ван Лохемом, особое место занимает экспериментальная массовая застройка района «Бетонная деревня» (Betondorp, 1922-1923 гг.) в Амстердаме. Этим проектом завершился переход в творчестве архитектора от традиционализма к новому стилю функциональной архитектуры. Большой опыт архитектора по строительству массового «минимального жилища» для рабочих стал, по-видимому, причиной того, что он был приглашен основателем Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» Себальдом Рутгерсом на работу в СССР.

С марта 1926 г. по январь 1927 г. и с мая по сентябрь 1927 г. Ван Лохем руководил архитектурным отделом Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». За это время для застройки Кемеровского рудника архитектором было разработано несколько типов блокированных жилых домов для разных социальных групп. В Кемерове по его проектам построены блокированные дома для рабочих на 22, 24 и

12 однокомнатных квартир, мансардные дома на четыре 3-комнатные квартиры для специалистов, 2-квартирные двухэтажные дома для ИТР, школа, магазин (утрачен), Дом холостых химзаводчан (утрачен), производственные постройки (лаборатория и склад на химзаводе, здания бани, ламповой и раскомандировочной на шахте «Центральная»). Архитектором были выполнены также градостроительные проекты: планировка поселка Нижняя Колония при коксохимическом заводе и планировка центральной части Кемеровского рудника (район ул. Абызова).

После возвращения из СССР Ван Лохем основывает в 1928 г. собственное бюро в Роттердаме и становится членом роттердамской архитектурной группы «De Orbow» («Строительство»), в которую входили также такие знаковые фигуры современной архитектуры, как Я. Ауд, М. Гранпре Мольер, П. Верхаген, Л. К. ван дер Флухт, Я. Йонгерт, М. Стам и другие.

В 1932 г. группа «De Orbow» официально объединилась с амстердамской ассоциацией голландских архитекторов «De 8» (Ян Даюкер, Герко Вибенга, Корнелис ван Эстерен и др.), после чего было принято решение об издании нового журнала «De 8 en Orbow». С 1932 г. и до дня своей смерти Ван Лохем был редактором этого журнала, ставшего рупором новой архитектуры в Нидерландах.

После возвращения в Голландию у архитектора было немного заказов — бассейн, дом отдыха, несколько вилл, построенных в функциональном стиле. В 1931 г. Ван Лохем принимал участие в знаменитом конкурсе на проект Дворца Советов в Москве, ознаменовавшем радикальный поворот советской архитектуры от конструктивизма к освоению классического наследия. В 1932 г. Ван Лохем публикует в Амстердаме книгу «Здания Нового Строительства в Голландии», которая сыграла роль манифеста голландского функционализма. В 1936 г. издает еще одну книгу — «Акустика и теплоизоляция в строительстве».

Йоханнес Бернардус Ван Лохем скоропостижно скончался в Харлеме в возрасте 58 лет 28 февраля 1940 г., накануне немецкой оккупации Голландии. Вдова Ван Лохема, боясь преследований, уничтожила все документы из семейного архива, связанные с его работой в Советском Союзе. Именем Ван Лохема названа улица в Харлеме.

Жилые дома, построенные Й.Б. ван Лохемом в «Бетонной деревне» в Амстердаме в 1924 г. (реставрация 1987 г.)
https://nl.wikipedia.org/wiki/Johannes_Bernardus_van_Loghem#/media/File:Schovenstraat_Betondorp_Amsterdam_NL_1.jpg

Тейнвейк («Садовый квартал») — жилой комплекс для рабочих, построенный в Харлеме по проекту Й.Б. ван Лохема в 1920–1922 гг.
https://nl.wikipedia.org/wiki/Johannes_Bernardus_van_Loghem#/media/File:Van_Loghem_Tuinwijk_Zuid_Haarle_1921_Naar_Engels_voorbeeld.jpg

Обложка журнала «De 8 en Orbow», редактором которого Й.Б. ван Лохем был с 1932 по 1940 г.
http://www.nai.nl/museum/museumwoning_sonneveld/item_links/_rp_kolom2-1_elementId/1_20079

Справка составлена на основе следующих источников: Невзгодина И. Йохан ван Лохем: два года голландского авантюризма в Сибири // Проект Сибирь. — 1999. — № 3. Molema, Jan. The New Movement in the Netherlands 1924–1936. — Rotterdam: 010 Publishers, 1996. — 160 p.

Art Encyclopedia: Johannes Bernardus van Loghem. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.answers.com/topic/johannes-bernardus-van-1>

Architectengroep de 8. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cartnet.com/library/00/0037/T003770.ASP>

NAI, Nederlands Architecture Institute. Электронный ресурс. Режим доступа: http://en.nai.nl/collection/view_the_collection/item/_rp_kolom2-1_elementId/1_102947

ВАН ЛОХЕМ О

РОССИИ

*Автопортрет,
сделанный в
Кемерове*

90 лет назад начался «кузбасский период» в жизни и творчестве голландского архитектора Й. Б. ван Лохема. В 1926 году по приглашению своего соотечественника, директора АИК «Кубасс» Себальда Рутгерса, он приехал в Кемерово, чтобы строить дешевое, но комфортабельное жилье для рабочих. Целые поселки из таких домов он возвел в Голландии, но начавшийся экономический кризис прервал его работы, и предложение Рутгерса реализовать свои планы в Сибири он воспринял как подарок судьбы. Он познакомился с русской архитектурой, выучил русский язык и, полный энтузиазма, вдохновленный идеей строительства нового справедливого общества, прибыл в Кемерово. Его резиденцией и опытной площадкой стала Красная Горка. Здесь он жил, здесь строились все разработанные им типы домов и гражданских сооружений.

«Кузбасский период» Лохема продлился всего полтора года. Ван Лохем называл свою работу в Кузбассе «новаторской». Но новаторство голландских специалистов было слишком непривычно и вызывало неприятие советских чиновников и местного населения. Критике подвергались не только новая архитектура и необычные технологии, но и сами экспериментаторы.

Если до середины 1927 года Ван Лохем, несмотря на жесткую критику, еще имел возможность работать самостоятельно, то позже ни о какой самостоятельности не было и речи. Усиливающаяся бюрократизация всего управленческого аппарата, подрывающая всякое творчество, сделала ситуацию для Ван Лохема невыносимой. В письмах друзьям он писал: «Здесь действительно стало нечем дышать. Я лично еще кое-как держусь, потому что я, ко-

нечно же, должен закончить начатую работу, но те, которые сталкиваются с управлением или скорее с его пренебрежением, действительно от этого страдают... Методы работы становятся все более противными. Не выполнен почти ни один проект, а если и выполнен, то от первоначального замысла почти ничего не остается...»; «Я сыт по горло Россией и сегодня же уезжаю. Здесь всем заправляет такая шайка ленивых бюрократов, что мне просто необходимо вдохнуть свежего воздуха».

В сентябре 1927 года Ван Лохем вернулся в Голландию, разочарованный и подавленный тем, что пришлось оставить свои планы в России незавершенными. «Благополучие моих детей вернуло меня из восхитительно легкого Сибирского края снова сюда, спустившись на

землю искать новые возможности».

В Голландии он опять создал архитектурное бюро в Роттердаме, редактировал архитектурный журнал, продолжал экспериментальные поиски в области архитектуры и стал одним из наиболее ярких представителей функционализма — нового архитектурного направления.

Но и в Голландии он не забывал свою кузбасскую эпопею и возвращался к этому опыту в книгах, статья и лекциях. Будучи мыслящим, наблюдательным человеком, он за короткое время пребывания в России достаточно хорошо понял особенности страны и русского менталитета и делился этими наблюдениями с голландцами.

Предлагаем вашему вниманию выдержки из книг и лекций Ван Лохема.

О РАБОТЕ В КУЗБАССЕ

Я рассчитываю найти в вас слушателей, которые не обращаются в слух лишь тогда, когда речь идет о плохом в России. Это практикуют, к сожалению, многие журналисты.

Моей задачей здесь не является углубление в политические осложнения. Благодаря моей работе в течение двух лет, в 1926-м и 1927-м, в важных индустриальных районах Советского Союза у меня сложилось определенное представление, которое позволяет мне, по крайней мере, что-то рассказать об этой прекрасной стране.

Когда мне в 1925 г. предложили принять участие в строительстве в этой стране, я, недолго колеблясь, оставил работу в Голландии, чтобы убедиться в том, что здесь казалось невозможным.

Как новатор, я должен был дать стране не внешний блеск, а то, в чем она нуждалась. Я должен принять участие в закладке грандиозного фундамента, на котором вырастет новое строительное искусство.

Моим полем деятельности была преимущественно территория Сибири. Одно лишь слово Сибирь бросает многих в дрожь, но я смогу вас уверить, что тот, кто открыт навстречу природе, сможет найти там такую красоту, с которой могут сравниться лишь немногие места. Вы не

найдете там благостной картинной красоты. Природа там преисполнена могущественного величия, такого могущественного, что мы, привыкшие своей работой не нарушать природного единства, выгладим абсолютно беспомощно посреди этого величия.

Мое изучение русской архитектуры хоть и открывало моему уму понимание русской красоты, но предстоящее мне создание нового технического жилого центра, который одновременно с этим должен быть истинно русским, представлялось мне с трудом. Эта проблема приобретала тем более расплывчатые формы, чем больше бескрайних степей Сибири я искаживал, чем больше почти полностью пустынной земли проходило изо дня в день перед моими глазами и моей душой. Как посреди этого одиночества может возникнуть настоящий технический центр?

К счастью, времени на созерцания было слишком мало, т.к. сразу же после приезда передо мной был поставлен ряд задач, на обсуждение которых нам, с нашим европейским отношением к жизни, потребовался бы целый год. Уже через два месяца после моего прибытия были заложены важные фундаменты для различных типов зданий и утверждены в общих чертах план застройки города.

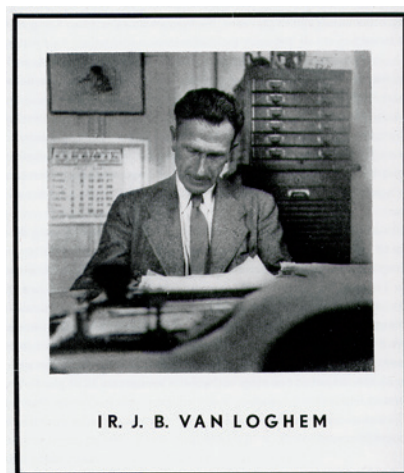
Быстрый темп работы, когда начинали строить, как только был закончен чертеж, снабженный лишь основными размерами, завораживал нас. Было напряжение без перенапряжения, которое часто появляется от медлительности и частых изменений. Это было по-американски, но все же так типично по-русски из-за недисциплинированности в организации, что вся серьезность ситуации, перемежаясь с комическими происшествиями, воспринималась с каким-то особенным счастьем.

Проведение канализации и водопровода, совершенно неизвестных до настоящего времени удобств, требует особой концентрации при закладке зданий, при этом от использования дерева следует отказаться. Постройка из камня принимается, и вот магическим образом повсюду вырастают кирпичные заводы, везде — глина, превосходная, пригодная к применению глина, использовавшаяся до настоящего момента лишь для кладки печей. Удивительно, что

эти кирпичные печи, совершенно незнакомые нам, известны там под названием «голландская печь».

Дни, посвященные этой работе, до сих пор остаются в моих воспоминаниях прекраснейшими днями. Сибирская весна превратила степи после 6-месячной спячки в рай цветов и зелени. Лишь по немногим маршрутам проходит в Сибири железнодорожное сообщение. Впрочем, там путешествуют на лошадях, которые день за днем проделывают свой путь почти непрерывным галопом по бесконечным степям. Постоянно мерцающий свет, усеянная цветами земля, ни одной живой души, орлы, подолгу кружащиеся над нашими головами. Они укрепляют в нас сознание одиночества этой прекрасной страны. А вечером — незабываемый закат, зажигающий небо черно-золотым огнем, и когда, усталые, мы приходим к своим русским друзьям, нас ждет там гостеприимный круг, который помогает нам разобраться в человеческой природе русских.

О РОССИИ И РУССКИХ

Последний портрет Лохема

Очень важен для понимания России также ее совершенно иной мир идей. Для нас идея более или менее сродни следствию, делу. В России же идея и дело неразрывны. Русские — чудесные фантазеры. Их духовный мир отличен от действительности. У них две жизни. Человек с Запада мыслит действительностью, человек с Востока мечтает действительностью...

Но их идеи остаются, в основном, на бумаге, потому что нет тех инженеров, которые с тщательным и неутомимым усердием воплощают эти идеи в жизнь. Так многие изобретения и проекты остаются невыполненными. Мастерские чертежи, гениальные по замыслу. В архитектурной области также фантастические проекты, которые не были исполнены, потому что... воля проектировщика не является той непреклонной волей, вдохновляющей нас, людей Запада, когда мы за что-то боремся. Мы более холодны, но упрямее, русские же более пылки, но быстро гаснут. Таким образом можно объяснить и тот факт, что страна бесконечно подвергается постоянно меняющимся представлениям. Здесь все доводится до крайности.

Наше время, с архитектурной точки зрения, является временем жилого дома. Жилой дом, во все времена являющийся отправной точкой в деле строительства, в наше время стал целью. В наших городах памятником архитектуры ста-

нет жилой дом и только жилой дом. Время, когда городским монументом являлся прекрасный собор, стоявший посреди бедных лачуг, прошло. В Европе это происходило постепенно, но Россия шагает через века.

Чтобы дать оценку России, нельзя опираться на европейские позиции, необходимо сравнивать старую Россию с новой...Между тем непросто освободиться от сравнения с европейской ситуацией. Однако причиной этому является, в основном, сама Россия, ставящая себя в технической области на одну линию с Америкой и Европой и не видящая, как огромные существующие различия. Это очень ощутимо в строительной области, где большие сооружения перенимают внешний вид современных деловых зданий за границы, не осознавая при этом внутреннего значения их.

Неудивительно, что Россия, которая на протяжении последних веков не может похвастаться ни одним вызывающим интереса зданием, в это время быстрого обновления и ускоренной индустриализации совершенно сбилась со следа и не только потеряла всякое чувство пропорций в своих сооружениях, но и запуталась в элементарных понятиях градостроения.

Внезапно снижется быстрый темп строительства. И неудивительно! Подобный темп,

вероятно, и необходим для строительства в Советском Союзе, но это не по-русски. Это противоречит русскому характеру. Техническое и экономическое образование не порождается декретами. Русские — теоретики, они прекрасно умеют планировать, но практика остается для них совершенно другим миром. Россия — страна противоречий, не знающая меры. Спонтанная сила может найти свое применение; но того ожесточенного упорства, которым должны быть заражены все слои населения для того, чтобы продвигаться вперед, России недостает.

Если проводимое дисциплинарное экономическое управление и является абсолютным условием для строительства в новой России, то архитектура не должна становиться жертвой этого. Градостроительство в целом и архитектура в частности определяют характер города или местности на долгие годы, и они не должны позволить овладеть собой опрометчивостью некомпетентных чиновников. Считаю крайне необходимым указать на это, ибо здоровая критика в области строительства напрочь отсутствует в России, тогда как в других областях критика в основном позитивна. Если Россия останется без участия искусства в управлении строительством, то она превратится в кладбище банальностей.

Русский жаждет дела, но влюблен в идею, которая часто оказывается пустой фразой. Это

приводит к образованию двух миров, которые по очереди подавляют друг друга. Победит мир дела — тогда иностранцев принимают с распростертыми объятьями, победит мир идеи — тогда ничто не годится в работе иностранцев. Это приводит к возникновению очень противоречивых ситуаций, которые формируют в человеке непосвященном тот знаменитый необъяснимый образ России.

Русский по-детски наивен, он углубляется каждый раз в кажущуюся новую проблему, принося в жертву последовательность. Однако не будем думать, что здесь мы можем похвастаться своим превосходством, ибо, благодаря своему спонтанному духу, Россия остается так восхитительно свежа, ничто в ней не ржавеет так быстро; и, благодаря этому свободному духу, многое удастся в те моменты, когда у нас здесь бы этого не получилось. Хотя с технической точки зрения спонтанность создает много трудностей.

Нельзя забывать, что Россия, хоть и лежит часть ее в Европе, все же очень мало общего имеет с Европой. Эта страна остается во многих областях загадкой, но тот, кто влюблен в эксперимент, сможет найти себе там прекрасное поле для деятельности.

Инж. Й. Б. ван Лохем, бывший архитектор г. Кемерово, Сибирь (подпись Лохема под текстом лекции)

Источники:
 Лохем Й. Б. ван. Новаторская работа в Советском Союзе: лекция в г. Хилверсум.
 Лохем Й. Б. ван. Строительство в Советском Союзе. 1927.
 Лохем Й. Б. ван. Россия: лекция в г. Роттердаме. 1928.

Конверт письма Ван Лохема

J B VAN LOGHEM

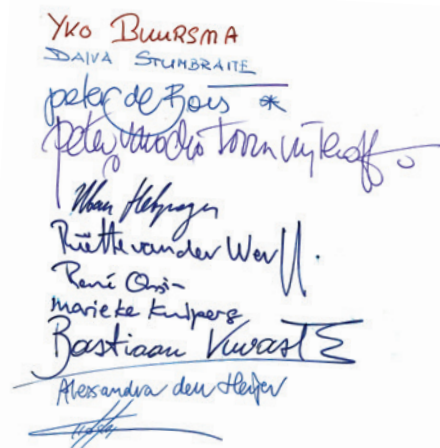
1881 - 1940

Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten

WIM DE WAGT

Schuyt & Co

Beelding van levenshouding

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ

В г. Кемерово голландский архитектор Й. Б. ван Лохем известен, прежде всего, как автор таких объектов, как дома-«колбасы», школа № 16 и двухэтажные «дома под красными крышами». Однако у себя на родине он прославился и на поприще строительства частных особняков и загородных коттеджей. Его выдающейся способности совмещать в своих проектах авторскую оригинальность с пожеланиями заказчика посвящена первая часть книги «специалиста по Ван Лохему» Вима де Вагта под названием «Изображение образа жизни» (1995). Издание, представляющее собой итог семилетнего исследования, снабжено большим количеством исторических фотографий и чертежей. Вот какую информацию выносит на обложку автор:

«Харлемский архитектор Й. Б. ван Лохем с 1910 по 1940 гг. был одним из новаторов нидерландской архитектуры. Из социалистических побуждений он провозгласил себя защитником Нового Зодчества (архитектурного модернизма) и функционализма.

Его идеи обрели форму не только в ряде публикаций (его книга «*Bouwen, Wonen, B'it, Building*» и многочисленных статьях для таких профессиональных изданий, как «*De 8 en Opbouw*»), но прежде всего в его здани-

ях, таких как бетонный проект в амстердамском Ватерграфсмере, жилые комплексы Тейнвейк-Зейд и Росехаге, бассейн «Спортфондсенбад» (Харлем), дом отдыха «Блаувут» (Дриберген) и т. д.

Менее известны проекты Ван Лохема для загородных домов и городских зданий. В них архитектор комбинировал радикальные новшества и традиционные голландские методы строительства, что приводило к поразительным результатам. Основной своей задачей он считал погружение в образ жизни своих клиентов, которые заказывали ему то фермерский дом, то дом в американском стиле, а то и классический жилой дом-особняк или парящий на фоне природного ландшафта белый куб.

В целом жилищное строительство Й. Б. ван Лохема является отражением динамичного периода в нидерландской архитектуре, ставшего источником вдохновения для последующих поколений архитекторов».

Книга была передана музею группой нидерландских архитекторов, которые приезжали в Кемерово на совместные русско-голландские семинары по сохранению ванлохемовского наследия, проходившие на Красной Горке в мае 2000 года.

ОСОБНЯКИ ХАНА ВАН ЛОХЕМА

*Дом для специалистов АИК,
ул. Красная Горка. 26*

Прежде чем отправиться в Советский Союз строить необыкновенные дома для рабочих, Йоханнес (Хан) ван Лохем возводил обыкновенные особняки в родной Голландии.

На Западе существует интересная традиция — давать имена домам. Особняки, которые ванн Лохем строил в предместьях Харлема, звали: «Де Ватерлели» — Водяная Лилия, «Хаутрюст» — Лесной Приют, «Де Рейгерторен» — Башня Цапель, «'т Зоннехёйс» — Дом Солнца, «Эйген Хаард» — Родной Очаг, «Де Званенхоф» — Лебединый Двор, «Хонк» — Родной Дом, особняк «Сингапур» и т. д.

Хотя этот милый обычай нам и чужд, но есть в нем что-то настолько органичное и естественное, что пробивается даже на местной городской почве: мы называем три общежития на проспекте Октябрьском «Три поросенка», длинный зелено-белый дом как раз напротив «Трех поросят» — «Китайской стеной», высотный дом на проспекте Ленинградском — «Свечкой», лекторий областной больницы — «Греческим залом», здание областной администрации — «Белым домом» и т. д. Давать неофициальные топонимы общественным зданиям или многоквартирным домам, конечно, не

совсем то же самое, что «окрестить» выстроенный на века и на собственные деньги особняк, который собираешься передать потомкам. Но тенденция эта отражает нечто древнее, уходящее корнями в наше общее прошлое: стремление отождествлять человека с его домом, а дом — со всем миром.

Рождение дома — космогония в микро-масштабе, а гибель дома — маленький апокалипсис. Поэтому темные окна заброшенного жилища так часто сравнивают с пустыми глазницами черепа. Человек, он ведь «homo ab hito», создан из земли, из глины, и из глины он создает строительный материал для своего жилья, как бы повторяя в меру своих скромных возможностей акт сотворения себя самого.

Это архетипическое отождествление — «человек=дом=мир» — очень хорошо проявляется в мировой литературе: от такой знакомой каждому русскому человеку избы из «Матренина двора» Солженицына до фантастического замка «Горменгаст» Мервина Пика, от готического особняка «Мандерли» из «Ребекки» Дафны дю Морье до злосчастного домика из пяти кирпичей, выстрадавшего кумом Тыквой из «Чиполлино». Любой студент-фи-

лолог знает: если в художественном произведении слишком акцентирован образ архитектурного строения, будь это сарай или лабиринт, то строение это — не само по себе, а символ, указывающий на нечто более сложное: страну, род, человеческую душу.

Карл Густав Юнг, «отец психоанализа», построивший для себя дом-башню в 1923 году, описывает в своих автобиографических воспоминаниях такой сон: «Я находился один в незнакомом двухэтажном доме, и это был «мой дом». На верхнем этаже было что-то вроде гостиной с прекрасной старинной мебелью в стиле рококо. На стенах висели старинные картины в дорогих рамах. Я удивился, что этот дом — мой, и подумал: «Ничего себе!» Затем, вспомнив, что еще не был внизу, я спустился по ступенькам и оказался на первом этаже. Здесь всё выглядело гораздо старше, похоже, что эта часть дома существовала с XV или XVI века. Средневековая обстановка, пол, выложенный красным кирпичом, — все казалось тусклым, покрытым патиной. Я переходил из комнаты в комнату и думал: «Нужно осмотреть весь дом». Очутившись перед массивной дверью, я открыл ее и увидел каменную лестницу, ведущую в подвал. Спустившись, я оказался в красивом старинном сводчатом зале. В кладке стен я обнаружил слой кирпича, в строительном растворе тоже были кусочки кирпича. Так я догадался, что стены были возведены еще при римлянах. Мое любопытство возросло. Я стал внимательно осматривать каменные плиты пола: в одной из них оказалось кольцо. Я потянул за него — плита приподнялась, открывая узкую каменную лестницу, ступени которой вели в глубину. Я спустился вниз и попал в пещеру с низким сводом. Среди толстого слоя пыли на полу лежали кости и черепки, словно останки какой-то примитивной культуры. Я нашел там два очень древних полуистлевших человеческих черепа — и в этот момент проснулся».

К.Г. Юнг так истолковал свой сон: дом — это образ души, структура внутреннего мира человека, в котором сознание занимает лишь верхний этаж, а на нижнем этаже начинается бессознательное. И одновременно дом, с его необитаемым «средневековым» первым этажом, «римским» подвалом и доисторической пещерой, — это вехи истории человечества.

Жилой дом, соответственно, есть одновременно и образ истории, и образ души, макрокосм и микрокосм в одной оболочке.

Хан ван Лохем строил свои особняки именно так: как образ истории и культуры, внутри которых этот дом существует, и как образ человека, который существует внутри этого дома.

Разберемся сперва с историей. У Ван Лохема была вполне четкая идея: жилой дом не должен подчиняться законам какого-либо искусственно выдуманного стиля. Жилой дом — как живой организм, он растет по законам прагматики, а не моды: его окна смотрят туда, где красиво, а бока греются на солнце, он как бы притаился в окружающем пейзаже и не выставляет себя напоказ. Жилой дом должен одновременно объединять в себе веками формировавшиеся архитектурные находки и суперсовременные достижения, позволяющие облегчить ведение хозяйства: традиция и инженерный гений должны работать на комфорт хозяев. Поэтому Ван Лохем строил свои особняки по образу и подобию старой североголландской архитектуры. Ведь, если задуматься, формы обыкновенного деревенского сарая или скирды практически идеальны, ибо они — как слова и мелодия народной песни, обкатаны потоком истории до состояния совершенства. Жилой дом в понимании Ван Лохема — парадоксальный синтез максимально открытого пространства, наполненного воздухом и светом, уединения и тепла, уюта и безопасности. Практичность и приземленность романского прошлого противопоставлена «нездешней» готике: «тело дома» скорее горизонтально, но для достижения гармонии присутствует вертикальная линия — как правило, это дымоход.

Дом, построенный вчера, должен выглядеть так, будто в нем уже прожили несколько поколений. Дом, построенный в эпоху турбулентных социальных преобразований, должен выглядеть естественно — так, чтобы в нем могли комфортно жить еще несколько поколений. При этом Ван Лохем использует новейшие достижения архитектуры в области комфортного жилья: чтобы поддерживать самые просторные его особняки в чистоте и порядке, не требуется армия слуг.

Материалы предельно естественны: дерево, кирпич, черепица или солома, природный камень. И еще — максимальная «честность», открытость конструкции и материалов: костяк дома должен ощущаться под мякотью его плоти, которая всегда представляет собой именно то, чем кажется, — дерево сохраняет свой уникальный рисунок, а камень диктует скульпто-

Особняк «де Зоннехёйс»

Де Схелф, летний домик семьи ван Лохемов

ру форму скульптуры. При этом Ван Лохем не чурается и новинок, к примеру, «хита» строительных технологий того времени — штукатурки «Тегганова».

Ван Лохема всегда привлекало то, что крестьяне сами строят все помещения на ферме и не думают ни о каком стиле — они просто строят то, что им нужно. Традиционный для северо-голландской архитектуры прием, который архитектор активно применял в своих проектах (первый этаж выполнен из кирпича или камня, а второй — из дерева), исторически объясняется весьма практическими причинами: дороговизной кирпича или камня в определенных областях. При этом исторически обусловленное архитектурное решение помогает Ван Лохему решать и проблемы более актуальные: не все его заказчики были достаточно богаты, чтобы выстроить себе каменный дом. Похожие дома — кирпичный низ, деревянный верх — он привез с собой в Россию, и мы до сих пор можем видеть их на Красной Горке.

При этом Ван Лохем не стеснялся обращаться в поисках лучшего к традициям английской и американской архитектуры. У первой он заимствует планировку, у второй — дизайн так называемого «квадратного дома», который активно использовали знаменитый американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт и «Школа Прерий».

Замечательным примером проекта, основанного на историческом бессознательном многовековом опыте, стал летний домик по имени «Де Схелф» (1918—1942), который Ван Лохем выстроил для своей семьи на побережье в Зандфоорте. «Схелф» — понятие из области строительства, может означать кучу сена, соломы или льна. Дом с таким названием и крышей, напоминавшей по форме лист дерева, идеально вписался в ландшафт, в котором царили ветер, песок, травы и вода: он выглядел как затерянный в дюнах небольшой холмик, элемент естественного пейзажа, путь к которому указывает радостно развевающийся флаг. Этот домик, форма которого была продиктована историей, погиб под колесами истории при строительстве Атлантического вала — системы укреплений длиной свыше 5000 км, созданной германской армией во время Второй мировой войны как защита от вторжения союзников на континент вдоль европейского побережья Атлантики — от Норвегии до самой границы с Испанией.

С другой стороны, дом — образ человека, в

нем живущего. Этому посвящена книга Вима де Вагта, название которой можно перевести как «Отображение образа жизни» (1995). Де Вагт во введении цитирует Кристиана Норберга-Шульца: «Дом остается центром человеческого существования, местом, где дитя учится осознавать свое место в бытии, местом, откуда выходит всякий человек и куда возвращается (...) В доме человек обретает свою идентичность». Посвящена книга именно тому, как построенный на заказ дом отражает жизнь заказчика, а впоследствии формирует образ жизни будущих поколений своих обитателей.

Капитализм, как было принято считать в том кругу творческих молодых людей, к которым принадлежал Ван Лохем, обрекает художника, строителя и поэта на одиночество, на безнадежный индивидуализм и портит природную и городскую красоту, уничтожая чувство общности между людьми и художниками. Творческая интеллигенция надеялась, что социализм сможет решить эти проблемы. В поисках творческой свободы на благо простых людей Хан ван Лохем и ринулся в 1926 году в далекую Сибирь. Однако если художнику непринципиально быть голодным, то свой творческий путь можно найти и при капитализме (и не в Сибири).

Архитектора Ван Лохема часто нанимали семьи, искавшие единения с природой на территории так называемых «вилла-парков», расположенных в окрестностях реки Спаарне. В тот период отдельное жилье наконец стало доступно не только для элиты, но и для среднего класса. Там Хан ван Лохем между 1910 и 1925 гг. построил двенадцать отдельных особняков, пять таунхаусов и комплекс из 86 домов для среднего сословия, знаменитый район Тейнвейк-Зейд, отголоски которого можно увидеть в «домах-колбасах» Красной Горки и в Лесной Поляне. Отец Ван Лохема, преуспевающий бизнесмен, имел свои интересы в строительстве вилла-парка, и, по всей вероятности, обилием заказов архитектор обязан именно своим родственным связям. Благодаря этим же связям ему удалось выстроить на этой живописной территории дом для своих родителей, себя и брата. Вторая жена брата Ван Лохема была англичанкой, и для нее Ван Лохем выстроил дом, похожий на родные коттеджи Туманного Альбиона.

Свои особняки Ван Лохем создает в русле идеи «Gesamtkunstwerk», согласно которой идеальный объект искусства представляет собой синтез искусств. Дом, таким образом, дол-

*Рекламная открытка района
коттеджной застройки
Харлеммерхаут-парк*

*Особняк де Званехоф, построенный ван
Лохемом для родителей*

*Особняк Голдерсгрин,
спроектированный ван Лохемом для
семьи брата*

*Особняк де Стеенхааг,
«Каменная Изгородь»*

*Особняк Хаутфрост,
парадных вход*

*Особняк Хаутфрост,
интерьер*

жен быть результатом тесного взаимодействия архитектора и армии ремесленных художников: дом, как наивысшее воплощение живого искусства, есть не что иное, как гармоничная симфония всех творческих начал, вместе взятых, дом должен быть «симфонией всех выражений искусства». Поэтому особняки Ван Лохема создавались «под ключ»: он сам проектировал интерьеры и привлекал коллег из сферы прикладного искусства к созданию ландшафтного дизайна и декоративной скульптуры. Кроме того, он «обслуживал» свои особняки на протяжении всей своей жизни: хозяева порой десятки лет спустя обращались к нему с просьбами о перепланировке дома и добавлении хозяйственных пристроек.

Для свой семьи он построил особняк «Де Стеенхааг». Вим де Вагт объясняет архитектурные формы этого особняка тем, что Ван Лохемы жили в атмосфере искренней, но старательно культивируемой простоты: этот «примитивный» образ жизни и воплотился в «крестьянской архитектуре» особняка. У Ван Лохема было четверо детей, что неоднократно приводило к перепланировке.

Его жена, многодетная мать Беатрис «Беп», была одной из основателей харлемской «школы Монтеessori», которая ставит во главу угла самостоятельность ребёнка, свободу в установленных границах, естественное психологическое, физическое и социальное развитие. При этом супруга Ван Лохема была не менее творческим человеком, чем он сам, однако свои потребности реализовывала более скромно, создавая лишь настенные ковры и кожаные сумки. Однако, как и в архитектурной деятельности ее мужа, творчество г-жи Ван Лохем носило весьма практичный характер: например, когда кожаный мотоциклетный шлем мужа вконец износился, она в шутку сделала из него вполне пригодную для использования сумочку. Между тем ее изделия ручной работы неоднократно получали медали на всемирных выставках в Париже.

Описывая архитектурные особенности особняков работы Ван Лохема, де Вагт проследивает судьбу его клиентов. Так, он сообщает, что трое из пяти членов семьи преуспевающего бизнесмена ван Ваферена, заказавшего шикарный даже по современным меркам «Лесной приют», переселились в лучший мир в течение нескольких лет после переезда в новый дом. А вот заказчица более чем скромного деревянно-

го особняка, непритязательно названного по фамилии владельцев — «Дом Схелтема», на момент написания книги (1995) все еще проживала в нем. В архитектуре особняка «Башня цапель», построенного по заказу семьи убежденных теософов, скрытых символов едва ли не больше, чем в романе «Код да Винчи». Госпожа Селлегер написала немало детских книг, учивших гуманизму и толерантности, а башенку, давшую название особняку, младший сын Свен переделал под обсерваторию, где на протяжении многих лет обучал всех окрестных ребят-шек основам астрономии.

Интересно, что проблемы, с которыми сталкивались жители «вилла-парков», весьма напоминают те, что портят жизнь обитателям наших современных коттеджных поселков. Так, семьи юриста Йонкера и рентгенолога Валкена были весьма удивлены, когда прекрасный вид из окон их особняков через пару лет претерпел резкие изменения: оказался полностью застроен восьмьюдесятью шестью таунхаусами Тейнвейк-Зейда. Многочисленные маленькие Йонкеры с удовольствием играли в опасные для жизни игры на новоявленных стройплощадках, а доктор Валкен шутил, что его особняк стал чем-то вроде домика консьержа на въезде в «рай для среднего класса»...

Особняки, выстроенные Ван Лохемом, по мнению де Вагта, как портреты, написанные художником: каждый выражает индивидуальность своих обитателей, присущий только им стиль жизни, и в этом смысле уникален. Но, с другой стороны, все ванлохемовские особняки объединяет нечто общее. Это самое «архетипическое» очень хорошо сформулировал все тот же Карл Густав Юнг, когда описывал процесс постройки своего дома-башни: «Сперва я собирался строить не дом, а лишь какую-нибудь одноэтажную времянку, круглую, с очагом посередине и кроватями вдоль стен, — эдакое примитивное жилище. Мне виделось что-то вроде африканской хижины, в центре которой, обложенный камнями, горит огонь, и это — семейный очаг, средоточие всего, что происходит в доме. Примитивные хижины по сути своей воплощают идею общности, некоего целого — семьи, которая включает в себя и мелкий домашний скот. Нечто подобное — жилище, которое отвечало бы первобытному человеческому ощущению, — хотелось построить и мне. Оно должно было отвечать ощущению безопасности не только в психологическом, но и в

Особняк семьи Схелтема, выполненный в североамериканском стиле

Особняк семьи Селлегеров, «де Рейгерторен»

Особняк де Ватердели — «Водяная Лилия»

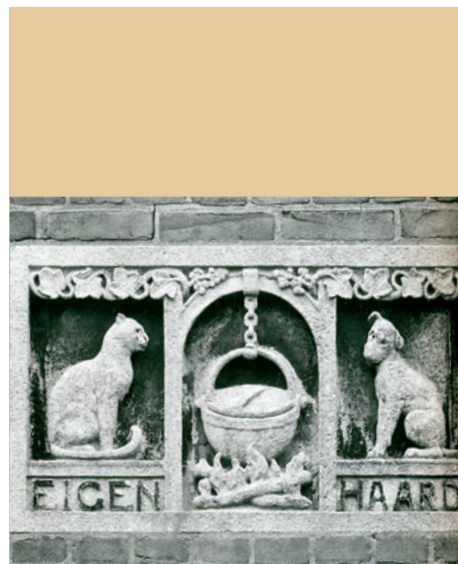
физическом смысле. Но первоначальный план показался мне слишком примитивным, и я изменил его. Я понял, что лучше выстроить нормальный двухэтажный дом, а не вставшую в землю хижину. Так в 1923 году появился первый круглый дом. И когда он был закончен, я увидел, что у меня получилась настоящая жилая Башня». Именно в этом русле и выстроены ванлохемовские особняки — «нормальные дома», воплощающие идею семьи и ощущение безопасности на каком-то подсознательном, глубинном уровне.

На фасаде многих его особняков присутствует памятная каменная плита с инициалами хозяев или каким-либо символическим изображением. Эта маленькая деталь — очень важный, тщательно продуманный акт, вписывающий дом в историю семьи, рода, страны, мира. К. Г. Юнг, установивший на фасаде своего дома такую же плиту — с гербом и именами предков, пишет: «Высекая имена на каменных плитах, я чувствовал, что между мной и моими предками существует какая-то роковая связь. Я всегда ощущал свою зависимость от них, от того, что они не дорешили, от вопросов, на которые они не ответили. Мне часто казалось, что существует некая безличная карма, которая передается от родителей к детям. Я был убежден, что просто обязан ответить на вопросы, которые судьба поставила еще перед моими прадедами, что должен хотя бы продолжить то, что они не исполнили».

В России особняки — большой вопрос. Разрушенные дворянские усадьбы, по пустым анфиладам которых гуляет ветер... «Обкомовские» дачи... Отвратительные в своем безвкусицы дворцы «новых русских», вызывающие тоску в глазах смотрящего — «Это ж сколько надо было наворовать!»... Мифологическое пространство Москвы, распавшееся на Рублевку и «всё остальное»... Мелькающие в новостях лондонские хоромы олигархов и краснокирпичные цыганские палаты, возвышающиеся

над хибарками частного сектора... Бульдозеры, сносящие «упраздняемые поселки» и «самострой»... Таящиеся в лесу элитные коттеджные поселки, въезд на территорию которых охраняет человек с ружьем...

Особняки у нас — символ финансовой пропасти и несправедливости бытия в целом. Архитектура наших «летних домиков», как правило, отражает наш образ жизни несколько в другом, не столь высокохудожественном смысле: если ограда шести соток выполнена из железных кроватных спинок, значит, хозяин участка имеет доступ туда, где водятся кровати... Только относительно недавно стали появляться цивилизованные загородные «вилла-парки» вроде Лесной Поляны — с коттеджами, относительно доступными для среднего класса, и какими-то очень даже ванлохемовскими «таунхаусами». И пусть заказать дом «под ключ» у «настоящего» архитектора до сих пор остается привилегией немногих, можно считать, что начало положено. Может быть, Россия 20-х годов XX века и разочаровала харлемского архитектора, но сейчас он бы без работы не остался...

Каменная плита в фасаде особняка Де Эйген Хаард — «Родной очаг»

Использованные источники
Wagt de W. Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten: beelding van levenshouding. Nederland, Haarlem: Schuyten Co, 1995.
 Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Мн.: ООО «Харвест», 2003.

РУССКАЯ **СУДЬБА**
ГОЛЛАНДСКОГО

Дирк Шермерхорн

ИДЕАЛИСТА

В экспозиции музея, посвященной строительной деятельности АИК «Кузбасс», обращает на себя внимание портрет человека с огромными светлыми глазами. Имя этого человека Дирк Шермерхорн. Он был одним из тех голландцев, которые по призыву директора колонии Себальда Рутгерса в 1920-е годы работали в Кузбассе. Сложная для русского произношения фамилия Шермерхорн, как и большинство голландских фамилий, имеет географическое происхождение. В провинции Северная Фрисландия, где родился Дирк, есть город Шермерхорн. Его название произошло от соединения трех слов: Шер – чистый, светлый, Мер – озеро и Хорн – точка или мыс Земли. Дидрих Шермерхорн родился 26 апреля 1900 года в крестьянской семье Тейниса Шермерхорна и Тринтье Хониг. Он окончил среднюю школу в городе Алкмар и поступил в Делфтский университет учиться на инженера гражданских сооружений. Его старший брат там же изучал геодезию, два других брата стали крестьянами, а сестра изучала нидерландский язык. Семья Шермерхорн была очень дружной и придерживалась либеральных, демократических взглядов. В студенческие годы Дирк перестал вписываться в общую картину своей семьи. В университете он стал секретарем делфтского студенческого общества социальных наук. Там он познакомился с выпускником университета Антоном Струйком, который был увлечен коммунизмом. Дирк в 1921 году тоже вступил в Коммунистическую партию Голландии и стал ее активным членом. 24 июня 1924 года он женился на Франциске Йоханне Мюс, с которой познакомился еще в школе. По странному совпадению им обоим в это время было по 24 года. Франциска получила специальность зубного врача в Утрехтском университете и тоже вступила в Коммунистическую партию. Они оба принадлежали к кругу молодых голландских специалистов, которые в двадцатые годы отправились в Сибирь, движимые стремлением участвовать в строительстве нового мира. Главный мотив, приведший их в Советский Союз, сформулировал их лидер С. Рутгерс: «Мое место там, где строится новая жизнь». Его единомышленников, следовавших за ним, в Голландии называли идеалистами.

АИК «КУЗБАСС»

Дирк Шермерхорн в новой квартире

*Масштаб: 1:10
 Чертежник: Ч.
 Конструктор: Ш.
 зав. подготовит.
 зав. Тех-Бюро:
 зав. Отделом:*

17 июля 1924 года секретарь ЦК Компартии Голландии Ян Корнелис Сетон подписал удостоверение о командировании в АИК семьи Шермерхорн: «Товарищ Д. Шермерхорн и его жена члены партии, следуют в Кузбасс, приглашены товарищем С. Ю. Рутгерсом. Мы знаем этих товарищей и просим им помочь доехать скорее до России».

Дирк и Франциска приехали в Кемерово в августе 1924 года. Работу в АИК Дирк начинал с должности конструктора Технического бюро, которое занималось проектированием оборудования, утверждением проектов по строительству, заказами оборудования для предприятий АИК в СССР и за границей.

Приток большого количества рабочих на предприятия АИК «Кузбасс» привел к тяжелейшему жилищному кризису в Кемерово. Для его преодоления была разработана программа масштабного строительства на сезон

1926/27 года. С приглашения в Кемерово голландского архитектора ван Лохема и создания Строительного бюро под руководством Антона Струйка в Кузбассе начался голландский строительный период. Он характеризовался большим разнообразием одновременно строящихся домов, использованием строительных технологий и материалов, неизвестных в то время в Сибири.

1 октября 1926 года Дирк Шермерхорн был назначен заместителем Струйка. Он не только контролировал строительство различных объектов, но и во время отсутствия Струйка исполнял обязанности заведующего Стройбюро.

Комиссия, проверяющая деятельность АИК, писала в своем заключении: «Руководящий стройработами персонал состоит из зарубежных, главным образом голландских инженеров, проводивших в строительстве голландскую архитектуру».

Франциска в это время работала в рудничной больнице зубным врачом. По приезду в Кемерово, как и другие иностранные специалисты, Шермерхорны остановились в гостинице, которая называлась Домом приезжих (сейчас в нем находится музей «Красная Горка»). Они прожили в ней до 1926 года, когда получила квартиру во вновь построенном двухэтажном доме рядом с Домом приезжих.

В конце 1926 года АИК «Кузбасс» была лишена автономии и преобразована в трест «Куз-

бассуголь». Место директора колонии голландца С. Рутгерса занял русский управляющий, и большинство иностранцев уехало из Кемерово.

Дирк и Франциска решили остаться в СССР: желание участвовать в крупных преобразованиях в СССР сохранилось у них и после ликвидации АИК. Поскольку они были коммунистами (в 1925 году они перевелись из Голландской компартии в ВКП (б)), их отозвали в распоряжение Сибкрайкома партии, где они получили новое назначение.

Ворошилов
Шермерхорн
3 го
декабри
1925
года.

Дирк Шермерхорн
на берегу Томи

Дирк руководит
строительством
школы
Кемрудника.
1926 г.

ТУРКСИБ

Знак Турксиб

Удостоверение о награждении знаком Турксиб, подписанное Дирком Шермерхорном

В это время в стране начиналась эпоха грандиозных строек социализма. Одним из самых знаменитых объектов первой пятилетки стала Туркестано-Сибирская железная дорога (Турксиб), соединившая богатую хлебом, лесом и углем Сибирь с хлопководческими районами Средней Азии. В 1927 году начался подготовительный период ее строительства, в это время сюда и приехали Шермерхорны.

Начальником строительства Турксиба был назначен Владимир Сергеевич Шатов, ранее имевший отношение к созданию АИК «Кузбасс». На строительстве остро не хватало специалистов, и Дирк Тимофеевич Шермерхорн (как его называли в России) стал одним из немногочисленных дипломированных инженеров. Работая в Семипалатинске в техническом отделе, он занимался проектированием, поскольку был специалистом по строительству железнодорожных путей и тоннелей.

В начале 1930 года его назначили начальником производственного отдела Управления строительства, занимающегося крупными про-

ектами, а в мае того же года — помощником начальника Управления строительства Турксиба.

Работать строителям приходилось в условиях тяжелейшего климата (с температурой от +60°C летом и до -40°C зимой). Специалистам надо было решать множество технических и организационных проблем, связанных с преодолением горных рек, скалистых хребтов, раскаленных песков, со строительством большого количества мостов.

Турксиб строился с двух сторон: от Семипалатинска и от станции Луговой. 25 апреля 1930 года произошла стыковка северной и южной частей дороги — так был открыт путь для сквозного движения по Турксибу. В торжествах, посвященных пуску дороги, участвовали представители Правительства СССР, среднеазиатских республик, советские и иностранные журналисты, строители магистрали и жители окрестных селений. Среди корреспондентов были Илья Ильф и Евгений Петров, которые отразили это событие не только в журналистских отчетах, но и в своем художественном творчестве.

В постановлении ВЦИКа и Совнаркома РСФСР говорилось: «В ряде новостроящихся гигантов социалистического строительства Турксиб закончен первым. Срок строительства сокращен на год, против утвержденного правительством. Успехи достигнуты благодаря энтузиазму и творческой энергии рабочих масс и инженерно-технических сил...» За особо проявленную энергию в строительстве Турксиба десять человек из 50-тысячного коллектива стройки получили персональные награды. Среди них был и Дирк Шермерхорн, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

В ноябре 1930 года Д. Шермерхорн был назначен начальником Туркестано-Сибирской железной дороги, вместо Шатова, ставшего начальником Сибжелдорстроя.

Свое участие в строительстве Турксиба семья Шермерхорн отметила рождением детей: в 1928 году в Семипалатинске у них родился

первенец Тимофей, а в 1930 году в Алма-Ате — дочь Анна.

После окончания строительства Турксиба Дирк Шермерхорн был переведен на ответственную работу в Москву, в Народный комиссариат путей сообщения (НКПС). Одновременно с этой работой он до 1934 года был редактором журнала «Транспортное строительство».

Дирк Шермерхорн

Героическим энтузиастам социалистической стройки Турксиба посвящается.

Цена 25 ис

КАРТА ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗН. ДОРОГИ ТУРКСИБА
Масштаб 1:12.500.000

РЕЛЬСЫ ТУРКСИБА ГУДАТ...
20-го апреля 1930 года на станции Лина-Булак, Туркестанской от южной начальной точки — Луговой — на 800 км, заложили главного погоня магистрали общины протяженностью 1442 километра.
Укладка первого звена начата в Семипалатинске 15-го ноября 1929 года, на станции Луговой — 19-го ноября 1927 года.
Смычка рельсовой колеи выполнена на совмещенном рельсовом порожнице установленного срока.
В ряде мастерских системы социалистического строительства заключены перемены.
Успехи строительства Турксиба достигнуты благодаря трудовой энергии рабочих масс и инженерно-технических сил. Отдельные участки построены исключительно Турксиб для всего населения Советской России, обладающие достижением в его строительстве, в том числе и инженерно-технических сил, инженерно-технических сил.
Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет Народных Комиссаров РСФСР постановляет:
За особо проявленную энергию в строительстве Турксиба наградить орденом Трудового Красного Знамени всех строителей коллектива рабочих и инженерно-технических сил Турксиба.
Председатель ВЦИК М. КАЛИНИН
Заместитель Председателя РСФСР А. ЛЕЖАВА
Секретарь ВЦИК А. КИСЕЛЕВ.
ПЕРСОНАЛЬНО НАГРАДИТЬ ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО ЗНАМЕНИ СЛЕДУЮЩИХ ЛИЦ:
Шатова Владимира Сергеевича — начальника постройки.
Славяева — строителя рабочего пути.
Шермерхорна Дирка Тимофеевича — инженера.
Парфенова Льва Степановича — начальника участка постройки.
Гусева Глеба Степановича — начальника участка постройки.
Гусева Алексея Степановича — начальника участка постройки.
Лаврова Алексея — строителя рабочего пути.
Березина Николая — контрольного мастера.
Мельникова Алексея — строителя рабочего пути.
Безухина Дмитрия Дмитриевича — инженера.
Председатель ВЦИК М. КАЛИНИН
Заместитель Председателя РСФСР А. ЛЕЖАВА
Секретарь ВЦИК А. КИСЕЛЕВ.

Орден Трудового Красного Знамени.
Таким орденом был награжден Шермерхорн

Плакат Герои Турксиба с портретами награжденных. 1930 г.

МЕТРО

Одна из станций первой линии метро

Следующим этапом в жизни Дирка Шермерхорна было участие в строительстве Московского метрополитена. Он был не только одним из ведущих сотрудников НКПС, но и членом комиссии по приемке метро.

О значении этого объекта говорилось в постановлении Совнаркома Союза ССР в 1932 году: «Считать Метрострой важнейшей государственной стройкой с обеспечением ее материалами, металлом, цементом, средствами транспорта и т. п., как первоочередной важности ударной стройки всесоюзного значения».

Если не учитывать подготовительный период, то первая линия Московского метрополитена, длиной почти в двенадцать километров, была сооружена всего за один год. Но пустить метро к намеченной дате 7 Ноября 1934 года не удалось из-за отсутствия эскалаторов. В то время эскалаторы работали только в Лондонском метро и их делали всего две компании в мире. Разработка собственной конструкции требовала очень большого времени, и, чтобы сократить его, за огромные деньги был куплен один эскалатор. На его основе за короткий срок разработали эскалаторы советского образца.

26 апреля 1935 года «СНК СССР и ЦК ВКП(б) заслушали доклад правительственной

Комиссии по приемке Московского метрополитена под председательством тов. Межлаука В.И., в составе: тт. Гинзбурга С.З., Постникова А.М., акад. Винтера А.В., акад. Веденева Б.Е., инж. Кагана И.Б., инж. Булата А.Ф., проф. Скочинского А.А., проф. Терпигорева А.М., инж. Шермерхорна Д.Т., инж. Штанге Д.А., проф. Келдыш В.М., Пудалова А.Д. и Ловина К.П.».

Комиссия признала Московский метрополитен вполне готовым для эксплуатации и представила акт о его приемке. За проделанную работу по приемке метрополитена Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) объявили благодарность правительственной комиссии.

Героическая история строительства московского метро закончилась 15 мая 1935 года. После торжественного митинга, сопровождавшегося речами наркома путей сообщения Л.М. Кагановича и И.В. Сталина, а также коллективного исполнения «Интернационала», московское метро было открыто для публики. Ему было присвоено имя Л.М. Кагановича.

Строительство метро не прекращалось, и сразу же, после пуска первой ветки, началось сооружение второй линии.

В период строительства метро, в 1932 году,

Дирк с женой и детьми последний раз побывали в Голландии и повидались с родственниками. По свидетельству родных, Дирк твердо верил в успешное развитие Советского Союза и полагал, что, если не будет войны, капитализм через десяток лет «ляжет в землю», а Советский Союз обгонит в своем развитии США. В

голландской газете «Коммунист» Дирк писал: «Тот путь, который я избрал для себя пятнадцать лет назад, с каждым годом становится для меня все яснее и все более кажется мне единственно правильным».

В подтверждение своих взглядов он принял советское гражданство.

Семья Шермерхорн.
Москва, 1935 год

Плакат,
посвященный
пуску метро.
1935 год

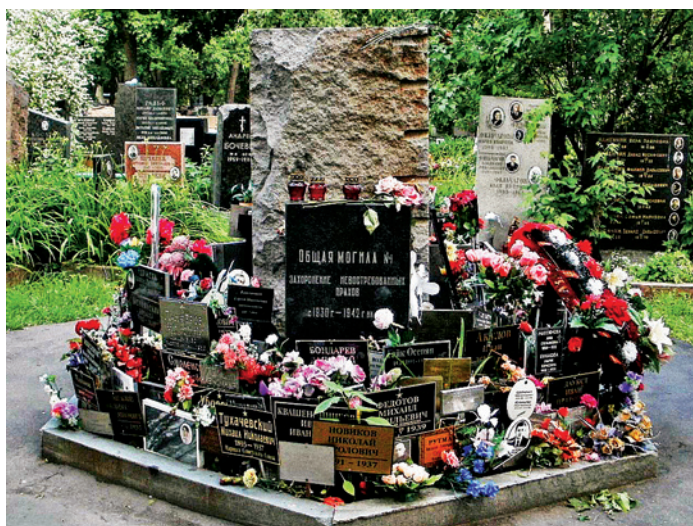
Дирк и Франциска
(в центре)
в Голландии
с родственниками.
1930 год

Здание Народного
комиссариата путей
сообщения. 1936 г.

РЕПРЕССИИ

ФОРМИРОВАНИЕ В ГОЛЛАНДИИ
НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ЛОНДОН, 23 июня. (ТАСС). Агентство
Рейтер сообщает о формировании лиде-
ром движения сопротивления в Голландии
профессором Шермергорном нового пра-
вительства. Премьер-министр нового пра-
вительства — профессор Шермергорн.

Общая могила № 1 на новом Донском кладбище в Москве

Виллем Шермерхорн — премьер-министр Нидерландов

1930-е годы были временем массовых репрессий и громких политических процессов. Наиболее жестким репрессиям подвергся в этот период Наркомат путей сообщения. В системе Главного управления государственной безопасности даже существовали дорожно-транспортные отделы, которые имели разветвленную сеть на всех железных дорогах страны. В приказах Наркомата путей сообщения давалась установка на жесткие карательные меры, поскольку одним из наиболее активных сторонников проведения массовых репрессий и борьбы с «врагами народа» был сам нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович. В своих выступлениях на партийных конференциях и собраниях он неизменно требовал усиления «бдительности» и новых арестов. Под его руководством в 1936-1937 годах фактически был уничтожен весь высший и средний эшелон руководящих работников НКПС.

В это время Дирк Шермерхорн занимал пост заместителя начальника треста «Транс-

водстрой» Наркомата путей сообщения СССР. Он был арестован 30 сентября 1936 года по обвинению во вредительстве и участии в антисоветской троцкистской организации. По версии голландского архитектора Матвея Виссинга, Дирк Шермерхорн высказал серьезные замечания по проекту и строительству одной из линий метрополитена. Его возражения были отклонены, и строительство завершено без учета его замечаний. Дирк отказался от участия в приемке этой линии, и она была принята комиссией без него. Вскоре на ней произошла авария: обрушилась часть тоннеля. Ответственность за аварию Каганович возложил на Шермерхорна, что и явилось причиной его ареста и осуждения.

О том, что участь Дирка предрешена, свидетельствовало выступление Кагановича еще 28 февраля 1937 года на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б): «Я должен сказать, что в 1935 г. в апреле месяце был поставлен вопрос по строительству на тогда еще Транспортной комиссии ЦК при участии всех членов По-

литбюро и тогда вопрос о строительстве был разобран достаточно серьезно. Тогда еще было ясно, что со строительством дело обстоит неблагоприятно, и здесь мы имеем дело с вредительством. Тов. Сталин, наблюдая за Шермерхорном, который работал по строительству, за его выступлениями на Транспортной комиссии, не раз нам говорил: «Плохой человек, враждебный человек...» Я не помню, называл ли он его прямым вредителем, но, во всяком случае, он прямым образом на него указывал. (Микоян. Подозрительный человек.) Да, подозрительный человек. Все помнят. Мы его сняли с поста руководителя. Он потом занимал незначительные посты. Правда, по неосторожности мы его посылали в Сибирь в качестве инспектора строительного управления. Не нужно было его посылать в Сибирь. Теперь ясно, что он ездил в Сибирь и там свои дела обделывал. Мы его сняли».

В августе 1937 года Каганович рапортовал Сталину о практических мероприятиях, которые были осуществлены на железных дорогах страны для искоренения «вредительства». Из 268 человек руководителей и служащих к этому времени был уволен 71 человек, из которых 10 человек были арестованы.

Указание в обвинении на «измену родине» и «шпионско-диверсионную деятельность», да еще в сочетании с эпитетом «правотроцкистские», обозначало исключительную подсудность двум органам: Военной коллегии Верховного суда СССР (ВКВС СССР) и Военному трибуналу. Списки репрессированных составлялись по трем категориям, из которых 1-я категория означала расстрел. Сам список уже был приговором, а заседания суда Военной коллегии и трибуналов носили чисто декоративный характер для придания приговору види-

мости юридической законности.

1 ноября 1937 года председатель СНК В.М. Молотов за И.В. Сталина подписал «Список лиц, подлежащих суду ВКВС СССР по 1-й категории», в котором под номером 147 значился Шермерхорн Дирк Тимофеевич. Его расстреляли 26 ноября 1937 года. Место захоронения Дирка Шермерхорна — Москва, Донское кладбище, общая могила № 1.

Реабилитирован он был 24 ноября 1956 года Военной коллегией Верховного суда Союза ССР.

О судьбе Дирка его родственники ничего не знали долгие годы. В декабре 1936 года проездом в Москве был брат Дирка Виллем. Франциска на его вопрос о том, где Дирк, не посмела сказать правду и ответила, что он в командировке.

В 1938 году арестовали и ее, как члена семьи изменника Родины, и Франциска восемь лет провела в лагерях, а дети выросли в детских домах.

Голландец Виллем Шермерхорн предпринимал неоднократные и безрезультатные попытки связаться со своими родственниками в России. В 1945 году он стал премьер-министром Нидерландов. В этом качестве он делал уже официальные запросы Сталину о судьбе семьи своего брата, но ответа так и не получил. Только в 1987 году голландские родственники впервые посетили детей Шермерхорна в СССР и узнали судьбу семьи.

Для Советского Союза того времени участь Дирка и Франциски Шермерхорн не была исключительной. Можно сказать, что, оставшись в СССР, они разделили судьбу советского народа, состоявшую из веры в светлое будущее человечества, житейских радостей, трудовых подвигов и трагедий.

Источники:

1. ГАКО Р. 81. Оп.1. Д.29. Л.132-133.
2. ГАКО Р. 100. Оп. 2. Д.1491. Л. 56.
3. ГАКО. Р. 101. Оп.2. Д.6. Л.19.
4. Биография Шермерхорна: Электр. ресурс: <https://socialhistory.org/busa/biografie/schermerhorn>
5. Бюрократия террора: Электр. ресурс: <http://sledurmknkd.info/byurokratiya-terrova/>
6. Шатов В. С. Организация строительства: Электр. ресурс: <http://knigi.link/sovetskoy-rossii-istoriya/organizatsiya-stroitelstva-26316.html>
7. Жертвы политического террора в СССР: Электр. ресурс: <http://sovterror.ru/fact24710?searchqueryid=0&sign=>
8. История Турксиба: Электр. ресурс: <http://www.turksib.com/history.php>
9. Метро: сб., посвящ. пуску Московского метрополитена / под ред. Л. Ковалева. — М., 1935. — С. 2.
10. Московское метро: Электр. ресурс: <http://www.metro.ru/library/docs/52/>
11. Репрессии в наркомате путей сообщения: Электр. ресурс: <http://sledurmknkd.info/repressii-v-narkomate-putej-soobshheniya/>
12. Сталинские расстрельные списки: Электр. ресурс: <http://stalin.memo.ru/names/index.htm>
13. Шермерхорн Дирк Тимофеевич: Электр. ресурс: <http://www.centrasia.ru/person2.php?st=1221720127> —

П И С Ь М А

ФРАНЦИСКИ ШЕРМЕРХОРН

Algemeen Dagblad
AD IN HET NIEUWS

RUST RONDOM
MUIDENSE
KRUITFABRIEK
PAGINA 49

BASISARTSEN
BLIJVEN
STEKEN
PAGINA 53

ROTTERDAM ZOEKT
EEN ZONDEBOEK
PAGINA 55

ZATERDAG 15 DECEMBER 1990

PAGINA 47

SCHERMERHOR BLEEF RUS, ONDANKS ALLES

*Idealisme
werd
duur
betaald
door
Nederlands
gezin in
Sovjetunie*

• Timofej
Dmitrovitsj
Schermer-
hor: „Ik zou
in Neder-
land kunnen
werken en
leven.“ (Fo-
to's V. Po-
migaiov)

В фондах музея «Красная Горка» одними из особо ценных экспонатов по истории АИК «Кузбасс» являются четыре письма Франциски Шермерхорн, посланные сыну Тимофею из Мордовских лагерей. Она отбывала там срок как член семьи изменника Родины, после расстрела ее мужа Дирка Шермерхорна. Письма матери передала в музей ее дочь Анна Дмитриевна Мамаева. По ее словам, после ареста матери старшие дети были сразу же увезены в детский приемник, а домработницу Марию Ивановну, которая фактически была членом их семьи, тут же вынудили покинуть квартиру. Поэтому весь семейный архив исчез бесследно. Только в 1987 году голландские родственники, приехавшие в Советский

Союз познакомиться с детьми Шермерхорнов, привезли с собой фотографии, которые Дирк и Франциска до ареста посылали в Голландию.

Анна Дмитриевна передала в музей некоторые из этих фотографий, а также голландские газеты с интервью Тимофея, письма матери и свои комментарии к ним.

Большую помощь музею в сборе материалов о судьбе семьи Шермерхорн оказал Владислав Шулаев, который прислал цифровую копию книги об Илье Шермерхорне.

Поскольку письма Франциски Шермерхорн публикуются впервые, приводим их полные тексты и очерк о судьбе Франциски, написанный на основе воспоминаний ее детей.

Голландская газета со статьей «Шермерхорн остался русским несмотря ни на что» и портретом Тимофея

Ф Р А Н Ц И С К А

*Франциска на
Красной горке
в Кемерово*

Франциска Шермерхорн в годы своей романтической юности вместе с мужем Дирком, оставив в Голландии спокойную и обеспеченную жизнь, приехала в Кемерово работать в АИК «Кузбасс». С 1 января 1924 года по декабрь 1926 года она работала зубным врачом в рудничной больнице. Затем Франциска последовала за мужем на строительство Турксиба и в Москву. В 1928 и 1930 годах у них родились сын Тимофей и дочь Анна. В Москве Франциска работала переводчицей в Народном комиссариате иностранных дел, а затем переводчицей в издательстве политической литературы для иностранцев. Дело в том, что она, как и Дирк, знала голландский, английский, французский и немецкий языки, а в России выучила русский. Но дома своих детей они учили только русскому языку. Дирк запретил в семье говорить по-голландски, поскольку считал, что именно Россия должна быть Родиной его детей.

После ареста мужа в сентябре 1936 года Франциска осталась одна с двумя детьми, Тиме в это время было восемь лет, Ане — шесть. По словам Тимофея, «отца с определенного момента в доме не стало. Я знал, что мать получила известие о его аресте. На это известие она реагировала очень бурно. Какое-то время она думала, что отец действительно был врагом народа. Она сразу уничтожила его фотографии и другие вещи, напоминающие о нем. Как долго она была убеждена в этом, я не знаю. В даль-

нейшем мы никогда об этом не говорили».

После ареста мужа Франциска была уволена с работы и долгое время пыталась устроиться по своей специальности зубного врача. В конце концов с большим трудом ей удалось найти работу на фабрике елочных игрушек.

1 июня 1937 года Франциска родила сына Илью. Его отцом она, по каким-то причинам, записала жившего в Москве знакомого голландского архитектора и писателя Матвея Виссинга. Возможно, этим она хотела защитить ребенка от участи сына врага народа.

Об аресте Дирка она не сообщила ни брату Дирка Виллему, посетившему ее в декабре 1936 года, ни своим родителям, приезжавшим к ней летом 1937 года. В письме матери Дирка, в котором она сообщала о рождении Ильи, Франциска заверяла ее в полном благополучии всей семьи. Это письмо было последним сообщением из России от семьи Шермерхорн.

В 1938 году Франциска была исключена из партии и арестована, как член семьи изменника Родины (ЧСИР). Основанием для этого был приказ НКВД СССР от 15.08.37, изданный на основании решения Политбюро ЦК ВКП (б). В соответствии с ним все жены тех, кто после 1 августа 1936 года был осужден Военной коллегией Верховного суда или военными трибуналами к расстрелу за принадлежность к «право-троцкистским шпионско-диверсионным организациям», подлежали аресту и заключению в лагерь

не менее как на 5-8 лет. Детей, оставшихся сиротами, на свое полное иждивение могли взять родственники осужденных. Дети до 15-летнего возраста, в случае отсутствия у них родственников, должны были передаваться в детские дома. При этом для них были закрыты Москва, Ленинград, Киев, Тифлис, Минск, приморские и приграничные города.

Поскольку родных в Советском Союзе у Франциски не было, а о передаче детей голландским родственникам не могло быть и речи, старших детей отправили в детский дом на Украине. Тимофей вспоминал: «Там с нами не было какого-то особенного обращения как с детьми врагов народа, возможно потому, что там почти все дети были таковыми». Позже их разбросали по разным детским домам. Тимофей во время войны попал на Урал, в Пермскую область, а Аня — в Казахстан. Франциска долгое время ничего не знала о судьбе детей.

Илья, которому к моменту ареста матери не было и года, находился вместе с ней сначала в тюрьме, а затем в Темниковском исправительно-трудовом лагере (Темлаг) — в Мордовии. Только по прибытии в лагерь заключенные узнавали срок, на который они были осуждены. Франциска была приговорена к восьми годам заключения.

Для женщин с маленькими детьми в лагере были построены ясли и детский сад. Матери должны были работать независимо от возраста ребенка и виделись с ними лишь несколько часов и не каждый день. Поскольку школы в колонии не было, то детей с семи лет отправляли в детский дом. Чтобы избежать этого, в 1944 году, когда Илье надо было идти в школу, Франциска попросила свою бывшую домработницу Марию Ивановну Ческидову взять Илью к себе. В то время та жила в городе Дубовка Сталинградской области, и Илья до освобождения матери жил у нее и там окончил второй класс.

Когда заключенным разрешили писать письма своим детям, находившимся в детских домах, Франциска начала переписку с Тимофеем и Аней. Бумага в лагере была дефицитом, поэтому письма она писала мелким, убористым почерком.

Франциску освободили из лагеря в 1946 году, ровно через 8 лет. Но свобода эта была условной, поскольку ей пришлось остаться в лагере, только уже в качестве вольнонаемной, ведь возвращаться ей было некуда. Осужденных по ее статье выпускали на свободу с поражением

в правах и запретом проживать в крупных городах, да и их квартиру в Москве давно отдали другим. Поэтому она поселилась в маленькой квартире в домике барачного типа, выделенной ей в поселке Явас Мордовской АССР, где располагалось управление Дубравлага (Мордовских лагерей). Там она работала в поликлинике зубным врачом.

1946 год стал счастливым для Франциски: Мария Ивановна привезла ей Илью, а Аня, которой было уже 16 лет, приехала к матери сама. Тимофей в это лето поступил в университет и приехал к ним на недельные каникулы. Так семья впервые соединилась после долгих лет разлуки и старшие дети познакомились с младшим братом. Франциска ставила Илье в пример Тимофея, который всегда отлично учился.

Но вскоре они опять остались вдвоем с Ильей, поскольку Тимофей учился в Молотовском (Пермском) университете, а Аня в 1949 году поступила в Пермский мединститут. К матери они приезжали только на каникулы.

Франциска старалась материально помогать детям, посылала деньги, посылки, но ее зарплаты зубного врача на всех не хватало. Тогда она, дополнительно к своей специальности, освоила азбуку для глухонемых и устроилась работать еще на полставки в детском доме, расположенном в четырех километрах от села. Через день она ходила туда пешком.

Тимофей помогал матери тем, что хорошо учился. Как отличник, он получал именную (Молотовскую) стипендию, которая составляла 500 рублей, что примерно в два раза превышало обычную стипендию. Кроме того, он читал лекции по линии общества по распространению знаний. Это позволяло ему жить достаточно самостоятельно. Аня тоже получала стипендию, но ее хватало только на питание.

В 1950 году Франциска с Ильей переехали в другой район Мордовии, в село Дубенки, куда она была переведена в районную больницу. В этом же году Тимофей окончил университет и был направлен на работу в город Сталинск (современный Новокузнецк), в металлургический институт. Он работал ассистентом и продолжал читать лекции, которые давали дополнительный заработок для оказания помощи матери с детьми. Там он защитил кандидатскую диссертацию.

Во время редких встреч, когда они собирались вместе, Франциска никогда не упоминала имя Дирка. Видимо, она считала опасным

сообщать детям что-нибудь об отце. Тимофей рассказывал: «Когда я ее посещал после освобождения, мы никогда не говорили о политике. Собственно, как и никогда о Нидерландах, а также о времени ее пребывания в лагере. Я также не могу припомнить и того, чтобы она рассказывала о своих разочарованиях в жизни или жалела о том, что посвятила свою жизнь идеалам ее и отца».

В сентябре 1953 года Франциска Шермерхорн умерла от тромбоза. Сотрудники больницы, в которой она работала, помогли детям

похоронить ее. Илья остался один. В это время он учился в 9-м классе и, чтобы окончить 10-летку, переехал жить в интернат. Ему очень помогла материальная поддержка Тимофея, работа со стороны учителей, врачей больницы. В 1954 году Илья окончил Дубенскую среднюю школу с серебряной медалью. Видимо, пример старшего брата не прошел бесследно. Несмотря на все трудности, Илья, твердо решивший учиться дальше, в 1954 году поступил в Казанский химико-технологический институт имени Кирова.

Д Е Т И

*Илья Матвеевич
Шермергорн*

*Тимофей и Аня Шермерхорн
(справа) и дети Виссинга*

*Франциска с сыном Тимофеем.
Мордовия, 1950 г.*

Чтобы узнать о судьбе мужа, Франциска неоднократно делала запросы в органы НКВД, но ответов так и не получила. После ее смерти дети тоже пытались узнать что-нибудь о своем отце. В 1965 году Тимофей получил разрешение ознакомиться с делами его родителей в архиве КГБ. На его официальный запрос об их судьбе он получил документ о реабилитации отца и матери, в котором сообщалось, что Дирк Шермерхорн умер в 1941 году (на самом деле Дирк был расстрелян 26 ноября 1937 года).

Долгие годы дети Дирка и Франциски не могли встретиться со своими голландскими родственниками. Виллем Шермерхорн нашел

своих племянников Тимофея и Илью по их научным публикациям в реферативных журналах. Он писал им обоим, но ответа не получил. Не получил он ответа и на то единственное письмо, которое дошло до Ильи, поскольку органы КГБ забрали письмо Виллема и «посоветовали» Илье не отвечать.

Знакомство состоялось лишь в 1987 году, когда по инициативе Голландской телевизионной компании в Советский Союз приехали из Голландии родственники Дирка Шермерхорна. Снимался телевизионный фильм об удивительной судьбе голландских идеалистов, приехавших в 1920-е годы строить

новый мир. Этот фильм был показан в Голландии.

При встрече с родственниками дети Шермерхорна впервые увидели фотографии отца и их семейный портрет.

В следующем году Тимофей и Анна побывали в Голландии. Анна Дмитриевна для того, чтобы общаться с родственниками, выучила сначала немецкий, а потом и голландский языки.

Франциске не суждено было узнать, каких успехов в жизни достигнут ее дети, которых она растила в нужде и лишениях, стараясь в письмах и при редких личных общениях прививать им любовь к труду и высокие нравственные идеалы. У нее был бы повод гордиться ими: дочь стала врачом, а сыновья — учеными.

Тимофей Дмитриевич Шермерхорн был профессором, доктором физико-математических наук, действительным членом Академии технологических наук России, действительным членом Академии наук Нью-Йорка. Последние 30 лет жизни он работал в Зеленограде заведующим кафедрой Московского института элект-

ронной техники (МИЭТ). Умер он в 1998 году.

Илья Матвеевич Шермерхорн тоже стал профессором, доктором химических наук, преподавал в Казанском государственном технологическом университете. В 1990 году он создал одно из первых в Татарии акционерных обществ «НАПОР» и был его первым директором. Это предприятие было награждено Правительством РФ премией «Российский Национальный Олимп», в номинации «Выдающиеся предприятия малого и среднего бизнеса».

После его смерти в 1993 году в Казанском государственном технологическом университете была учреждена стипендия имени Ильи Матвеевича Шермерхорна. Она ежегодно присуждается пяти студентам, отличившимся в учебе и научных исследованиях. В 1997 году в Казани вышло две книги об И. М. Шермерхорне: «Профессор Илья Матвеевич Шермерхорн в науке и жизни» и «Тезисы докладов научной сессии, посвященной памяти профессора И. М. Шермерхорна. Казанский технологический университет».

Сотрудники Кемеровской рудничной больницы. В 3-м ряду 2-я слева - Франциска

Источники:

1. ГАКО. Р. 80. Оп.2. Д.262. Л. 123.

2. ГАКО. Р. 101. Оп.2. Д.6. Л. 21.

3. Шермерхорн остался русским несмотря ни на что // *Algemeen Dagblad* (газета). – 1990. – 15 дек.

4. Профессор Илья Матвеевич Шермерхорн в науке и жизни: сб. воспоминаний. Сер. «Творцы науки и техники». – Казань, 1997.

5. Воспоминания А.Д.Мамаевой: рукопись.

6. Черкасов А. Аресту подлежат жены / Мемориал. Электр. ресурс : <http://polit.ru/>

П И С Ь М А

Явас, 8/XI-1943 год

Привет тебе, мой дорогой мальчик.

Соскучилась о тебе, мой милый сынок. Так давно уже нет письма от тебя, последнее от 17/VII, а теперь уже ноябрь. Что ты делал за все это время? Как ты лето провел? Твое письмо я с большим интересом читала, ты мне так подробно обо всем рассказывал, что я имею представление, как ты проводишь свой день.

Но самое главное, ты забыл мне писать, будешь ли ты дальше учиться, есть ли у вас 10-летка, или поступишь на работу и именно где, в том поселке или на другом месте? Я буду беспокоиться, пока не получу окончательный ответ. Мы же можем опять связь потерять.

Тимочка, милый, у нас с тобой есть большая радость. Я получила извещение, где Аночка находится. Вот ее адрес: Казахская ССР, Кзыл-Ординская область, ст. Терень-Узьяк, детдом имени 10-летия ЛКСМУ.

Я от нее письмо еще не получила. Ты пишешь и переписываешь мне ее ответ. Представь себе, Тимочка, что она давно переписывается с Марией Ивановной. На днях получила письмо от нее. Ее адрес: Сталинградская обл., гор. Дубовка Н/В, Набережная улица, дом 27, М. И. Ческидова. Она тебя давно ищет, но никак не могла найти. Она очень соскучилась об нас и мечтает о том, чтобы опять жить вместе. Это, наверное, будет после окончания войны. Победы на фронте колоссальные, скоро, наверное, наша территория очистится от фашистов.

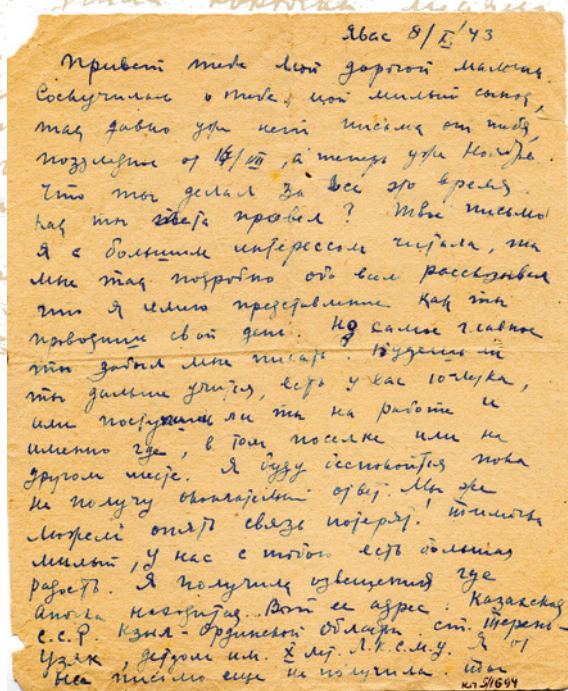
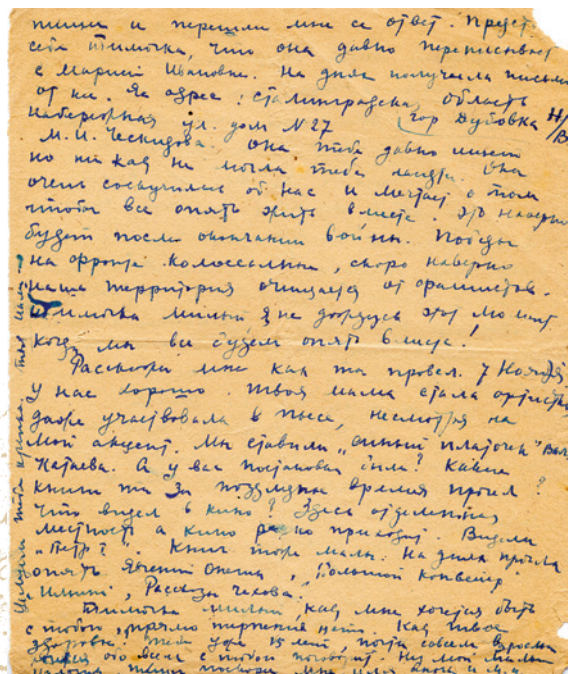
Тимочка, милый, я не дождусь этот момент, когда мы все опять будем вместе.

Расскажи мне, как ты провел 7 ноября? У нас хорошо. Твоя мама стала артисткой, даже участвовала в пьесе, несмотря на мой акцент. Мы ставили «Синий платочек» Валентина Катаева. А у вас постановка была?

Какие книги ты за последнее время прочел? Что видел в кино? Здесь отдаленная местность, и кино редко приходит. Видели «Петр I». Книг тоже мало. На днях прочла опять «Евгения Онегина», «Большой конвейер» Ильина, рассказы Чехова.

Тимочка, милый, как мне хочется быть с тобой, прямо терпения нет. Как твоё здоровье? Тебе уже 15 лет, почти совсем взрослый, хочется обо всем с тобой поговорить.

Ну, мой милый мальчик, пиши поскорее мне, Илье, Аночке и М.И.

9/1 - 1946 г.

Добрый день, мой дорогой Тима.

Еще раз поздравляю тебя с Новым годом и посылаю тебе наилучшие пожелания, чтобы ты был здоров, доволен своей жизнью, чтобы тебе удалось с успехом окончить 10-летку и, самое главное, чтобы нам удалось дать тебе дальнейшее образование.

Как твое самочувствие, как встретил Новый год? Как ты провел свои каникулы, ведь 12 дней вы отдыхали, но боюсь, что общественная жизнь не дала тебе покоя - приготовление к ёлке, постановка, стенгазеты, лозунги писать и т. д., как это принято.

Даже здесь, в этой захолустной местности чувствовалось пульсирование общей жизни. И здесь устроили ёлки для детей, взрослых и больных, украсили корпус. Были два вечера: один - постановка, собрание торжественное, ужин для лучших ударников с премиями денежными и натуральными. А на второй день концертное отделение и танцы для молодежи, конечно. Был свой оркестр скромный - баян, мандолина, домра и гитара.

Аночка писала, что у них должен был быть бал-маскарад. А у вас? Жду подробное описание. Аночка на тебя обижается, что ты ей совершенно не пишешь. Может быть, ее адрес потерял?

Харьковская область, Харьковский район, ст. Буды, Будянский детдом. Местность, как она описывает, очень красивая. Только далеко ей в школу идти и учебников мало.

Трудно ей поддается немецкий язык и химия.

Странно, что вам обоим иностранный язык так трудно поддается, была бы я у вас, я бы вам помогла и вы бы быстро усвоили. Надеюсь, что это скоро будет. Осталось 20 дней до этого дня. Когда ты получишь это письмо, мне уже известно будет, благополучно или отрицательно.

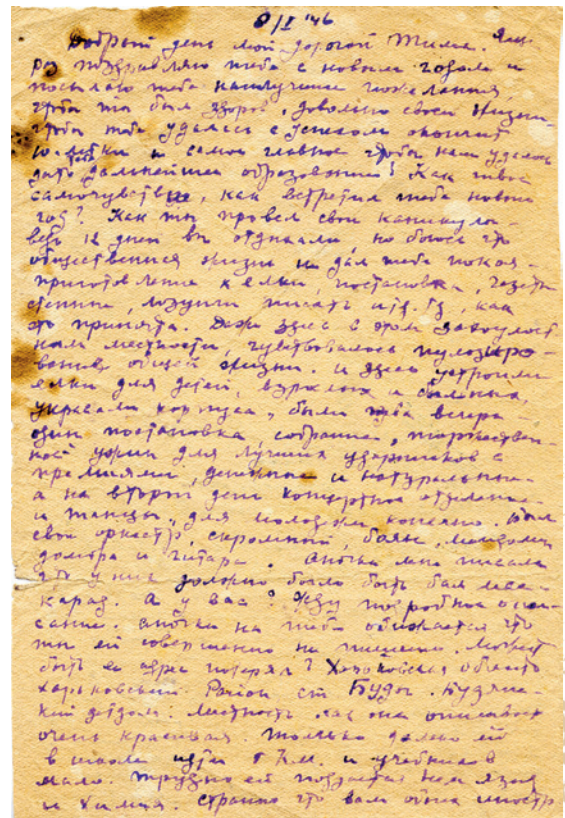
Мне очень хочется с тобою повидаться, Тимочка.

Ты мне родной, а порой мне покажется, что ты меня только смутно помнишь. Ты много изменился. Передо мной стоит твоя фотокарточка в рост. Это я получила еще год до войны. Ты, должно быть, много изменился, но все-таки думаю, сразу тебя узнаю.

Когда я от Аночки из Казахстана получила карточку месяцев восемь тому назад, я сначала своим глазам не верила, что это моя дочка. Так она изменилась и выросла. И так же, наверно, ты. С Ильей ты потом познакомишься. Он очень рослый.

Тима, милый, пиши мне, хоть открытку, она быстрее дойдет. Как себя чувствуешь? Я всегда очень беспокоюсь, если долго от тебя ничего нет.

Целую тебя крепко. Твоя мама.

Харьковская область
Харьковский район
Будянский детдом
Буды
Местность, как она описывает, очень красивая.
Только далеко ей в школу идти и учебников мало.
Трудно ей поддается немецкий язык и химия.
Странно, что вам обоим иностранный язык так трудно поддается,
была бы я у вас, я бы вам помогла и вы бы быстро усвоили.
Надеюсь, что это скоро будет. Осталось 20 дней до этого дня.
Когда ты получишь это письмо, мне уже известно будет,
благополучно или отрицательно.
Мне очень хочется с тобою повидаться, Тимочка.
Ты мне родной, а порой мне покажется, что ты меня только смутно помнишь.
Ты много изменился. Передо мной стоит твоя фотокарточка в рост.
Это я получила еще год до войны. Ты, должно быть, много изменился,
но все-таки думаю, сразу тебя узнаю.
Когда я от Аночки из Казахстана получила карточку месяцев восемь
тому назад, я сначала своим глазам не верила, что это моя дочка.
Так она изменилась и выросла. И так же, наверно, ты. С Ильей ты
потом познакомишься. Он очень рослый.
Тима, милый, пиши мне, хоть открытку, она быстрее дойдет.
Как себя чувствуешь? Я всегда очень беспокоюсь, если долго от
тебя ничего нет.
Целую тебя крепко. Твоя мама.

Изображения так подробно рассматриваются. Когда
 бы я у вас, я бы в то время и была
 бы у вас. Неужели вы не знаете
 бюджет. Осталось дожить до этого года.
 Когда вы получите от министра
 или от известного бюджета, вы
 можете или отказаться.
 Мне очень хотелось и того
 поблагодарить. Министр же
 мне расной а пора пока
 ждет от вас. Мне
 только трудно пока
 нечего, ты много
 изложилась. Перео-
 мной от вас
 оторваться в
 пост. Это я могу
 тебе еще по
 до верить, ты
 говоришь. Мне
 хотелось
 но вы не
 дулись
 сразу
 тебе

ПРОСМОТРЕНО
 Военной Цензурой
 12673

ПРОСМОТРЕНО
 Военной Цензурой
 12673

С. ПИТЕР.

Коложевская Д. А. Сер.
 Коложевский Район.
 д. Сер. Революционная 14.
 Шершургорн Миллеров Дмитрий
 Коложевская а. с. с. д. №. Двас поф. д. с. с. д.
 241/8 Шершургорн Ф. Г.

узнал. Когда я от Антони от 3 Развела
 получила картинка, которая 8 тому году
 я сказала своим глазам не верила, что
 это моя дочь, так она изложилась и
 верила. И так же наверно ты. Сидит
 ты дома и ждешь комисс. Он очень редкий
 министр. Министр, министр, кто's откровения
 она знает свой. Как себе воображаю
 я была отан делового. Сидит дома и
 ждет комисс. Когда она придет
 тебе
 маме

июль 3,
 КП-5/1691

ПРОСМОТРЕНО
 Военной Цензурой
 12673

Коложевская Д. А. Сер.
 Коложевский Район.
 д. Сер. Революционная 14.
 Шершургорн Миллеров Дмитрий
 Коложевская а. с. с. д. №. Двас поф. д. с. с. д.
 241/8 Шершургорн Ф. Г.

узнал. Когда я от Антони от 3 Развела
 получила картинка, которая 8 тому году
 я сказала своим глазам не верила, что
 это моя дочь, так она изложилась и
 верила. И так же наверно ты. Сидит
 ты дома и ждешь комисс. Он очень редкий
 министр. Министр, министр, кто's откровения
 она знает свой. Как себе воображаю
 я была отан делового. Сидит дома и
 ждет комисс. Когда она придет
 тебе
 маме

июль 3,
 КП-5/1691

9/1-1947 г.

Добрый день, мой дорогой Тима.

Когда это письмо получишь, основная часть экзаменов лежит у тебя уже сзади. Надеюсь, что каждый экзамен ты с успехом сдаешь. А если на «плохо», повторить позднее разрешают?

Я себе представляю, как напряженно ты сейчас живешь. Ни отдыха, ни развлечений, только учеба и учеба. И это еще целый месяц длится. Смотри, чтобы ты выдержал. Но на вечере к Новому году был? Здесь мы Новый год встретили очень степенно, в домашнем кругу. Мария Ивановна лепешки стряпала из желудей, кофе сладкий варили с молоком и всё, что касается угощения. Так мы весело побеседовали, Аночка плясала, Илья стихотворение рассказывал, была елочка, красиво убранная. Игрушки мы все сами делали, в основном Илья, но результат получился очень хороший. Во всяком случае, ребята были довольны. В школе был бал-маскарад. Аночка участвовала в малороссийском наряде. У Ильи тоже устроили в школе елку с угощениями, пряниками и куском сахара.

Через два дня каникулы кончаются. Особенно Аночке придется напрягать все силы. Во время каникул она много читала. Сейчас читает Чернышевского «Что делать?». А у тебя время на чтение остается?

Тима, я с деньгами тебя немного подвела. 15 октября я тебе 200 послала – за январь и думала еще 100 послать, но придется тебе ждать до конца месяца. Дело в том, что М. И. завтра уезжает от нас, и мне пришлось все наши сбережения ей отдать, даже еще занимать деньги. Так что старайся обходиться. При малейшей возможности я тебе вышлю.

Жизнь такая тяжелая, Тима, везде хлопоты и заботы, голая борьба за существование. Сейчас еще сносно, а как весной будет, неизвестно. Сколько бед эта война нанесла. Стране трудно быстро выпрямиться, хотя все лихорадочно работают и восстанавливают хозяйство.

М. И. едет в Вильнюс, имеет оттуда приглашение. Надеюсь для нее, что ей там лучше живется. Здесь она совсем не получала карточки.

18 января я должна здесь делать доклад на радио о болезнях зубов. Без книг трудно, но каркас смастерила. Жаль, что тебя нет, чтобы его отредактировать. Там, наверно, 1000 ошибок. Ты понял мое английское письмо?

Привет от Аночки, М. И., Илюши.

Целую крепко, мама.

Льва 9/1-47
Добрый день мой дорогой Тима!
Когда это письмо получишь, основная часть экзаменов лежит у тебя уже сзади. Надеюсь, что каждый экзамен ты с успехом сдаешь. А если на «плохо», повторить позднее разрешают?
Я себе представляю как напряженно ты сейчас живешь. Ни отдыха, ни развлечений, только учеба и учеба. И это еще целый месяц длится. Смотри, чтобы ты выдержал. Но на вечере к Новому году был? Здесь мы Новый год встретили очень степенно, в домашнем кругу. Мария Ивановна лепешки стряпала из желудей, кофе сладкий варили с молоком и всё, что касается угощения. Так мы весело побеседовали, Аночка плясала, Илья стихотворение рассказывал, была елочка, красиво убранная. Игрушки мы все сами делали, в основном Илья, но результат получился очень хороший. Во всяком случае, ребята были довольны. В школе был бал-маскарад. Аночка участвовала в малороссийском наряде. У Ильи тоже устроили в школе елку с угощениями, пряниками и куском сахара.

Школе елку с угощениями, пряниками и куском сахара. Здесь 2 года, как мы уже кончили все силы. Во время каникул они много читали. Сейчас читает Чернышевского «Что делать?». А у тебя время на чтение остается?
Тима, я с деньгами тебя немного подвела. 15 октября я тебе 200 послала – за январь и думала еще 100 послать, но придется тебе ждать до конца месяца. Дело в том, что М. И. завтра уезжает от нас, и мне пришлось все наши сбережения ей отдать, даже еще занимать деньги. Так что старайся обходиться. При малейшей возможности я тебе вышлю.
Жизнь такая тяжелая, Тима, везде хлопоты и заботы, голая борьба за существование. Сейчас еще сносно, а как весной будет, неизвестно. Сколько бед эта война нанесла. Стране трудно быстро выпрямиться, хотя все лихорадочно работают и восстанавливают хозяйство.
М. И. едет в Вильнюс, имеет оттуда приглашение. Надеюсь для нее, что ей там лучше живется. Здесь она совсем не получала карточки.
18 января я должна здесь делать доклад на радио о болезнях зубов. Без книг трудно, но каркас смастерила. Жаль, что тебя нет, чтобы его отредактировать. Там, наверно, 1000 ошибок. Ты понял мое английское письмо?
Привет от Аночки, М. И., Илюши.
Целую крепко, мама.

ПРОСМОТРЕНО
Военной Цензурой
12673

Явас, 11/XII – 1949 г.

Здравствуй, мой дорогой Тима!

Получила твое письмо от 25/XI. Наконец! Ой и дипломат ты, Тима. Всякими доводами мне доказываешь неколебимый закон в студенческой жизни, который исключает всякие возможности найти время писать. А сам нарушил! И слава Богу, а то я уже начала беспокоиться, что у тебя что-нибудь не ладилось. Очень довольна, что ты мне так подробно ответил на мои вопросы. Чтобы не забыть, я тебе сразу же отвечаю на твои.

Национальность папина тоже голландец. Он родился в Голландии в 1900 году и жил там до 1924 г. В 1924 году мы вместе по приглашению управления АИК «Кузбасс» приехали сюда, папа как специалист инженер-строитель и я как зубной врач, – в город Кемерово.

Мы оба были члены голландской компартии, папа с 1921, а я с 1922 года, а в 1925 году переведены в нашу партию. Папа носил всегда большие общественные и партийные нагрузки. Он умер в 1941 году. Вы нигде за границей не были и родились здесь. Так что вы русские. Это все сведения, которые тебе нужны, Тима, иначе напиши.

Здесь все хорошо, я в отпуске до 20-го и очень хорошо отдыхаю. Читаю много, иногда иду в кино, гуляю, дома кое-что делаю и слежу за поведением Ильи. Он, между прочим, сильно изменился. После того, как прочитал две книги: «Два капитана» Каверина и «Честь смолоду» Арк. Первенцева. Две замечательные книги. Илья вдруг явился ко мне и сказал: «Мама, хочу с тобой заключить договор. Возьми бумагу». И диктовал следующие пункты:

Встать в 7-30, умываться, одеваться, постель убрать, дрова колоть.

С 8-30 до 9 ч. – завтрак

С 9-10 выполнить мои поручения по домашнему хозяйству

С 10-11-30 гулять

С 11-30-12 немецкий урок со мной, потом 2-й завтрак и в школу.

После школы обед и уроки.

Свободное время – читать.

И в 10 часов – спать.

Пока держит свое слово и уже 2 воза дров переколол. И занимается лучше, и никаких фокусов, когда ему что-нибудь поручаю.

Я помню, что ты мне сказал, что в твоей жизни книги играют очень большую роль. Может быть, у него тоже так же.

Ну, пока все. Получил ты деньги, которые я тебе выслала 20/XI?

Начеркни мне два слова. Желаю тебе успехов в сдаче экзаменов и зачетов.

Привет от Ильи, целую, мама.

Явас 11/12 49
Здравствуй мой дорогой Тима!
Получила твое письмо от 25/11. Наконец! Ой и дипломат ты Тима! Всякими доводами мне доказываешь неколебимый закон в студенческой жизни, который исключает всякие возможности найти время писать. А сам нарушил! И слава Богу, а то я уже начала беспокоиться, что у тебя что-нибудь не ладилось. Очень довольна, что ты мне так подробно ответил на мои вопросы. Чтобы не забыть, я тебе сразу же отвечаю на твои.

Национальность папина тоже голландец. Он родился в Голландии в 1900 году и жил там до 1924 года и в 1924 году мы вместе по приглашению управления АИК «Кузбасс» (АИК инженер-строитель и я как зубной врач) приехали сюда, папа как специалист инженер-строитель и я как зубной врач в г. Кемерово. Мы оба были члены голландской компартии, папа с 1921, а я с 1922, а в 1925 г. переведены в нашу партию. Папа носил всегда большие общественные и партийные нагрузки. Он умер в 1941 году. Вы нигде за границей не были и родились здесь. Так что вы русские. Это все сведения, которые тебе нужны, Тима, иначе напиши.

Здесь все хорошо, я в отпуске до 20-го и очень хорошо отдыхаю. Читаю много, иногда иду в кино, гуляю, дома кое-что делаю и слежу за поведением Ильи. Он, между прочим, сильно изменился. После того, как прочитал две книги: «Два капитана» Каверина и «Честь смолоду» Арк. Первенцева. Две замечательные книги. Илья вдруг явился ко мне и сказал: «Мама, хочу с тобой заключить договор. Возьми бумагу». И диктовал следующие пункты:

Встать в 7-30, умываться, одеваться, постель убрать, дрова колоть.

С 8-30 до 9 ч. – завтрак

С 9-10 выполнить мои поручения по домашнему хозяйству

С 10-11-30 гулять

С 11-30-12 немецкий урок со мной, потом 2-й завтрак и в школу.

После школы обед и уроки.

Свободное время – читать.

И в 10 часов – спать.

Пока держит свое слово и уже 2 воза дров переколол. И занимается лучше, и никаких фокусов, когда ему что-нибудь поручаю.

Я помню, что ты мне сказал, что в твоей жизни книги играют очень большую роль. Может быть, у него тоже так же.

Ну, пока все. Получил ты деньги, которые я тебе выслала 20/XI?

Начеркни мне два слова. Желаю тебе успехов в сдаче экзаменов и зачетов.

Привет от Ильи, целую, мама.

ИЗ ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КЕМЕРОВСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ:

«К СВОИМ»

(1978–1986)

Г. М. КОРЖЕВ

На сегодняшний день работа Г. М. Коржева «К своим» — это одно из лучших, если не лучшее, произведение из собрания Кемеровского областного музея изобразительных искусств (КОМИИ). Оно принадлежит кисти великого мастера, создано им в зените творческих сил и, отличаясь своей завершенностью — содержательной и формальной, характерно для него в

абсолютной степени. Несомненно, такая картина, как «К своим» (1978–1986)¹ московско-

¹ «К своим» (1978–1986) Г. М. Коржев. Холст, масло. 250 200 (Ж - 1495. КП - 5468). Протокол ФЭК КОМИИ № 3-2007 от 09.06.2007. Акт ПХ № 2-2007 от 09.03.2007. Поступление из ФГУК «Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО»» (Ж - 21271). Приказ № 277 Федерального агентства по культуре и кинематографии Российской Федерации от 22.06.2006.

«К своим» (1978–1986)

Г. М. Коржнев

го живописца Гелия Михайловича Коржева², могла войти в коллекции крупнейших музеев страны: Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея.

Перед нами масштабное полотно, посвященное Гражданской войне — одной из самых трагичных страниц российской истории, к которой Коржев, мыслитель и патриот, болевший судьбами страны и народа, обращался на протяжении всей творческой жизни. Типичное для героико-революционной линии в искусстве художника, оно вполне сопоставимо с таким произведением, например, как триптих «Коммунисты» (1957–1960, ГРМ), вошедший в золотой фонд художественного наследия нашей страны. Здесь художник также берет за основу частный сюжет и поднимает его до эпического звучания, наделяя образ высоким гражданским чувством, пафосом непреклонного мужества, суровой романтикой³.

Действительно, картина «К своим» демонстрирует явное сходство с более ранними картинами мастера, созданными в конце 1950-х — 1960-е годы, в русле «сурового стиля»⁴ —

2 Гелий Михайлович Коржев (Чувелев) (07.07.1925 г., Москва — 27.08.2012 г., Москва). Действительный член Академии художеств СССР (1970). Народный художник СССР (1979). Учился в Средней московской художественной школе (1939–1944), Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова (1944–1950) у С. В. Герасимова, В. В. Почиталова. Председатель правления Союза художников РСФСР (1968–1975). Руководитель творческой мастерской живописи Академии художеств СССР (1968–1976).

3 «В картине «К своим» (1988–1990) простой сюжет, вплотную приближенный к фронтовой повседневности Гражданской войны, выявляет содержание большого внутреннего масштаба. В нем дальнейшее развитие получает идея, заложенная в образном строе правой части триптиха «Коммунисты» с названием «Интернационал». В обоих случаях действие происходит на земле Туркестана в годы борьбы с басмачеством. Возможно, перед нами участники того жестокого боя, один из которых, русский, поддерживает раненого узбека. Изображенные со спины, они уходят от нас в глубь вечных песков к Своим. Образное состояние героев указывает на живой источник подлинного единства народов огромной страны. Он, по мысли автора, заключен в совместных шагах и действиях людей, воодушевленных высоким идеалом, верящих в реальную справедливость, отдающих все силы для ее практического водворения в центр земного повседневного существования» [Сысов В. П. *Общественная драма Гелия Коржева*. URL: <http://www.artist-mag.ru/index.php/2009-02-19-16-25-25/35-1-2006/259-2012-11-23-10-36-48>].

4 «Ранний — героический — «суровый стиль» принципиально противопоставлен созданному сталинским искусством миру счастливой беззаботности, силы и красоты как системе осознанной и целенаправленной лжи. Поэтому первым возникает именно культ «суровой», то есть лишенной всяких иллюзий, бескомпромиссной и беспощадной — правды о человеке, истории и даже природе. Никаких чудес — только работа» [Бобриков А. А. *Суровый стиль: мобилизация и культурная революция*. URL: <http://www.sx.gif.ru/numbers/51-52/surovo>].

направления в советском искусстве, которое, отражая настроения «оттепели», было исполнено бескомпромиссного поиска правды жизни, героизации повседневного. Та же верность его идеалам, те же социальная заостренность и широкая типизация, те же емкость и лаконизм, тот же монументализм пластической формы. Налицо и сугубо авторские черты, свойственные исключительно Коржеву и заметно отличавшие его от других представителей «сурового стиля», а именно: выраженность драматической составляющей темы, глубокий психологизм и особая, по-коржевски могучая манера письма — лапидарная, предметно-осязаемая, основанная на рисовании кистью.

При этом, анализируя картину внимательно, в ней можно обнаружить иные смыслы, обратные «суровому стилю», даже противоречащие ему. Это и выбранный мотив — после боя, и сами герои, которые — не то победители, не то побежденные — медленно, под бременем неодолимой усталости, удаляются в глубь бескрайней пустыни, по сути — бредут в никуда⁵. Больше того, они показаны чуть вдаль, не на первом плане, да еще со спины — безлично, что не свойственно не только «суровому стилю» с его предпочтением прямой речи (то есть изображением в фас), но и творчеству самого художника, который, исследуя судьбу человека, всегда представлял его крупным планом, нередко в упор. В священном акте взаимопомощи, объединившем в сюжете двух участников боя — русского и узбека, угадывается и...беспомощность, тот предел человеческих сил, который неизбежен в борьбе со стихией, природной или военной.

Для наглядности еще раз сравним картину «К своим» (1978–1986) с «Интернационалом», правой частью триптиха «Коммунисты» (1958) — вслед за искусствоведом В. П. Сысовым, справедливо заметившим между ними известное сходство: в выборе темы, формате холста и композиционном решении, представ-

5 В творческом наследии Г. М. Коржева, хранящемся у его родственников, немало эскизов, созданных к картине «К своим». Некоторые из них демонстрируют принципиально иное, нежели в картине, композиционное решение: на дальнем плане виден край песчаной пустыни, за которым открывается в разных вариантах то море, то небо, намеченные ярким пятном (то синим, то белым), явно выделяющимся из общего колорита — подчеркнуто сдержанного, приглушенного, словно выцветшего. В тех эскизах есть перспектива — в прямом и переносном смысле этого слова, перспектива жизни. Однако в самой картине, исключая линию горизонта, автор не оставляет героям этого выхода. (Здесь и далее примечание автора. — М. Ч.).

ляющем двух героев одинокими, в рост. Однако в «Интернационале» герои, обреченные на смерть, стоят твердо, спина к спине, бесстрашно и одержимо — за дело Революции, отчаянно трубя пролетарский гимн, с силой сжимая древо красного знамени. И наоборот: в картине «К своим» они тихо покидают поле сражения, обессилевшие и потерянные, один поддерживая другого, раненного в бою, чтобы дойти до своих — выжить. Обе работы, отражая раздумья о жизни и смерти, демонстрируют величие солдатского подвига — каждая по-своему. То есть налицо разночтение в понимании подвига: в первой из них, написанной раньше, — это гибель во имя идеи, во второй, созданной почти тридцатилетие спустя, — это братство во имя жизни.

Очевидно, что в картине «К своим» героизация обыденного, как постулат «сурового стиля», выражена неявно, даже спорно, поскольку трудно с уверенностью сказать, кто на картине представлен: герои или не герои. Здесь понимание героики усложняется, теряя былую прямолинейность: с классового борьбы, что кипит не на жизнь, а на смерть, оно переносится в область этическую и заключается в людском единении и сострадании к ближнему — как проявлении «высочайшей формы человеческого существования» (Ф. М. Достоевский).

Безусловно, это лишает образ активной тональности, утверждающего начала, волевой напряженности, какие отличали хрестоматийные произведения «сурового стиля», в том числе и произведения Гелия Михайловича, несмотря на присущий им драматизм, всегда ярко выраженный, глубокий. Страстная категоричность и полемическая острота, обнажавшие со всей откровенностью личную позицию автора, никогда не оставляли в его полотнах место полутонам: сомнениям и двусмысленности. Поэтому ошибиться относительно даты создания картины «К своим», пожалуй, все-таки невозможно⁶.

Примечательно, что датой создания этой картины значатся восемь лет: 1978-1986. Такая продолжительность в поиске образа типична для Коржева. Однако самые затяжные периоды, вплоть до десятка лет, приходится на позднее творчество, начиная с середины 1980-х

— на годы перестройки и постсоветские годы. Тогда, в тягостном осмыслении общественных перемен, преобразивших страну с точностью до наоборот, мироощущение автора менялось трагически, и это потрясение, перевернувшее жизнь, не сразу обрело ясность позиции — личностной, гражданской, художнической. Поэтому в поиске образной выразительности Гелий Михайлович все чаще то отставлял свои картины, то возвращался к ним, не ощущая их завершенности. Об этом свидетельствуют сами картины, которые, отражая непрерывный диалог художника со своей эпохой, с самим собой, писались мучительно долго, из года в год: «Наезд» (1980—1990), «Тюрлики» (1980-е — 1990-е), «Дезертир» (1985—1994), «Иуда» (1987—1993) ...

Преддверием позднего творчества в искусстве Г. М. Коржева, полагаю, стала картина «К своим» (1978—1986), созданная в переходное время — на исходе позднего советского строя и начавшейся перестройки. Это многое объясняет: и дегероизацию образа, посвященного Гражданской войне — одной из самых героических тем в советском искусстве, и его гуманистическое прочтение, раскрывающее не одержимую волю к победе (как прежде), а глубокое сочувствие человеческой жизни, и то, что в канун национальных конфликтов, разгоравшихся в 1986 году, по-прежнему воспевалась сплоченность советских народов.

В этих противоречиях, неочевидных на первый взгляд, угадывается состояние автора, который, еще не расставшись с прошлым, предвидел грядущее. Так, обращаясь к советской тематике, он интерпретирует ее подчеркнуто философски, акцентируя нравственное начало, уже не связанное с идеологией, оказавшейся ни при чем, то есть интерпретирует непривычно, по-новому. Так, вопреки яро нараставшему сепаратизму, уже вскоре приведшему к распаду СССР, он отстаивал интернациональную дружбу, словно предчувствуя, что она, прививаясь семьдесят лет, будет поправа почти в одночасье, — отстаивал убежденно, как непреходящую ценность, противостоя современным веяниям. Это было ответом на вызов времени — ответом художника-гуманиста, который, поверяя социальными катаклизмами сложившееся воззрение, остался верен себе самому, человеколюбно.

Не совпадая с эпохой — ни с уходящей, ни с наступающей, картина «К своим» оказалась

⁶ Тем не менее, ошибаются. Некоторые столичные искусствоведы, например, В. П. Сысов, датируют картину «К своим» 1988-1990 гг. Между тем на лицевой стороне картины, слева вверху, есть авторская подпись: Коржев 1978-86 гг.; на обратной стороне: Г. М. Коржев 1978-86 «К своим» 250 200 х м.

неактуальной и поэтому невостребованной (нигде не экспонировалась⁷). Неудивительно, что при всей значительности она явно уступает в известности многим другим произведениям мастера, вошедшим в историю отечественного искусства.

Вместе с тем в творчестве Гелия Михайловича эта картина, бесспорно, принадлежит к первому ряду и по-своему уникальна: созданная на изломе истории и судьбы, она делит его творчество на два этапа: советский и постсоветский. Это последнее произведение, посвященное Гражданской войне как источнику высоких духовных образов, — произведение, исполненное в духе «сурового стиля», с гражданским звучанием и реалистической прямоотой. Думается, оно писалось художником в память о прошлом, которому, уходящему навсегда, он мужественно отдавал посильную дань, с которым прощался — под давлением новой эпохи, глубоко изменившей (или сломавшей?) его самого, потерявшего веру в будущее. Последующие произведения Коржева, составившие позднее творчество, были уже иными — чаще иносказательными, с плотным повествованием и усложненной символикой, полные трагической безысходности и непросветленных страданий.

То, что картина «К своим» Г.М. Коржева оказалась в собрании Кемеровского областного музея изобразительных искусств⁸ — сравнительно молодого, находящегося в индустриальном Кузбассе, поистине удивительно, даже невероятно. Это уникальная страница музейной истории, поэтому о ней следует рассказать подробно, тем более что она непосредственно связана с самим Гелием Коржевным, ушедшим из жизни совсем недавно, в 2012 году. Есть повод вспомнить о мастере, без которого современное отечественное искусство представить немислимо.

История началась с внезапного озарения, которое, честно признаться, могло снизойти на меня много раньше, а не тогда, в декабре

⁷ Так утверждает племянник художника Иван Владимирович Коржев (1973 г.р.) — скульптор, архитектор, заслуженный художник Российской Федерации.

⁸ Кемеровский областной музей изобразительных искусств (первоначально — картинная галерея) был открыт в 1969 году. Открыт в буквальном смысле с голыми стенами, то есть комплектование художественной коллекции начиналось с «нуля». Сегодня она насчитывает более шести тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства XX — XXI веков.

2005 года, когда мастеру минуло восемьдесят. Подумать только, занимаясь собиранием коллекции без малого двадцать лет, я вдруг с пронзительной ясностью осознала простые истины: что Гелий Михайлович Коржев — живой классик; что поколение шестидесятников, к которому он принадлежал, уходит из жизни; что не иметь его произведений в музейном собрании, представляющем отечественное искусство XX — XXI веков, — профессиональное упущение. Незамедлительно был скорректирован план текущего комплектования музейной коллекции, и фамилия Коржева, вписанная в него, значилась первой.

Помнится, тут же, набравшись смелости, позвонила Гелию Михайловичу — в надежде напроситься к нему в мастерскую и приобрести для музея одну или две из его работ. Представившись, прямо изложила свое желание, обескуражив мэтра своей наивностью, судя по интонации голоса и длительным паузам мастера. Однако, узнав, что звоню из Кемерово, он твердо сказал: «Приезжайте».

Опасаясь упустить данный мне шанс, мешкать не стала — приехала тотчас. Был январь 2006 года. В Москве стояла лютая стужа: неподвижный и плотный холодный воздух, безлюдные улицы, остановившийся транспорт — словом, жизнь замерла. Впоследствии оказалось, что морозы сыграли в пользу музейного дела — как испытание, которое мне зачлось: оценив одержимость музейщика, Гелий Михайлович проникся не только нашей внезапной встречей, в общем, не сулившей ему особого интереса, но и поводом, настолько дерзким, что казался не рассчитанным на успех, тем более абсолютный. Однако своим участием мастер оправдал самые смелые из моих надежд.

Мастерская Гелия Михайловича находилась в знаменитом Доме на Масловке, где он также и жил, в том же подъезде. Ему шел девятый десяток, и я приготовилась было увидеть старца, а увидела мужа — статного и крепкого, еще полного физических сил, даже величественного. Сразу подумалось, что его, наделенного столь выразительной внешностью, только ваять.

Потом узнала, что это были последние годы здоровья Гелия Михайловича. Об этом мне рассказал его ученик, художник Виктор Калинин, который, имея мастерскую в том же Доме на Масловке, стал свидетелем угасания великого мастера. Слушая печальный рассказ, я вспоминала тот мой визит к нему — возникший непред-

намеренно, вдруг, и думала о своем: мне повезло, что вовремя все успела — и познакомиться с классиком, и получить для музейной коллекции одну из лучших его работ, а еще о том, что случайностей не бывает.

Но эти мысли пришли потом. А тогда, в январе 2006 года, мы вошли с Гелием Михайловичем в его мастерскую, скромную и вместительную, где царили суровый быт и абсолютный порядок: каждая вещь — на своем месте. У дальней от входа стены, один за другим, стояли огромные полотна, подпиравшие высокий потолок, — это были завершённые вещи, уже предназначенные конкретным музеям, как позже пояснил сам автор. Ближе, на стеллажах, каждая в своей ячейке, аккуратно размещались работы средних размеров — подготовительный материал к тематическим картинам и натюрморты. Еще ближе, на мольберте, стоял недописанный холст, предусмотрительно прикрытый тканью — от посторонних глаз.

Встреча с мэтром, похожая на чудесный сон, началась, однако, не очень радушно, как мне показалось. Прежде всего, Гелий Михайлович предупредил меня о лимите времени, которого у нас с ним часа полтора, не больше. Это слегка омрачило мое душевное ликование, но ненадолго: вопреки намеченному регламенту наша встреча затянулась примерно на пять часов, допоздна. Помнится, из мастерской до метро «Динамо», через Петровский парк, я бежала не останавливаясь, едва успевая на последнюю электричку.

Первое, о чем спросил меня Гелий Михайлович, это произведения каких мастеров его поколения представлены в нашей коллекции. Лучшего вопроса и желать было нельзя, поскольку он касался наших общих знакомых: Николая Андропова, Павла Никонова, Виктора Иванова, Дмитрия Жилинского... — в их мастерских, по роду службы, я бывала не раз. Воспоминания об этих художниках, живые и яркие, по-настоящему сблизили нас с Гелием Михайловичем и сделали общение теплым, доверительным, даже откровенным.

Так, на исходе четвертого часа, что длилось наше общение, Гелий Михайлович неожиданно откинул ткань, прикрывавшую холст на мольберте (как знак расположения ко мне, смею надеяться) и спросил мое мнение о написанном. Я не нашлась, что ответить сразу, а точнее, не посмела признаться мастеру в том, что данная картина с моей точки зрения уступает его клас-

сическим произведениям — во всем, даже в исполнительском мастерстве. К счастью, не дожидаясь ответа, художник продолжал говорить сам, причем возбужденно, словно высказываясь о наблевшем: «Пишу и понимаю, что силы уходят и прошлого не вернуть. Вижу недостатки этой работы и даже знаю, как их исправить, а сделать этого не могу. Возраст!»

Однако, как бы ни увлекала беседа с мэтром, я непрестанно думала только о главном — о той картине, которую должна привезти в музей. Постепенно, усиливая тревожное беспокойство, эта мысль, вытесняя другие, становилась назойливой: время шло, а Гелий Михайлович словно забыл об истинной цели моего посещения; я же не смела заговорить о ней первой. Кроме того, в нашем разговоре он откровенно признался, что музеям принципиально продает только завершённые вещи, которые пишет нечасто, и, если продает, то, разумеется, по предварительной договоренности, и что в последние годы сотрудничает не с музеями, а исключительно с американским коллекционером из Миннеаполиса. Иными словами, свободных вещей у него не бывает.

Когда я окончательно пала духом, Гелий Михайлович, словно почувствовав это, вернул мне надежду. Оказывается, еще до нашей с ним встречи у него созрело решение, которое он изложил мне в последнюю очередь, незадолго до того как нам расстаться. Сообщил, что в запасниках Министерства культуры Российской Федерации находится созданная им картина «К своим» (1978—1986), что из всех его работ, приобретенных МК РСФСР, в запасниках она осталась одна и что именно ее он предлагает для коллекции нашего музея.

Пояснил, что прежде всего следует написать письмо на имя А.С. Колупаевой, начальника Управления культурного наследия, художественного образования и науки Федерального агентства по культуре и кинематографии, с просьбой передать эту картину Кемеровскому областному музею изобразительных искусств и при этом обязательно сослаться на его согласие — личное, авторское. Договорились, если возникнут трудности, то я обязательно позвоню ему, и он постарается мне помочь. Так и случилось.

Переписка, начавшаяся между Кемеровским областным музеем изобразительных искусств (КОМИИ) и Федеральным агентством по культуре и кинематографии, затянулась на

долгих полгода, причем в одностороннем порядке. От нас уходило письмо за письмом: сначала за подписью директора КОМИИ, потом — начальника департамента культуры и национальной политики Кемеровской области; сначала на имя А. С. Колупаевой, затем — А. Н. Сысоенко, первого заместителя генерального директора ФГУК ГМВЦ «РОСИЗО», потом — самого М. Е. Швыдкого, руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии. Ответом, увы, было молчание.

Вот тогда, памятуя о договоренности с Гелием Михайловичем, я позвонила ему, и...проблема решилась сразу: по приказу Федерального агентства по культуре и кинематографии от 22.06.2006 г. № 277 картина Г. М. Коржева «К своим» была передана собранию Кемеровского областного музея изобразительных искусств. Еще через полгода, в декабре 2007 года, ее доставили из Москвы в Кемерово.

В собрании Кемеровского областного музея изобразительных искусств, представляющем отечественное искусство XX-XXI веков, картина «К своим» Г. М. Коржева принадлежит «столичному» разделу. Его составляют произведения мастеров Москвы и Санкт-Петербурга, поскольку именно эти мастера — традиционно для нашей страны — оказывают существенное влияние на развитие российской художественной культуры и определяют ее историю, известную преимущественно по их именам.

Неудивительно, что формирование «столичного» раздела, ориентированное на творчество признанных мастеров, сразу стало одним из главных в собирательской деятельности молодого музея. Оно началось в 1969 году, как только открылась картинная галерея, и в течение последующих сорока лет развивалось динамичней других. Во многом этому способствовали поступления из фондов РОСИЗО⁹, почти еже-

годные, многочисленные. Первое поступление, открывшее в 1969 году «столичный» раздел, насчитывало 209 произведений живописи и графики¹⁰.

Концепция комплектования данного раздела на первый взгляд предельно ясна: поскольку мир столичных художников велик и многообразен — его не объять, то нам, находящимся вдали от столиц, важно представить творчество лишь избранных мастеров — желательно тех, кто оставил в искусстве заметный след. Чтобы так наметить этапы развития, обозначить контекст, поскольку именно в этом видится главное назначение «столичного» раздела — как введение в большую историю отечественного искусства XX-XXI веков.

Однако следует понимать, что региональному музею, глубоко отдаленному от центра страны, решить такую задачу, точнее, сверхзадачу, практически невозможно, тем более бескомпромиссно. На то немало причин, весьма объективных и связанных, главным образом, с характером источников поступлений: передачи из РОСИЗО и закупки КОМИИ. Причем у каждого из этих источников — собственные причины.

Так, закупки произведений на средства КОМИИ, путем отбора произведений из мастерских художников, очень немногочисленны, поскольку наши командировки в Москву все-таки редки — добираться туда из Сибири далеко и недешево. Потом, если говорить о художественном наследии, то лучшее из созданного известными мастерами в первой половине XX века давно принадлежит крупным музеям страны, и мы, довольствуясь малым, вынуждены приобретать, как правило, работы второго ряда: этюды, эскизы, наброски, у которых иная ценность. Наконец, не всякий художник (или наследник) готов отдать свои лучшие произведения провинциальному музею, поскольку бережет их для столичных городов или для частных лиц, платежеспособных, покупающих за крупные суммы, какими областной бюджет, увы, не обладает.

Что касается поступлений из фондов РОСИЗО, то они, сформированные без учета специфики местного комплектования, были не-

⁹ ФГУ ГМВЦ «РОСИЗО» (1959–2010). Федеральное государственное учреждение Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО» был создан при Министерстве культуры РСФСР в 1959 году. Прежние названия – Дирекция художественных фондов (1959–1977), Республиканский центр художественных выставок и пропаганды или «РОСИЗОПРОПАГАНДА» (1977–1994). С первых дней существования на РОСИЗО возлагалась миссия организовывать и проводить: 1. Выставки из собраний музеев страны, популяризирующие художественное наследие России и новейшее отечественное искусство; 2. Государственные закупки произведений искусства с их последующим распределением по музеям страны [URL: www.ru.wikipedia.org Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО»].

¹⁰ Согласно приказу МК РСФСР от 25.06.1969 г. №450 Дирекцией художественных фондов и проектированием памятников 14.08.1969 г. Кемеровской областной картинной галерее выдано 32 живописные работы и 167 графических работ. Акт приема №2 (живопись), Акт №3 (графика) от 01.09.1969 г.

равноценны и разнородны: наряду с высокими образцами изобразительного искусства нередко встречались и ничем не приметные; равно как и авторы — то классики, то почти неизвестные. Причем даже если нашим сотрудникам, выезжавшим в Москву, удавалось участвовать в открытом распределении работ, наряду с коллегами из других музеев, то это вовсе не означало, что выбранные работы поступят в фонды именно КОМИИ, особенно те, что первого ряда.

Исключительным в истории комплектования «столичного» раздела стало поступление картины «К своим» Г.М. Коржева, конструктивно объединившее оба ресурса: федеральный и местный. Закупленная на средства МК РСФСР, картина оказалась в собрании КОМИИ по инициативе музея, по индивидуальной заявке, при личном содействии самого художника.

Этот опыт наглядно продемонстрировал всю результативность подобной практики, основанной на партнерских отношениях двух организаций (РОСИЗО и КОМИИ) — в решении одной, но важной задачи: комплектовании музейного фонда страны. В данном контексте такая практика дорогого стоит, даже при том, что неизбежно ведет к весоному сокращению числа поступлений. Зато как возрастает их качественный уровень согласно известному принципу: лучше меньше, да лучше!

Примечательно также и то, что картина «К своим» стала для КОМИИ последним поступлением из фондов РОСИЗО: в 2010 году этой организации был присвоен статус музея, и ее миссия по комплектованию фондов художественных музеев страны, к сожалению, прекратилась. Больше того, словно подчеркивая особую значимость этой картины, процесс ее поступления завершился (как и начался) удивительным образом: в отличие от остальных поступлений, исчислявшихся сотнями и десятками, оно передавалось в единственном числе — само по себе, отдельно.

Так, кульминационно, закончилась история сотрудничества РОСИЗО и КОМИИ, длившаяся без малого сорок лет и имеющая своим результатом более полутора тысяч произведений искусства, входящих в коллекцию кузбасского музея. И ее венцом, бесспорно, стала картина «К своим» Гелия Михайловича Коржева.

КАК МИХАЙЛО ВОЛКОВ СТАЛ ПАМЯТНИКОМ В ПРЯМОМ И ПЕРЕНОСНОМ СМЫСЛЕ

Работа художника
Германа Захарова

Летом 1721 года сибирский рудознатец Михайло Волков, осмотрев Горелую гору в 7 верстах от Верхотомского острога, подобрал несколько кусков «горючего камня». Что это такое, старатель не знал. Вероятно, подумал: возможно, черный, блестящий минерал содержит серебро, медь или еще что-нибудь ценное. Чтобы это выяснить, он отправился с находкой в Томск, к берггауэру Паулю Прифциену (Павлу Бривцину). Однако немецкий горный мастер никаких признаков цветных металлов в предъявленной породе не обнаружил. И тогда 11 сентября 1721 года, обескураженные диковинной находкой, М. Волков и П. Прифцен отправили образцы минерала на экспертизу в главное российское горнорудное ведомство – Берг-коллегию. Спустя полгода там установили, что доставленный из Сибири материал есть «№1 уголь каменный ис Томска доносителя Михала Волкова». С тем рудознатец и вошел в российскую историю геологических открытий.

Памятник первооткрывателю кузнецкого угля установлен на площади его имени, находящейся в Центральном районе Кемерова Михайло Волков.

Однако какую ценность представлял «волковский камень», никто толком в России не знал: ни Берг-коллегия, ни даже сам государь-батюшка, человек просвещенный, хорошо разбирающийся в минералах. Рассказывают, что, когда Петру I во время Азовского похода показали уголь, он задумчиво повертел камень в руках и обескураженно произнес: «Сей минерал если не нам, то нашим потомкам будет весьма полезен».

Вообще-то Михайло Волков никаким геологом не являлся — он и понятия не имел о том, что такое географическая карта, компас, бус-соль, лупа. Он даже читать и писать не умел. Был обычным охотником-звероловом. Поиск полезных ископаемых являлся для него сезонным промыслом. Зимой он добывал пушнину, а летом занимался разведкой серебряных, медных руд, горного хрусталя.

Поисковое дело в то время считалось делом очень прибыльным. По указу Петра I людям, «какого б чина и достоинства ни были, за открытие новых рудных залежей дано будет его Великого государя жалованье». Тому, кто найдет подходящую руду, полагалось вознаграждение в размере 50-100 рублей, а крупное месторождение серебра — 1000 рублей. (Для сравнения: управляющий богатым дворянским поместьем получал 3 рубля в год.)

Сведения о том, какие полезные ископаемые имеются в той или иной местности, рудознатцы получали от аборигенов: алтайцев, шорцев, телеутов, нижнетомских калмаков. Как известно, сибирские татары умели плавить металл и слыли искусными кузнецами. Кочуя по Южной Сибири, следопыты выискивали остатки древних плавильных печей, заброшенные копи, штольни и таким, довольно опосредованным образом узнавали о залежах тех или иных металлических руд.

Другим способом добычи меди, серебра и золота являлось «бугрование» (бугровничество), то есть раскопка могильных курганов (бугров). В некоторых тюркских захоронениях следопыты находили множество украшений из драгоценных металлов: кольца, серьги, браслеты, ожерелья, монеты, оружие. Например, в начале прошлого века в Терехинском могильнике (Новокузнецкий район) археологи обнаружили более 100 золотых предметов эпохи раннего средневековья.

Древние могильники, как и заброшенные копи, являлись для рудознатцев своего рода при-

метой, которая указывала на то, что поблизости располагаются месторождения ценных металлов, горного хрусталя, камней-самоцветов.

Это означает, что первые сибирские следопыты занимались поиском полезных ископаемых не только на поверхности земли, но и под землей — в могилах инородцев. Сегодня таких людей именуют «черными копателями». Но в те далекие времена разграбление курганов считалось обычным промыслом. Подобные деяния не наказывались и даже не порицались.

Иными словами, в Петровскую эпоху люди, занимающиеся поиском руд, были не столько геологами, сколько археологами. И Михайло Волков был одним из них. Свидетельство тому — донесение рудознатца Степана Костылева, который писал, что его товарищ Михайло Волков ездил с артелями «бугровать вверх по Иртышу реке... От устья убинского езды дней с пять видели чудские старые копи, а в копиях обретается руда признаком золотая».

Вообще-то титул «великого российского рудознатца» Михайло Волков получил совсем недавно — всего-то 70 лет назад. А до этого первооткрывателем кузнецкого угля считался немецкий ученый, состоящий на русской службе, Даниэль Готлиб Мессершмидт, которого государь Петр I отправил в 1719 году в научную экспедицию в Сибирь.

28 апреля 1721 года Д.Г. Мессершмидт оказался в Томске, где от шведского военнопленного узнал о природных особенностях этого края. Вот что он записал в своем дневнике: «28-го (пятница) допрашивали мы лейтенанта Ээнберга, что здесь должен быть казначей по имени Вилкасельски [Великосельский?], который о всяких делах [происходящих] вокруг мог дать всевозможные справки; но его надо угостить хорошей водкой. Он также сказал, здесь возле р. Оби, между ней и Иртышом есть три соляных озера, из них сюда привозят соль. Далее, в 1,5 верстах от Верхотомска должна быть гора у деревни Мазукина [Мозжуха?], там возможно находится хорошая медная руда. Также между Комарова [Кемерово] и деревней Красная, на левой стороне реки, должно быть находится каменный уголь».

Эта дневниковая запись является одновременно и первым упоминанием населенного пункта под названием Кемерово, и первым свидетельством наличия на территории Кузбасса каменного угля.

*Горелая гора
с прокаленным
до красноты
камнем
и угольными
проявлениями
знаменитого
Волковского пласта*

Летом того же года отряд Д. Г. Мессершмидта на трех стругах отправился вверх по течению Томи до Кузнецка. Здесь 10 августа 1721 года в устье реки Абашева ученый-естествоиспытатель обнаружил «огнедышашую гору» (тлеющий пласт угля) и взял образцы «горючего камня». Специалист сразу и безошибочно определил, что найденный минерал — каменный уголь, свойства которого были ему хорошо известны еще со времен работы в Германии.

Продвигаясь на восток, экспедиция Д. Г. Мессершмидта открыла еще одно угольное месторождение — на реке Нижняя Тунгуска. По мнению исследователя, «при желании здесь можно было бы устроить шахты и добывать каменный уголь».

Что же получается? Даниэль Мессершмидт письменно зафиксировал наличие угля в Кузнецком бассейне дважды — в апреле и августе 1721 года. Причем в двух разных местах. А Михайло Волков датировал свою кемеровскую находку только 11 сентября того же года. Кроме того, Берг-коллегия определила, что «волковские» образцы являются каменным углем, лишь весной 1722 года.

Так кто же из них был первооткрывателем?

До поры до времени никто в России не сомневался в том, кому принадлежит пальма первенства. Всё и так было ясно, и каких-либо дополнительных доказательств не требовалось. Весь научный мир признал старшинство Д. Г. Мессершмидта, его причастность к открытию кузнецкого угля, после того как в 1745 году

великий российский ученый Михаил Васильевич Ломоносов заявил: «Серая земля, наподобие каменного угля, или лучше сказать: смуроватая глина; найдена при устье реки Абашовы, которым впала в Тому; за Мессершмидтовым клеймом».

Гениальный ученый знал, о чем говорит. Он являлся не только именитым академиком и редактором «Минерального каталога», в котором и оставил запись о «мессершмидтовом клейме», но, и это очень важно, М. В. Ломоносов являлся современником петровских первопроходцев. Все великие открытия в области естествознания происходили на его глазах. Профессионально занимаясь минералогией и историей, он фиксировал каждое сообщение о новых месторождениях полезных ископаемых. Поэтому нет никаких сомнений в том, что если бы имя сибирского рудознатца было на слуху, то ученый указал бы на причастность М. Волкова к открытию кузбасского угля. Но М. В. Ломоносов, как и подобает настоящему ученому, был беспристрастен.

Можно, конечно, предположить, что основоположник российской минералогии, просто ничего не знал об открытии М. Волкова. Но если это так, то придется признать, что и основоположник советской космонавтики С. П. Королев ничего не слышал о полете Ю. А. Гагарина в космос.

Совершенно очевидно также и то, что если бы Берг-коллегия не согласилась с мнением М. В. Ломоносова, то она поправила бы корифея российской науки. Ведь именно это горное ведомство занималось учетом сведений, полученных от своих «доносителей», в том числе и М. Волкова. Но Берг-коллегия, являясь, по сути, «сотрудником М. В. Ломоносова», промолчала и никаких возражений не высказала, хотя имела к составлению «Минерального каталога» самое прямое отношение.

Любопытно также и то, что М. В. Ломоносов, который презирал высокомерие и «недоброхотство ученых иноземцев к русскому юношеству», все-таки признал первенство за немецким исследователем, а не за сибирским рудознатцем.

Советские ученые, по крайней мере, до 40-х годов прошлого века, тоже считали, что именно с экспедиции Г. Д. Мессершмидта и его спутника фон Страленберга началось изучение угольных месторождений Кузнецкого бассейна. Во всяком случае, так они написали в много-

томном справочнике «Геология СССР», который был издан в 1940 году:

«Угли Кузнецкого бассейна как полезное ископаемое известны местному населению очень давно. Первые же литературные сведения о нем относятся к первой половине XVIII столетия. Уже в 1720 г., по распоряжению Петра I, выехал в Сибирь для всестороннего его изучения доктор Медицины Д. Г. Мессершмидт. В 1721 г. он совершил путешествие от Томска до Кузнецка по р. Томи и затем через Кузнецкий Алатау в Абаканск. Путешествием этого ученого и его спутника фон-Страленберга положено начало изучению Кузнецкого бассейна».

Свержение Д. Г. Мессершмидта с пьедестала великих первооткрывателей произошло в советской историографии сразу после войны. В конце 40-х годов на страницах газет и журналов вдруг замелькало имя другого исследователя сибирских недр — Михайла Волкова. Никаких новых документов, проливающих свет на его поисковую деятельность, вроде бы представлено не было. Но от ломоносовской трактовки сталинские историки неожиданно отказались. Ничтоже сумняшеся они заявили, что первенство М. Волкова — неоспоримо, поскольку рудознатец был человеком русским, а не залетным иностранцем.

Именно тогда, в первые послевоенные годы, в политическом лексиконе властей появились новые понятия: «всестороннее русское превосходство» и «иностранцы — засранцы».

Рифмованное словосочетание ввел в речевой оборот прославленный советский литератор К. Симонов: «У Петра (Петра Первого) были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами... засранцами».

Советской общественности яркая метафора понравилась. Например, в 1950 году, выступая перед руководителями предприятий города Кемерово, председатель Кемеровского отделения Всесоюзного общества по распространению политических знаний кандидат технических наук М. Б. Оречкин заявил: «Только Михайло Волков мог стать первооткрывателем кузнецкого угля, а не какой-то засранец Мессершмидт, который весь Кузбасс обо..ал, заявив, что это он уголь нашел! А на самом деле уголь нашел Волков, который твердо верил в пророческие слова Ломоносова: «Могущество

России будет прирастать Сибирью». (Знал бы оратор, что по поводу Мессершмидта думал сам М. В. Ломоносов!)

На какое-то время в Кемерове личность сибирского рудознатца превратилась в культовую. Ни одно собрание в трудовых коллективах города не обходилось без упоминания «роли М. Волкова в зарождении социалистической угольной промышленности». Судя по партийным отчетам, особо отличилась шахта «Мазуровская», на которой «верные настроения возникли уже в начале августа 1947 года, на месяц раньше, чем на других угольных предприятиях города».

В концертном репертуаре кемеровских школьников появились стихи популярного в те годы кузбасского поэта Алексея Косаря. (Вообще-то местные литераторы называли его «щелкопером», а не поэтом, поскольку А. Косарь в каждом своем произведении упоминал имя И. Сталина, даже если это были лирические стихи о природе.) Вот строки из его стихотворения «Михайло Волков».

*Теперь с полета высокого
Сквозь мрак глухой старины
Следы Михайла Волкова
Отчетливо нам видны.
Века здесь богатства прятали.
Но скрыть от него не смогли.
Он первый среди открывателей
Сокровищ родной земли.
Чтобы недра богатства дали нам.
Мы дружно за дело взялись.
По мудрому плану Сталина
Мечту воплотили в жизнь.*

Было бы наивно полагать, что пламенная любовь кузбассовцев к Михайле Волкову возникла неожиданно и стихийно. Громкие панегирики во славу сибирского рудознатца в аккурат совпали со сталинской кампанией по «борьбе с низкопоклонством и раболепием перед иностранщиной» и с пропагандой «русского научно-технического превосходства».

Советская наука объявила, что Россия — это родина радио, авиации, ракет, велосипедов и практически всех достижений научно-технического прогресса. Именно тогда авторами многих выдающихся открытий в науке и технике вдруг стали российские, а не зарубежные изобретатели. Например, утверждалось,

что пионером воздухоплавания был подьячий Крякутный, а не французы Монгольфье. Радиотелеграф придумал русский физик А.С. Попов, а не итальянец Г. Маркони. Велосипед — уральский крестьянин Артамонов. Советские люди вдруг узнали о том, что первый самолет, который поднялся в воздух, был создан русским изобретателем А.Ф. Можайским, а не американцами, братьями О. и У. Райт. Не осталась в стороне и кемеровская интеллигенция, которая в январе 1948 года на общегородской конференции учителей предложила кандидатуру М. Волкова в качестве первооткрывателя кузнецкого угля.

Имя немецкого специалиста Мессершмидта сталинские ученые отодвинули на второй план. Тем более никаких особых усилий для этого не требовалось. Для советских людей, переживших военное лихолетье, фамилия «Мессершмидт» означала только одно — название немецкого военного самолета-истребителя. У «мессеров» была репутация «коварных воздушных убийц». В народе их называли «черная смерть».

Совершенно очевидно, что в послевоенное время имя Даниэля Готлиба Мессершмидта никак не могло стоять в одном ряду с выдающимися российскими учеными. И по самой простой причине: однофамилец ученого-естествоиспытателя был фашистом.

Чтобы читателю было до конца понятно, почему историки предпочли поставить М. Волкова на первое место, достаточно нарисовать в воображении такую картину.

Представьте первые послевоенные годы. Урок истории в кемеровской школе. Преподаватель просит учеников записать в тетрадках: «Первооткрывателем угля на территории Кузбасса является Мессершмидт». Как вы думаете, дети-сироты поняли бы учителя?

По моему глубокому убеждению, замена имени немецкого исследователя на имя русского «доносителя о рудах» произошла отнюдь не потому, что появились какие-то новые документы, опровергающие точку зрения М.В. Ломоносова, а исключительно из идеологических соображений. Ведь история — это, в общем-то, наука, которая занимается интерпретацией фактов. И довольно часто — мифотворчеством. В случае с сибирским рудознатцем так и получилось: подобострастные историки придумали красивый и патриотичный миф об исключительной роли сына русского народа в научном открытии.

Справедливости ради замечу, что с недавних пор имя Д.Г. Мессершмидта опять замелькало в материалах местных краеведов, поскольку в постперестроечное время власти разрешили людям высказывать альтернативные точки зрения по поводу прошлого.

В конце 90-х годов двое блистательных кузбасских ученых — кандидат исторических наук И.Ю. Усков и доктор исторических наук И.В. Ковтун затеяли острую дискуссию вокруг претендентов на соискание звания «крестного отца кузбасского угля»: И.Ю. Усков доказывал, что первооткрывателем кузнецкого угля был русский мужик, И.В. Ковтун — что таким являлся немецкий ученый.

Как известно, всякая новая власть переписывает историю под себя. Некоторое время многие люди соглашались с мнением И.В. Ковтуна. То есть признавали первенство за Д.Г. Мессершмидтом. Сегодня же большинство кузбассовцев на стороне И.Ю. Ускова. То есть за М. Волкова.

Безусловно, оба легендарных исследователя земли Кузнецкой достойны нашего глубочайшего уважения и почтения. Но лично мне близка точка зрения кемеровского горного инженера Н.В. Мамонтова, который еще в 1912 году сказал: «Что такое открытие? Вряд ли термин применим к углю, который выходил на поверхность и своим внешним видом очень резко отличался от других пород».

Водрузив на пьедестал М. Волкова, в прямом и переносном смысле (в 1968 году власти Кемерова установили памятник в его честь), историки задумались: а каких кровей он был, откуда родом и каково его социальное происхождение?

Поначалу преобладала версия о некоем крестьянине М. Волкове, который бежал в Сибирь из Переяславль-Рязанской провинции. Эта информация основывалась на жалобе помещицы Феклы Селивановой, заявившей в 1724 году о том, что ее крепостной самовольно «вел разведки» минералов.

Параллельно с этим предположением авторитетные кемеровские историки, и прежде всего доктор исторических наук З.Г. Карпенко, ссылаясь на другие источники, утверждали, что Михайло Волков — сын казака из Тобольска.

Местные идеологи оказались в сложной ситуации. Они решительно не знали, кого им выбрать: беглого холопа или вольного казака?

Самыми находчивыми оказались кемеровские писатели. Не мудрствуя лукаво, в редакционной статье альманаха «Сталинский Кузбасс» они заявили: Михайло Волков был одновременно и казачьим сыном, и крепостным крестьянином.

Совсем недавно появилась еще одна необычная, если не сказать экстравагантная, гипотеза. Томский краевед В.Г. Волков, изучив в архивах собственную родословную, выяснил, что является потомком легендарного рудознатца в 12-м поколении. Исследователь пришел к выводу, что его предок Михайло Волков действительно был родом из Тобольского уезда,

но не сыном казака, а пашенного крестьянина.

Существуют и другие невероятные версии относительно личности рудознатца: «гулящий», то есть бродяга, «разбойник с большой дороги» и даже боярский сын.

Однако сегодня большинство ученых сходятся в одном мнении: Михайло Волков был родом из тобольских казаков. То есть человеком вольным, а не беглым крепостным или пашенным крестьянином.

Если попытаться составить нечто вроде анкеты М. Волкова, исходя из известных фактов и допустимых предположений, то она будет выглядеть так.

ФИО: Волков Михайло (отчество — возможно, Михайлович).

ГОД РОЖДЕНИЯ: 1680 (предположительно).

Если принять во внимание тот факт, что М. Волков занимался рудным промыслом уже в 1717 году, можно допустить, что он родился не позже 1700 года и вряд ли раньше 1670. В то время мужчина в возрасте 40-45 лет считался уже человеком преклонных лет. Рыскать по таежным и степным далям старикам было не под силу.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Тобольск или Тобольский уезд.

РОСТ: вероятно, 165-170 см.

В начале XVIII века средний рост мужчин — 165 см, женщин — 150 см. Такие данные ученые получили в результате обмера одежды Петровской эпохи.

ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ: крепыш.

Как известно, форма тела во многом зависит от физических нагрузок. Например, гребцы всегда имеют развитые плечи, сильные руки. Марафонцы — поджарые, выносливые. Жокеи — щуплые, легковесные и т.п. Лично я не могу представить себе таежного охотника с гипертрофированной мощностью зада и шарообразной фигурой.

ЛИЦО: без особых примет.

Поскольку практически все мужчины имели бороды, то были похожи друг на друга.

СОСЛОВИЕ: из казачьего рода.

ЧИН: доноситель о рудах (разведчик, занимающийся поиском полезных ископаемых).

ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ: пушной и рудный промыслы.

ОБРАЗОВАНИЕ: неграмотный.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: женат.

По версии томского потомка рудознатца, М. Волков имел несколько сыновей и дочерей. Однако мне трудно представить вечного скитальца в роли хозяина семейного очага и многодетного отца.

ДАТА СМЕРТИ: не раньше 1723 года.

Последнее упоминание о М. Волкове датируется 1723 годом. Известно, что из Томска он перебрался на Урал. Работал на Григоровском руднике, откуда сбежал. Был объявлен в розыск. Никаких других свидетельств о дальнейшей судьбе рудознатца не имеется. Можно только предположить, что, скрываясь от властей, он прожил недолгую жизнь. У беглых людей, как правило, она короткая.

Признав за М. Волковым право называться первооткрывателем угля в Кузбассе, сибирские писатели, журналисты, скульпторы, живописцы, кинорежиссеры стали думать о художественном воплощении образа рудознатца. Но сделать это им было нелегко. Документальных источников — раз-два и обчелся. Писатели и художники времен Петра Великого о каком-то казачьем сыне и слыхом не слыхивали. То есть никаких зацепок для создания образа легендарного героя у современных деятелей искусства не имелось. А коли так, то им ничего не оставалось делать, как фантазировать.

В 1958 году сибирский писатель В. С. Рехлов опубликовал в альманахе «Огни Кузбасса» повесть «Рудознатец». А спустя еще пару лет в Кемеровском книжном издательстве издал «Повесть о Михайле Волкове». Громкого успеха эти произведения не имели. Было несколько доброжелательных откликов читателей, не более. Образ беглого крепостного, ставшего проницательным знатоком подземных руд, публике показался надуманным и скучным. Как заметил новосибирский литературный критик Н. Карлагин, «главное достоинство «Повести о Михайле Волкове» заключается в том, что это было первое художественное произведение об истории открытия каменного угля в Кузбассе. А так-то эту книгу вообще можно не читать».

Как и полагается, самыми неумными придумщиками оказались кинематографисты. В 1985 году на экраны страны вышел цветной приключенческий фильм «Тайна Золотой горы» (Свердловская киностудия), в котором рассказывалось об открытии Михайлой Волковым «земляного угля». Главный герой фильма предстал перед зрителями в виде доброго молодца — русоволосый, голубоглазый, с аккуратной окладистой бородкой (похож на главного героя другого фильма — «Садко»).

Сюжет таков. По распоряжению Бергколлегии Михайло, вместе с артелью бродяг-старателей и немецким ученым-геологом

Нагелем (намек на Д. Г. Мессершмидта), был направлен в Сибирь на поиск золота. В пути на рудознатцев напали разбойники и отняли у Нагеля карту, на которой тот отмечал рудные месторождения. В кровавой схватке с грабителями погибли несколько артельщиков. Но Михайле все-таки удалось обезоружить разбойников и вернуть карту немцу. Заполучив чертеж, напуганный иностранец тут же удрал в Германию. Однако у русского удалца была феноменальная память, и он, не умея ни читать, ни писать, держал всю информацию в голове. Познакомившись с шорцами, Волков узнал о таинственной Золотой горе, извергающей огонь. Шаман предупредил юношу: смерть ждет того, кто приблизится к этому месту. Но отважный рудознавец Михайло Волков, несмотря на смертельную опасность, подобрался к «горящим» скалам и нашел там «черное золото».

Вот, собственно говоря, и весь незамысловатый сюжет киносказки. И именно так этот фильм и надо воспринимать — как миф, былинку, легенду, сказание. Исторической достоверности в этой киноленте — ноль, если не считать того, что главного героя фильма звали Михайло Волков. И все же, по моему личному мнению, «Тайна Золотой горы» — очень даже хороший детский фильм, который дает некое, пусть и расплывчатое, представление о легендарном рудознатце.

Вероятно, самые удачные образы М. Волкова, воплощенные в изобразительном искусстве, получились у двух кузбасских мастеров — у художника-графика Германа Захарова и скульптора Георгия Баранова.

«Захаровский» персонаж больше похож на сказочного богатыря. На одной из картин художник нарисовал здорового мужика с ручищами, как у молотобойца. Именно так, по мнению живописца (кстати, бывшего журналиста), должен выглядеть настоящий сибирский первопроходец. Отложив в сторону кайло и прижав к поясу кусок угля, герой произведения задумчиво смотрит в сумрачную даль, точь-в-точь, как Добрыня Никитич на известной картине В. Васнецова.

Самодельный художник создал целую серию портретов рудознатца. Репродукции «захаровских» картин часто использовались в краеведческих изданиях в качестве иллюстраций. Сегодня некоторые искусствоведы называют Г. Захарова не живописцем, а книжным графиче-

ком. Несколько работ кемеровского художника хранятся в фондах музея «Красная Горка»; одна картина выставлена в постоянной экспозиции.

Однако самым удачным, и я бы назвал — хрестоматийным, стал художественный образ, созданный замечательным кузбасским скульптором Г. Барановым.

«Памятник первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову» был установлен в Кемерове в августе 1968 года на одноименной площади и едва ли не сразу превратился в одну из главных достопримечательностей города. В отличие от других известных кемеровских памятников, например, В. Ленину и А. Пушкину, — такие вариации имеются в любом городе нашей страны, — памятник М. Волкову подчеркивал историческую самобытность столицы Кузбасса. По мнению кемеровского архитектора В.Н. Чернявского, «памятник Михайле Волкову сразу объясняет, что история края началась несколько столетий назад, и началась она с открытия угля на берегах Томи. Точно такую же роль играют монумент князю Ю. Долгорукому в Москве или памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске».

Не нужно иметь зрения орла, чтобы увидеть портретное сходство «захаровского» рудознатца с «барановской» скульптурой. Но у одного получился былинный герой, а у другого — «живой» исторический персонаж.

Вот что писала по этому поводу известный кузбасский искусствовед В.А. Откидач: «Рудозналец изображен в рост, держа в руках камень, обнаруженный им на Горелой горе. Памятник решен без ложной патетики, тактично, сдержанно. Найдены масштабные соотношения между фигурой и постаментом, общим размером памятника и площади... Историческая правда образа соединена с идейно-смысловым содержанием монумента».

Едва ли не сразу после открытия памятника изображение скульптуры рудознатца стало неофициальным символом города. Уже тогда кемеровские типографии стали печатать наборы открыток, календари, блокноты с репродукцией памятника.

Сегодня сувенирных изделий с «волковской» атрибутикой значительно больше. В широком ассортименте имеются: брелки, авторучки, магниты, кубки, значки, памятные монеты, кружки, тарелки, ложки, письменные приборы, настенные часы, статуэтки, полотенца, сумки, бейсболки, спортивные майки и трусы, конфе-

ты. (Я видел одного молодого человека, голень которого украшала татуировка с изображением памятника М. Волкову.)

Как-то само собой получилось, что обыкновенная уличная скульптура превратилась в самый выразительный и узнаваемый символ города. В этом смысле Кемерово без монумента рудознатцу все равно, что Париж без Эйфелевой башни.

Дальше — больше. 28 мая 2004 года Кемеровский горсовет принял положение «Об эмблеме города Кемерово». Новый атрибут представлял собой коллаж, составленный из надписи «Кемерово», даты основания — «1918» и изображения памятника (цитирую) «на фоне треугольника, символизирующего угольный террикон». Вообще-то слово «террикон» имеет только одно значение — «отвал пустой породы». Правильнее было бы нарисовать Горелую гору за спиной рудознатца. Но факт есть факт — «скульптурный Волков» на фоне горы отходов стал частью официальной эмблемы Кемерово.

Так или иначе, но художественный образ, созданный Г. Барановым, оказался кемеровчанам настолько достоверным, что они безоговорочно приняли его за реальный. Люди поверили в то, что именно так, а не иначе выглядел легендарный искатель сибирских руд.

Над созданием скульптуры художник работал более 10 лет. Столько же времени ушло на многочисленные согласования, касающиеся выбора места для монумента. Потеряв всякую надежду на то, что власти когда-нибудь все-таки установят памятник и произойдет это при жизни ваятеля, Г. Баранов просто передал свое произведение городу. «Бескорыстно подарил» — как писали тогда газеты. Но художник их умиление не разделял. «Не каждый дурак будет делать огромную работу просто за так», — сетовал он в письме другу, кемеровскому журналисту Ивану Балибалову.

Идея создать памятник знаменитому рудознатцу возникла у начинающего художника-любителя Г. Баранова в конце 40-х годов, то есть как раз тогда, когда в СССР началась кампания «русского научно-технического превосходства». В библиотеке Томского университета ему случайно попала на глаза статья профессора А.А. Зворыкина, в которой утверждалось, что каменный уголь в Кузбассе был открыт русским старателем М. Волковым.

В то время Г. Баранов подрабатывал в кемеровском обществе «Товарищ», занимался лепкой банальных скульптур типа: «Шахтер с отбойным молотком», «Крестьянка с тяпкой», «Девушка с веслом», «Мальчик с горшочком». Это было обычное ремесло, а по сути — халтура. Но Г. Баранову, как и всякому молодому одаренному человеку, хотелось ваять что-нибудь более значимое, необычное, монументальное. Загадочный Михайло Волков представлялся скульптору личностью неординарной и масштабной. Кроме того, Г. Баранов выяснил, что в изобразительном искусстве и в литературе образ великого рудознатца прежде никак не фигурировал.

Задача восполнить этот пробел в искусстве представлялась скульптору невероятно трудной. Надо было создать такой образ, чтобы люди в него поверили. Не всякий авторитетный мастер взялся бы за такую работу. Но самонадеянный художник-самоучка решил, что историческая реконструкция ему по плечу. Ведь он неплохо знал историю, так как во время войны учился в Казахском пединституте, на историко-филологическом факультете.

«Много думал о Волкове, когда начинал над ним работать, — вспоминал Г. Баранов. — Много было вариантов: с лопатой, с кочергой, с ломом (чуть ли не с отбойным молотком), и все было не то. Вы не поверите (это не мистика), но это было так: ночью проснулся весь в поту, соскочил с койки, взял в руки пластилин и до утра вылепил Волкова, как есть сейчас. Я его увидел во сне. Хотите верьте, хотите нет».

Однако прежде чем скульптору приснился «вещий сон», он досконально изучил историю и этнографию конца XVII — начала XVIII веков. Г. Баранов прекрасно понимал, что малейшая неточность в его исторической реконструкции станет предметом для людских насмешек. Он не хотел, чтобы ехидные кемеровчане показывали пальцем на памятник М. Волкову, как на статую «Ленина, одетого в женское пальто».

Для художника был важен каждый элемент облика рудознатца. Например, какую обувь выбрать для героя: лапти или кожаные сапоги? А может, «обуть» его в сибирские чарыки (охотничьи сапоги на мягкой подошве)? А какие должны быть штаны: кожаные (чембары) или холщевые? (Складки у этих материалов выглядят по-разному.) А как показать, что Михайло Волков был родом из казаков?

Каждый художник хорошо знает пропорции человека. Известно, что высота головы взрослого мужчины составляет примерно 12% от длины тела. Вроде небольшая часть по сравнению со всей фигурой, но — архиважная. Г. Баранов, в общем-то, знал, какой тип лица должен быть у персонажа. Он должен быть таким, как у пришельцев с Русского Севера, обосновавшихся на Тобольщине. То есть выглядеть как славянин — с овальным лицом, средним лбом, высокой переносицей и небольшим прямым носом. У героя должны быть длинные волосы, стриженные «под айдар» (кружком). Непременно — окладистая борода, которую сибирские казаки ласково называли «отчеством» и дорожили ею превыше всего.

То, какие эмоции должно выражать лицо рудознатца, также не являлось проблемой для искусного мастера. Внешнее проявление состояния тревоги, задумчивости, сосредоточенности и т.п. у всех людей во все времена одинаково. Никакой исторической реконструкции тут не требовалось. Художнику надо было только подобрать подходящую эмоцию.

Но вот как быть с остальными 88% скульптуры? Г. Баранов понимал, что туловище и ноги, даже чисто математически, — это основная часть композиции. Только с помощью одежды, а не физиономии, можно придать образу историческую достоверность.

Изучив десятки научных работ, старинные рисунки, Г. Баранов выбрал для своего героя следующие предметы одежды:

- казакин (короткий распашной кафтан со стоячей стойкой, без пуговиц);
- армяк (длинный распашной кафтан из домашнего сукна);
- холщевые штаны;
- крестьянскую рубаху до колен;
- кожаный ремень;
- невысокие казацкие кожаные сапоги без каблучков.

Что же касается телосложения, то тут скульптору все было более или менее ясно. «Когда я делал композицию, — писал Г. Баранов, — я прижал уголь к груди крепкими, сильными руками. Тогда не было машин, вертолетов, да и поездов тоже, поэтому кого мы называем землепроходцами — были люди сильные от природы, здоровыми. По тайге, по горам, по долам — и все пешком, а когда и верхом. Поэтому... люди эти были сильными, все выдерживали на своих плечах. Посмотрите, какие у него

сильные руки. Я нарочно засучил рукава, чтоб было их видно».

Г. Баранов прочно, творчески вошел в изучение эпохи Петра Великого, в ее колорит и загорелся исследовательским историческим и художественным поиском.

Многие кемеровские интеллигенты, считающие себя знатоками древнего мира, пытались просвещать художника по части исторических атрибутов. Например, некоторые товарищи по художественному цеху советовали «обуть рудознатца в лапти, чтобы подчеркнуть русское происхождение Волкова и его связь с народом». Сколько Г. Баранов ни доказывал, что лапти — обувка недолговечная (ее хватает на 5-7 дней), что лыковые тапочки совершенно не годятся для походов по непроходимым местам, «лапотники» не унимались. В конце концов Г. Баранов сплел лапти и попросил знакомого художника прогуляться в них по каменистому берегу Томи. Через несколько часов плетеные чуни превратились в мочало.

После этого эксперимента «лапотники» от художника отстали, но появились другие советчики, якобы разбирающиеся в петровских законах, обычаях и нравах. С умным видом они стали поучать скульптора: «Волков не имел бороды и усов, так как в 1699 году царь запретил их ношение. А поскольку рудознатец был на государственной службе, значит, он соблюдал закон и брился».

Переубедить воинствующих невежд было невозможно. Они и слышать не хотели о том, что простолюдинам, живущим вне города, разрешалось не брить бороды. Более того, такое же право имели и горожане, которые платили пошлину за привилегию не бриться, так называемый «бородатый знак».

Известный кемеровский писатель В. Коньков рассказывал мне: «На открытии памятника секретарь по идеологии обкома партии Кузьмина заявила: «Скульптура — неплохая, но не хватает марксистско-ленинского историзма. Не показана причастность Волкова к бесправному и угнетенному народу. Есть и серьезные несоответствия — у настоящего Волкова не было бороды».

Думаю, теперь читателю понятно, почему художник не мог добиться разрешения на установку памятника целых девять лет и в конце концов «бескорыстно подарил» его городу. Оказывается, скульптору не хватило марксистско-ленинского историзма...

«Как я подходил к портрету? — вспоминал Г. Баранов. — Ведь никаких иконографических материалов не было: ни рисунков, ни, тем более, фотографий. Поэтому делал так же, как художники, писатели изображали богов, святых. Ведь они их не видели никогда, а только своим воображением. И люди верили. Да я и сам сейчас стал верить, что он именно был таким».

Сегодня некоторые кемеровчане снисходительно улыбаются, когда речь заходит о подлинности скульптурного образа знаменитого рудознатца. «Никто никогда не знал и не узнает, как он выглядел», — утверждают они. Дескать, все это вымысел, «плод воображения» чудака Г. Баранова.

На мой же взгляд, правильнее было бы сказать не «плод воображения», а «плод просвещения». Скульптор мастерски, на основе точных фактов и допустимых предположений, воспроизвел облик тобольского казачьего сына Михайлы Волкова. Получился не только правдоподобный, но и абсолютно достоверный портрет рудознатца, которого часто называют «крестным отцом кузбасского угля» и «крестным отцом города». Кемеровчанам нравится этот исторический персонаж, и при этом они вовсе не задумываются над тем, где тут миф, а где тут правда...

P.S.

Исторический курьез: памятник тобольскому казачьему сыну Михайле Волкову располагается в Кемерове, а памятник Даниэлю Готлибу Мессершмидту — в городе Ханты-Мансийске бывшей Тобольской губернии.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА Г. КЕМЕРОВО

Центральный район г. Кемерово

После восстановления советской власти в Западной Сибири вновь избранному 27 мая 1920 г. Щегловскому горуездному Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов предстояло решить спорный (между коммунальным отделом горсовета и Обществом граждан бывшего села Усть-Искитимского), болезненный земельный вопрос, установить границы города. Неопределенность территориальных границ г. Щегловска тормозила землеустройство смежных с ним селений. Только в июне 1924 г. Томское губземсовещание приняло и одобрило проект отвода городской черты г. Щегловска (с землями бывшего села Усть-Искитимского). Не желая примириться с наступающими реалиями, сторонники сохранения самостоятельности села начинают судебные тяжбы с городской властью, отмечая в жалобах, что проектом нарушается установленная в 1917 г. при образовании города граница с их хозяйственными отводами. 9 мар-

та 1925 г. определением судебного заседания Томской губернской земельной комиссии окончательно признавался факт образования г. Щегловска путем преобразования («переименования») села Усть-Искитимского. Кроме того, г. Щегловск впервые получил свои законодательно оформленные границы¹. Площадь его земель составила 3163,6 га, в том числе 2759,36 га — удобной и 404,27 га — неудобной².

12 ноября 1928 г. постановлением ВЦИК в состав г. Щегловска были включены: «б. село Кемерово, ст. Кемерово Томской ж. д., Химический завод и поселок при нем, Кемеровский рудник и поселок при нем»³.

В 1929 г. началась практическая работа по

¹ ГАТО, ф. р-181, оп. 1, д. 200, л. 15-18об.; Десять лет // Кузбасс. 1925. 15 марта.

² ГАКО, ф. р-178, оп. 1, д. 49, л. 1.

³ СУ РСФСР. 1928. № 141. Ст. 935; Границы Щегловска расширены // Кузбасс. 1928. 4 дек.

оформлению новой городской черты⁴. Для желающих выселиться из деревни предусматривалась возможность отвода земли (по норме в 2,5 га) по границе межевого надела деревни Боровой. 17 июня землемеру-землеустроителю Мокроусову пришлось прервать полевые работы: общее собрание крестьян деревни Кемеровой (126 человек) избрало комиссию с целью официально выразить руководству окружного земельного отдела свое нежелание быть горожанами. Основным мотивом такого демарша явилась тревога по случаю возможного увеличения налогового бремени. Для разрешения спорных вопросов, а также для разъяснительной работы местной администрации пришлось создать специальную комиссию⁵. Таким образом, окружным и городским властям вновь пришлось столкнуться с ситуацией, когда включаемые в состав города крестьяне выражали свое несогласие.

В 1931 г., после незначительной корректировки, связанной с разработкой планировки Щегловска как Соцгорода, городские границы были утверждены⁶. Общая площадь земель в пределах городской черты на 01.07.1932 г. составила 10 995,65 га, в том числе: застроенные земли — 822,93 га, предназначенные под застройку — 476,20 га, городские угодья — 5769,20 га, земли, изъятые из непосредственного хозяйственного ведения горсовета, — 3927,32 га. По категориям земель городские угодья распределялись следующим образом: плодовые сады и питомники — 200 га, огороды — 225 га, пашня — 2717,94 га, сенокосы — 366,31 га, выгоны — 314,53 га, НС и кустарники — 925,82 га, земли под разработки ископаемых — 5,0 га, неудобные земли — 1212,6 га (итого 5769,2 га). Землепользователями городских угодий являлись: потребкооперация — 160 га, коллективы рабочих и служащих — 43,5 га, госучреждения — 1129,536 га, хозяйства коммунальных органов — 4434,45 га, единоличники — 2,119 га⁷.

В начале 1930-х гг. начался процесс оформления районного деления г. Кемерово.

20 ноября 1932 г. президиум горсовета рассмотрел вопрос об организации районного совета для обслуживания правобережной части города (бывшая деревня Кемерово и Кемеров-

ский рудник)⁸. Инициатива городских властей нашла поддержку со стороны краевых властей. 2 декабря 1932 г. Президиум Западно-Сибирского крайисполкома постановил (№ 4163): «Принимая во внимание, что общее число жителей г. Кемерово превышает 100 тыс., что при отсутствии постоянного моста правобережная часть с каменноугольными шахтами, подсобными предприятиями и населением свыше 30 тыс. отрезана рекой Томью от левобережной части города, — образовать на правом берегу р. Томи районный Совет Кемеровского горсовета со всеми вытекающими законными последствиями»⁹.

Первоначально в решениях горсовета райсовет именовался как правобережный, с 1934 г. — Эйховский (в честь первого секретаря крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе (1890—1940)). В мае 1938 г., после ареста Р. И. Эйхе, горсовет инициирует вопрос о переименовании райсовета в Рудничный Ходатайство горсовета было поддержано Новосибирским облисполкомом и направлено им на утверждение ВЦИК¹⁰. Президиум ВЦИК 17 июня 1938 г. постановил переименовать «Эйховский район города Кемерово в Рудничный район»¹¹. Обращает на себя внимание, что именно в документе высшего республиканского законодательного органа власти произошло смещение акцента понятий — с «райсовета» (орган управления) на «район» (административно-территориальная единица).

20 июня 1934 г. горсовет ходатайствовал перед Запсибкрайисполкомом об организации поселкового Совета на правобережной Химплощадке¹², находящейся за городской чертой (строительство комбината шло на месте бывшей деревни Евсеевой). Результатом данной инициативы местных властей стало постановление Президиума ВЦИК (1935) о присвоении рабочему поселку названия Строитель. Однако ранее этого, 5 декабря 1934 г., горсовет присваивает поселку имя «погибшего секретаря ЦК и Ленинградского обкома и члена ВЦИК тов. Кирова»¹³. Поэтому вместо числящегося поселка Строитель с середины 1930-х годов действовал Кировский райсовет.

В связи с бурным развитием промышленно-

4 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 74, л. 142-143; д. 148, л. 25; Утверждены новые границы города // Кузбасс. 1929. 24 мая.

5 ГАКО, ф. р-178, оп. 1, д. 49, л. 26-36.

6 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 212, л. 163об.; Щегловск — социалистический город // Кузбасс. 1930. 25 апр.

7 ГАКО, ф. р-1, оп. 1, д. 30, л. 116об.

8 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 353, л. 280.

9 ГАНО, ф. р-47, оп. 1, д. 1585, л. 22.

10 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 855, л. 174об.; ГАНО, ф. 1020, оп. 2, д. 12, л. 276.

11 Архивная справка ГА РФ № 7778-Т от 11.02.2014.

12 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 475, л. 177.

13 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 476, л. 259.

сти вопрос о расширении городской черты неоднократно поднимался на заседаниях горсовета¹⁴. 19 декабря 1939 г. горсовет принимает решение о расширении городской черты за счет территорий Кировского райсовета, горных отводов и селитебной части шахт «Северная», «Пионер», участков совхозов «Металлплощадка», «Забойщик» и других организаций¹⁵. 11 сентября 1940 г. данное решение было поддержано Новосибирским облисполкомом, отправившим ходатайство в республиканский орган власти¹⁶. 27 января 1941 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил включение в городскую черту г. Кемерово территории р. п. «Строитель» с земельной площадью 4187 га, шахты «Северная» — 1476 га, шахты «Октябренок» — 200 га, южного участка — 555 га, нефтебазы — 25 га и леса местного значения — 18 га. Кемеровскому горсовету был административно подчинен рабочий поселок Пионер Кемеровского района. Включение в черту города земель пригородных совхозов «Забойщик», «Металлплощадка» и теплично-парникового совхоза признано нецелесообразным¹⁷. Общая площадь земель в пределах городской черты составила 17 864 га¹⁸.

В сентябре 1940 г. президиум горсовета признал необходимым организацию двух новых райсоветов в левобережной части г. Кемерово: Промышленного (объединяющего западную территорию от кирзаводов до Щетинкина лога, Вокзальный, Лермонтова и городской ветки)

и Центрального (включающего Притомский, Приискимитимский и Заискимитимский районы)¹⁹. Указом Президиума ВС РСФСР от 15 марта 1941 г. был образован Центральный район г. Кемерово «за счет территории города, не входящей в состав районов и непосредственно подчиненной городским организациям»²⁰.

Решением президиума горсовета от 26 декабря 1940 г. граница между Кировским и Рудничным районами была установлена по речке Крутой (Кемеровский лог) и линией ж. д., проходящей на шахту «Центральная» (таким образом, территория бывшей деревни Кемерово передана в административное подчинение Кировскому райисполкому)²¹. 14 февраля 1944 г. президиум горсовета в связи с «целесообразностью присоединения к Кировскому району территории в развилке железных дорог на шахту «Центральная» и на Барзас, на которой проходит строительство завода № 13 и жилищного поселка № 319», утвердил новую границу между районами. Измененная граница устанавливалась по следующему направлению: от правого берега реки Томи по естественному руслу притока ее, т.н. реке Крутой, вверх по ее течению до места примыкания железной дороги на Барзас к углу границы земельного участка совхоза «Забойщик». Территория, расположенная к востоку от указанной границы, закреплялась за Рудничным районом, а к западу включалась в состав Кировского района²².

Указом Президиума ВС РСФСР от 26 марта 1945 г. образован Заводской район за счет

14 ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 549, л. 192-193; д. 773, л. 146об.; д. 855, л. 142об.; д. 871, л. 183-184.

15 ГАКО, ф. р-18, оп. 5, д. 6, л. 253-254.

16 ГАНО, ф. 1020, оп. 2, д. 70, л. 117-118.

17 Архивная справка Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) № 64-т от 28.02.2001 г.; ГАКО, ф. р-18, оп. 1, д. 900, л. 9-10.

18 ГАКО, ф. р-6, оп. 4, д. 8, л. 3.

19 ГАКО, ф. р-18, оп. 5, д. 9, л. 62.

20 Кузбасс. 1941. 21 марта.

21 ГАКО, ф. р-18, оп. 5, д. 9, л. 315; ф. р-469, оп. 1, д. 2, л. 116; д. 3, л. 4.

22 ГАКО, ф. р-18, оп. 5, д. 19, л. 79.

разукрупнения Центрального района²³. Граница между двумя левобережными районами была утверждена на заседании президиума горсовета 13 июля 1945 г.: «От реки Томь по западной границе промышленной территории ГРЭС до Вокзальной улицы, по восточной стороне Вокзальной улицы до улицы Профсоюзной, по восточной стороне улицы Профсоюзной до ж/д ветки, идущей на хлебозавод и далее вдоль западной границы полосы отчуждения этой ветки до промплощадки Кузбассестроя, далее по восточной границе промплощадки Кузбассестроя до складов «Союзплодоовощ», от склада «Союзплодоовощ» до столба № 39 аэродрома и далее по юго-восточной границе аэродрома до столба аэродрома № 36 с продолжением на столб № 30 границы подсобного хозяйства Коксохимзавода с выходом от последнего по прямой на столб № 31 окружной границы горчерты г. Кемерово». Территория к западу от указанной границы включалась в Заводской район, к востоку — в Центральный район²⁴.

В 1946, 1947, 1950, 1954 гг. горисполком инициировал (с просьбой к облисполкому поддержать и выступить с ходатайством перед Президиумом ВС РСФСР) процесс расширения городской черты²⁵.

Развитие угольной промышленности в регионе способствовало преобразованию в рабочие поселки с подчинением Кемеровскому горсовету: в марте 1950 г. — поселков Ягуновский и Боровой (с включением в черту рабочего поселка железнодорожного разъезда Крутой)²⁶, в 1956 г. — Большой Промышленки (с присвоением наименования — Промышленновский)²⁷, в декабре 1957 г. — деревни Кедровки²⁸.

Решением горисполкома от 26 июня 1958 г. пересматривалась граница между Заводским и Центральным районами г. Кемерово: «От реки Томь по западной границе промышленной территории ГРЭС до Вокзальной улицы, по восточной стороне Вокзальной улицы до Красноармейской, от улицы Вокзальной по южной стороне улицы Красноармейской до городской железнодорожной ветки и от улицы Красноармейской по городской железнодорожной ветке

в пределах городской черты города Кемерово». Территория к западу от указанной границы составила Заводской район, к востоку — Центральный район²⁹.

Решениями облисполкома: № 47 от 20 января 1961 г. поселковые советы Боровой, Кедровка, Пионер, Промышленновский и Ягуновский переданы в административное подчинение Рудничному райсовету; № 377 от 15 мая 1962 г. деревня Сухово Березовского сельсовета — в подчинение Центральному райсовету г. Кемерово³⁰.

30 августа 1962 г. указом Президиума ВС РСФСР р. п. Пионер включен в городскую черту г. Кемерово (в состав Заводского района)³¹.

Распоряжением Совета Министров РСФСР от 7 сентября 1962 г. № 4130-р Кемеровскому горисполкому для расширения территории города отводился земельный участок площадью 204,4 га из земель совхоза «Забойщик» Министерства производства и заготовок с/х продуктов РСФСР — земель, занятых под селом Красный Яр³². В соответствии с данным распоряжением решением облисполкома от 1 ноября 1962 г. № 780 был упразднен Красноярский сельсовет Кемеровского района, н. п. Красный Яр передан в административное подчинение Кемеровскому горисполкому³³.

Решением облисполкома (сельского и промышленного) от 27 мая — 4 июня 1963 г. № 204/271 н.п. Куро-Искитим Ягуновского с/с и Улус-Мозжуха Мозжухинского с/с переданы в административное подчинение горсовету; поселки Андреевского сельсовета: Уклонка — Боровскому поссовету, Петровка — Промышленновскому поссовету; деревня Сухова из административного подчинения Центрального райсовета перешла в состав Березовского сельсовета³⁴.

Решением облисполкома (сельского) от 28 июня 1964 г. № 302 земли, занятые деревней Куро-Искитим, общей площадью 181 га, были включены в городскую черту (с просьбой в Совет Министров РСФСР утвердить)³⁵.

Решением от 5 октября 1970 г. № 431 об-

23 Архивная справка ГА РФ № 64-т от 28.02.2001 г.

24 ГАКО, ф. п-18, оп. 5, д. 22, л. 27.

25 ГАКО, ф. п-18, оп. 5, д. 24, л. 91; д. 26, л. 208; д. 41, л. 373; оп. 6, д. 27, л. 88-89.

26 ГАКО, ф. п-790, оп. 1, д. 336, л. 9.

27 Ведомости ВС СССР. 1956. № 10. С. 256.

28 ГАКО, ф. п-790, оп. 1, д. 776, л. 154.

29 ГАКО, ф. п-18, оп. 6, д. 58, л. 359-360.

30 ГАКО, ф. п-790, оп. 4, д. 46, л. 8; д. 50, л. 1.

31 Ведомости ВС РСФСР. 1962. № 35. Ст. 536; ГАКО, ф. п-18, оп. 6, д. 126, л. 315.

32 ГА РФ, ф. А-259, оп. 1, д. 1745, л. 42-45; ГАКО, ф. п-790, оп. 18, д. 294, л. 44-46.

33 ГАКО, ф. п-790, оп. 4, д. 51, л. 15.

34 ГАКО, ф. п-790, оп. 4, д. 60, л. 70-71.

35 ГАКО, ф. п-790, оп. 1а, д. 157, л. 15.

лисполком просил Верховный Совет РСФСР разрешить расширить городскую черту за счет включения прилегающих землепользований общей площадью 830,8 га, в том числе: земли Кемеровского аэропорта площадью 281,3 га, Кемеровского плодпитомнического совхоза — 380,0 га, ремонтно-строительного участка «Зеленстрой» — 99,0 га, Кемеровского районного объединения «Сельхозтехника» с поселком РТС — 50,0 га, полосы отвода автодороги Кемерово — Ленинск-Кузнецкий — 19,5 га, станции технического обслуживания автомобилей Кемеровского транспортного управления — 1,0 га³⁶.

Утверждение республиканскими органами власти последних двух решений облисполкома не выявлено³⁷, однако de facto общая площадь земель в пределах городской черты (в том числе за счет включения в нее деревни Куро-Искитим и поселка РТС) увеличилась до 18 701 га³⁸.

В декабре 1971 г. граница между Заводским и Центральным районами была изменена: в состав Заводского района вошел поселок Южный и новостройки города восточнее ул. Терешковой³⁹.

Указом Президиума ВС РСФСР от 5 апреля 1978 г. образован Ленинский район за счет части территории Заводского и Центрального районов⁴⁰.

В связи с образованием нового района горисполком решением № 147 от 10 мая 1978 г. устанавливает границы между тремя левобережными районами:

«Заводский район. С севера — по левому берегу р. Томи от ул. П. Лумумбы до западной границы городской черты; с запада и юга — по городской черте до объездной дороги в аэропорт; с востока — по объездной дороге в аэропорт до пересечения с железнодорожной веткой, до пересечения с ул. Космической, по ул. Космической до левого берега р. Искитимки, по левому берегу р. Искитимки до пр. Ленина, по пр. Ленина до пересечения с пр. Кузнецким, по пр. Кузнецкому до пересечения с ул. Красноармейской, по ул. Красноармейской до пересечения с ул. П. Лумумбы, по ул. П. Лумумбы до левого берега р. Томи.

Центральный район. С севера — по левому берегу р. Томи от ул. Терешковой до ул. П. Лумумбы; с запада — по ул. П. Лумумбы до пересечения с ул. Красноармейской, по ул. Красноармейской до пересечения с пр. Кузнецким, по пр. Кузнецкому до пересечения с пр. Ленина; с юга — по пр. Ленина до левого берега р. Искитимки, по левому берегу р. Искитимки до ул. Космической, по ул. Космической до железнодорожной ветки, по железнодорожной ветке до пересечения с ул. Тухачевского; с востока — по ул. Тухачевского до ул. Гагарина, по ул. Ю. Гагарина до ул. Парковой, по ул. Парковой, по Центральному проезду до ул. Бульварной, по ул. Бульварной до ул. В. Терешковой, по ул. В. Терешковой до левого берега р. Томи.

Ленинский район. С севера — от городской черты по левому берегу р. Томи до ул. Терешковой; с запада — по ул. Терешковой до пересечения с ул. Бульварной, по ул. Бульварной до Центрального проезда, по Центральному проезду до пр. Ленина, от пр. Ленина до ул. Парковой, по ул. Парковой до пересечения с ул. Гагарина, от ул. Гагарина до ул. Тухачевского, по ул. Тухачевского до городской черты; с юго-востока — по городской черте до левого берега р. Томи»⁴¹.

Указом Президиума ВС РСФСР от 28 апреля 1982 г. территория бывшего р. п. Пионер исключена из состава г. Кемерово⁴². Решением облисполкома от 29 апреля 1982 г. № 196 зарегистрирован как самостоятельный населенный пункт поселок Пионер, который был отнесен к категории рабочих поселков; поссовет (территория 1090 га) передан в административное подчинение Заводскому райсовету г. Кемерово⁴³. Решением облисполкома от 28 февраля 1983 г. № 62 в поселковую черту включена деревня Давыдово⁴⁴. Решением облисполкома № 74 от 16 марта 1987 г. р.п. Пионер с н.п. Давыдово переданы в административное подчинение Рудничному райсовету г. Кемерово⁴⁵.

18 декабря 1986 г. горисполком изменил границы левобережных районов: «Заводской — от ул. П. Лумумбы по левому берегу реки Томи до западной границы городской черты; по городской черте до дороги в аэропорт, по ул. Тухачевского до ул. Сибиряков-Гвардейцев, по ул.

36 ГАКО, ф. р-790, оп. 4, д. 171, л. 117.

37 Архивная справка ГА РФ от 11.02.2014 г. № 7778-Т.

38 Кемерово. Туристическая схема. М.: ГУТК, 1979; Кемерово 80 лет (юбилейный сборник). Кемерово, 1998. С. 8.

39 Границы двух районов изменены // Кузбасс. 1971. 29 дек.

40 Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 16. Ст. 420.

41 МУ «Городской архив» г. Кемерово, ф. 1, оп. 1, д. 579, л. 198-200.

42 Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 18. Ст. 540.

43 ГАКО, ф. р-790, оп. 4, д. 315, л. 58.

44 ГАКО, ф. р-790, оп. 4, д. 422, л. 22.

45 ГАКО, ф. р-790, оп. 4, д. 456, л. 21.

Сибиряков-Гвардейцев до ул. Тимирязева, по ул. Тимирязева до пр. Ленина, по пр. Ленина до пр. Кузнецкого, по пр. Кузнецкому до ул. Красноармейской, по ул. Красноармейской до ул. П. Лумумбы, по ул. П. Лумумбы до левого берега р. Томи.

Ленинский — от городской черты по левому берегу р. Томи до ул. Волгоградской, по ул. Волгоградской до ул. Сибиряков-Гвардейцев, по ул. Сибиряков-Гвардейцев до ул. Тухачевского, по ул. Тухачевского до городской черты, по городской черте до левого берега р. Томи.

Центральный — от ул. Волгоградской по левому берегу р. Томи до ул. П. Лумумбы, по ул. П. Лумумбы до ул. Красноармейской, по ул. Красноармейской до пр. Кузнецкого, по пр. Кузнецкому до пр. Ленина, по пр. Ленина до ул. Тимирязева, по ул. Тимирязева до ул. Сибиряков-Гвардейцев, по ул. Сибиряков-Гвардейцев до ул. Волгоградской и по ул. Волгоградской до левого берега реки Томи»⁴⁶.

Решениями облисполкома исключены из учетных данных: № 74 от 16 марта 1987 г. — поселок Уклонка Боровского поссовета, № 77 от 14 марта 1988 г. — поселок Старая Кедровка Кедровского поссовета и деревня Давыдово Пионерского поссовета⁴⁷. Решением облисполкома от 6 февраля 1991 г. № 35 передан в административное подчинение Кедровскому поссовету поселок Пионерский Андреевского сельсовета⁴⁸.

Решением областного Совета народных депутатов от 26 мая 1992 г. № 83 Кедровский, Пионерский, Промышленновский и Ягуновский поссоветы переданы в административное подчинение горсовету⁴⁹.

Распоряжением администрации Кемеровского района от 9 августа 1994 г. № 548-р деревня Комиссарово передана в административное подчинение г. Кемерово⁵⁰.

Распоряжением Администрации Кемеровской области от 8 февраля 1996 г. № 79-р утверждена новая городская черта города. Общая площадь земель, находящихся в городской черте, составила 28 230 га, в том числе вновь включенные земли составили 10 619 га, из них: 1. Земли администрации р.п. Кедровка — 1158 га; 2. Земли администрации р.п. Ягуновский — 885 га; 3. Земли администрации р.п. Пионер — 1719 га; 4. Земли администрации р.п. Боровой — 942 га; 5. Земли администрации р.п. Промышленновский — 1094 га; 6. Земли администраций Заводского и Рудничного районов (сенокосы, пастбища) — 431 га; 7. Земли сельхозпредприятий (ОА «Кемеровский», ГСП «Городской», свх. «Тепличный», ГСП «Ягуновский», свх.-техн. «Кемеровский») — 1573 га; 8. Земли промышленных предприятий, жилая застройка города и прочие землепользователи — 2817 га.

Баланс земель города на 1 марта 1996 г. составил: всего — 28 230 га, в т.ч. с/х угодий — 4635 га, земли жилой общественной застройки — 8527 га, земли промышленности, транспорта, коммунально-складской застройки — 6641 га, земли общего пользования — 2570 га, водные пространства — 821 га, земли, занятые лесами, — 814 га, прочие земли (специальные зоны, аэродром, нарушенные земли, свободные территории) — 4222 га⁵¹.

Городская черта города утверждена 9 декабря 1997 г. областным законом № 43-ОЗ «Об установлении городской черты г. Кемерово»:

«На севере: от точки пересечения восточ-

⁴⁶ Кузбасс. 1987. 14 янв.

⁴⁷ ГАКО, ф. р-790, оп. 4, д. 456, л. 21; д. 482, л. 7.

⁴⁸ ГАКО, ф. р-790, оп. 1а, д. 1691, л. 39.

⁴⁹ ГАКО, ф. р-790, оп. 16, л. 1.

⁵⁰ Архивный отдел Администрации Кемеровского района, ф. 17, оп. 1, д. 39, л. 144.

⁵¹ Кемерово. 1996. № 12 (22 марта).

ной границы ГСП «Звездный» с южной границей КСП «Щегловский» на левом берегу р. Томи, через р. Томь, по южной границе КСП «Щегловский», южной границе ГСП «Забойщик», северной границе Кировского района, южной границе р. п. Боровой, восточной стороне местной автомобильной дороги на нефтебазу, южной, западной и северной границам р. п. Боровой, р. п. Кедровка, р. п. Промышленновский, северной и восточной границе отвода промзоны Петровской ТЭЦ;

на востоке: по западной границе АО «Андреевское», вниз по течению р. Камышенки, северной и восточной границам межхозяйственного лесхоза «Кемеровский»;

на юге: через р. Томь по восточной стороне пр. Комсомольского, по восточной стороне гаражного кооператива «Северный-3», по северной границе кооператива «Комсомольский», вдоль ручья, по южной границе пр. Ленина, вдоль пр. Ленинградского с включением площадок, занятых автостоянкой, установленных металлических гаражей, управления механизации ПС «Домостроитель», затем по северной стороне пр. Химиков до пр. Комсомольского, с включением полосы установленных металлических гаражей, до подъездной дороги к подстанции «Восточная» по границе погребов, далее по границе кооператива «Аист», по западной и северным границам подстанции «Восточная», по гравийной дороге в д. Сухово по северной границе пашни и по восточной стороне пр. Комсомольского, далее по южной стороне кооперативов «Юг» и «Южный» до восточной стороны бульвара Строителей (границы вышеперечисленных кооперативов и площадки, занятые металлическими гаражами и погребями, взяты из материалов инвентаризации 1994 г.). Вдоль северной границы тепличного комбината, по восточной стороне ул. Волгоградской, по южной стороне 62-го Проезда, по восточной стороне автомобильной дороги г. Кемерово — г. Ленинск-Кузнецкий, южной, западной и северной границам аэропорта, северной границе ГСП «Городской», вниз по течению р. М. Винокурка, вниз по течению р. Куро-Искитимка, северной стороне местной автомобильной дороги, восточной границе автомобильной дороги г. Кемерово — р. п. Промышленная, южной границы расширения жилой застройки р. п. Ягуновский в соответствии с проектом детальной планировки ПИ «Кемеровогорпроект», восточной границе садоводческих товариществ, восточной и южной границам горного отвода шахты «Ягуновская»;

на западе: по западной границе горного отвода шахты «Ягуновская», западной границе садоводческих товариществ, южной и западной границам р. п. Пионер, южной границе полосы отвода железной дороги г. Кемерово — г. Топки, через железную дорогу, западной границе автомобильной дороги ЖБК — п. Пригородный, западной границе ПО «Азот», западной и северной границам городских очистных сооружений, южной границе отстойников ПО «Азот», западной и северной границам д. Мозжуха, восточной границе ГСП «Звездный» до точки пересечения с южной границей КСП «Щегловский» на левом берегу р. Томи»⁵².

Областным законом от 8 октября 2004 г. № 64-ОЗ поселки городского типа Боровой, Кедровка, Пионер, Промышленновский и Ягуновский были исключены из административно-территориального устройства Кемеровской области⁵³. В развитие данного закона Кемеровский горсовет 29 октября 2004 г. принимает постановление о наименовании территориями жилых районов территории бывших поселков Кедровка, Промышленновский, Пионер, Ягуновский⁵⁴.

Законом Кемеровской области от 17 декабря 2004 г. № 104-ОЗ «О статусе и границах муниципальных образований» Кемерово был наделен статусом городского округа и утверждено картографическое описание его границ⁵⁵.

Областным законом от 2 июля 2008 г. № 54-ОЗ в городскую черту были включены земли Андреевской сельской территории (16 153 га), на которых решением горсовета от 22 декабря 2008 г. № 190 образован новый жилой район — Лесная Поляна⁵⁶. Последнее расширение территории за счет присоединения в юго-западной части города земель площадью 24,96 га оформлено областным законом № 79-ОЗ от 9 июля 2012 г.⁵⁷

Таким образом, на 2015 г. г. Кемерово состоит из пяти внутригородских районов (Рудничный, Кировский, Центральный, Заводский, Ленинский) и пяти жилых районов (Кедровка, Промышленновский, Ягуновский, Пионер, Лесная Поляна).

52 Кузбасс. 1997. 17 дек.

53 Кузбасс. 2004. 19 окт.

54 Кемерово. 2004. № 46 (12 нояб.).

55 Кузбасс. 2004. 24 дек.

56 Кемерово. 2008. 26 декабря.

57 Кузбасс. 2012. 17 июля.

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ КУЗНЕЦКОГО ОКРТОРГОТДЕЛА

Краеводам и коллекционерам бумажных денежных знаков известны талоны на право покупки товаров из фонда хлебозаготовок, выпущенные Кузнецким окрторготделом. Они включены в каталог П. Ф. Рябченко, В. И. Бутко «Полный каталог бумажных дензнаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769-2000 гг.)».

Талоны односторонние, размером 70 45 мм. По бокам, кроме расположенных в начале листа, имеют перфорацию. На талоне указано, что он «действителен по всему округу до 1-го апреля 1928 года».

В каталогах и литературе эти денежные знаки отнесены к городу Кузнецку, вошедшему в 1932 году в состав города Новокузнецка. Но в действительности денежные знаки Кузнецкого окружного торгового отдела были выпущены в городе Щегловске (город Кемерово).

Немного истории. Кузнецкий округ являлся административно-территориальной единицей Сибирского края, существовавшего в 1925-1930 годах. Кузнецкий округ был образован Постановлением ВЦИК

9 декабря 1925 года из Кузнецкого и Щегловского уездов Томской губернии. Центром округа был назначен город Ленинск-Кузнецкий, а 14 июня 1926 года центр был перенесен в город Щегловск.

Протокол Кузнецкого окружного торгового заготовительного совещания от 31 декабря

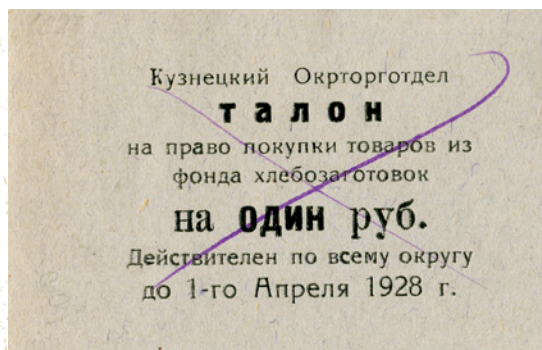
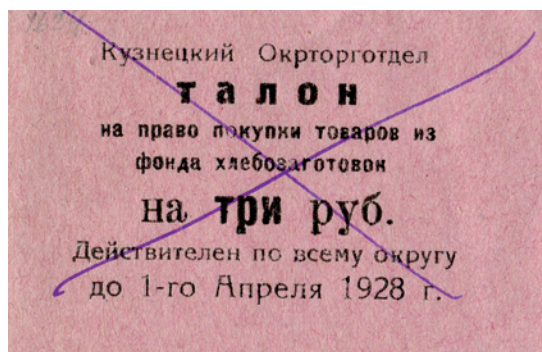
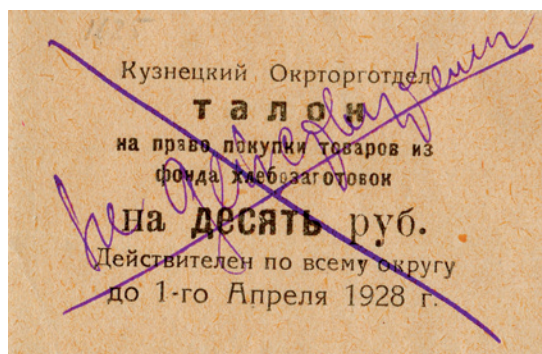
1927 года № 10 послужил основанием для выпуска Кузнецким окружным торговым отделом талонов на право покупки товаров из фонда хлебозаготовок. Выпущенные талоны выдавались крестьянам, сдающим хлебопродукты на государственные заготовительные пункты, а они по этим талонам получали на указанную на них сумму дефицитные товары в Госторге или потребкооперации.

Печатались талоны в местной типографии «Кузбасс» четырех достоинств:

- 1 рубль – синего цвета,
- 3 рубля – розового цвета,
- 5 рублей – желтого цвета
- 10 рублей – оранжевого цвета.

Всего было выпущено талонов на сумму 800 тысяч рублей, причем по номиналам тираж распределялся следующим образом:

- 1 рубль : 10 % – 80 тыс. руб.– 80 тыс. штук,
- 3 рубля : 15 % – 120 тыс. руб.– 40 тыс. штук,
- 5 рублей : 30 % – 240 тыс. руб.– 48 тыс. штук,
- 10 рублей : 45 % – 360 тыс. руб.– 36 тыс. штук.

Срок хождения талонов был ограничен с 23 января по 8 февраля 1928 года. В обращении находились всего 17 дней.

Срок действия на талонах указан до 1 апреля 1928 года, но по постановлению Окрисполкома с 1 февраля они были аннулированы.

Талоны Кузнецкого окрторготдела встречаются довольно редко, чаще всего они перечеркнуты чернилами крест-накрест, иногда с надписью от руки «не действителен».

30 июля 1930 года Кузнецкий округ был упразднен, а его районы вошли в состав Западно-Сибирского края.

Таким образом следует считать, что талоны Кузнецкого окрторготдела были выпущены в обращение в тот период, когда центром Кузнецкого округа был город Щегловск (Кемерово). Печатались они в городе Щегловске, а не в городе Кузнецке (Новокузнецке), как ошибочно считалось ранее.

В настоящее время эти денежные знаки, в силу своей редкости, являются украшением музейных коллекций и частных собраний.

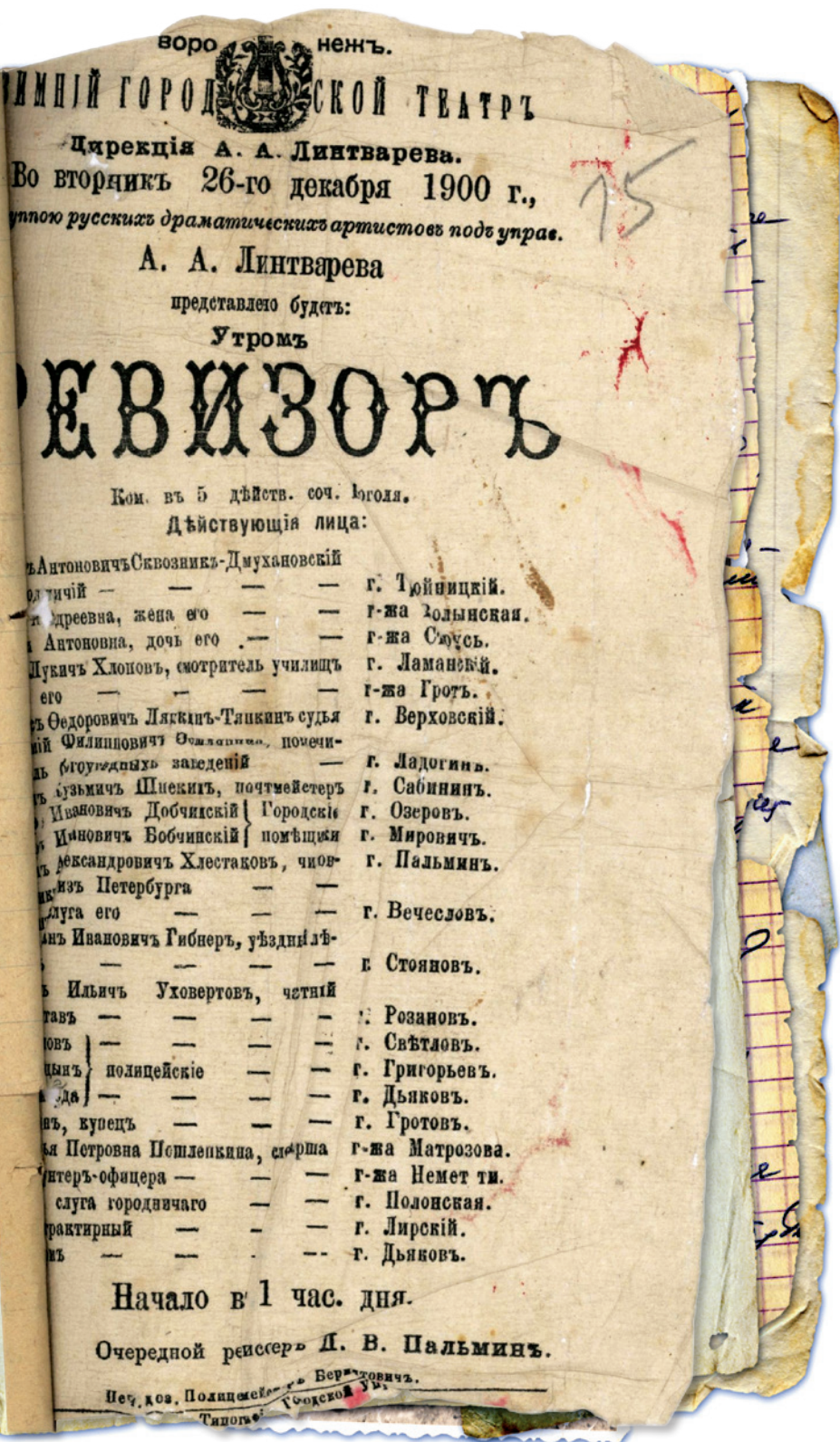

Использованная литература

Астраханцева И. Ф., Дудолодов А. А., Тимошенко М. И. Административно-территориальное деление Сибири. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966.

Рябченко П. Ф., Бутко В. И. Полный каталог бумажных дензнаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769-2000 гг.). – Киев: Логос, 2000. – Т. 1: Боны России.

Храмин. Сообщение бониста // Новосибирский коллекционер: многотираж. стенгазета. – 1931. – № 3-4 (11-12). – 27 апр.

АКТРИСА АННА ЛЮДВИГОВНА СТРУСЬ: ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

В фондах Государственного архива Кемеровской области имеется немало интересных документов, раскрывающих судьбы талантливых артистов, писателей, художников, ученых и других деятелей культуры. Автору этих строк удалось выявить в фондах архива материалы, касающиеся Анны Людвиговны Струсъ – актрисы, которая работала в театрах Кузбасса в 1930–50-е гг. Ее жизненному и творческому пути и посвящена данная статья.

А. Л. Струсь (Иванова) родилась в Москве в сентябре — октябре 1874 г. Ее отец был выходцем из Польши, мать служила в балете Большого театра (в 1901-1902 гг. родители скончались)¹.

В 1883-1884 гг. девочку отдали на балетное отделение Московского императорского театрального училища. Уже с десяти лет она участвовала в спектаклях Большого и Малого театров: балете, опере, драме. Впоследствии А. Л. Струсь вспоминала, что за выступление в балете можно было получить рубль, в опере или драме — 50-60 копеек.

Рассказ А. Л. Струсь о самом училище довольно безрадостен: «Не было воспитателей, руководителей, одна надзирательница у девочек и надзиратель у мальчиков, да няньки. Воспитания никакого не было. Образование — в самой низкой степени. [...] Старшие воспитанницы пагубно влияли на малышей своим крайне легкомысленным поведением. Грубое отношение, некультурность няnek и надзирательниц, также и учителей в балетных классах, ругань, иногда даже и побои, удары палкой по ногам за неправильно сделанное движение». Эти обстоятельства, пишет А. Л. Струсь, окончательно оттолкнули ее от балета. Всё больше она мечтала о карьере драматической актрисы. Особое восхищение у девушки вызывала игра М. Н. Ермоловой: в своих воспоминаниях А. Л. Струсь рассказывает о том, как «дома, соорудив из полотенца шлем, [...] читала монологи Жанны Д'Арк, во всём подражая любимой актрисе»².

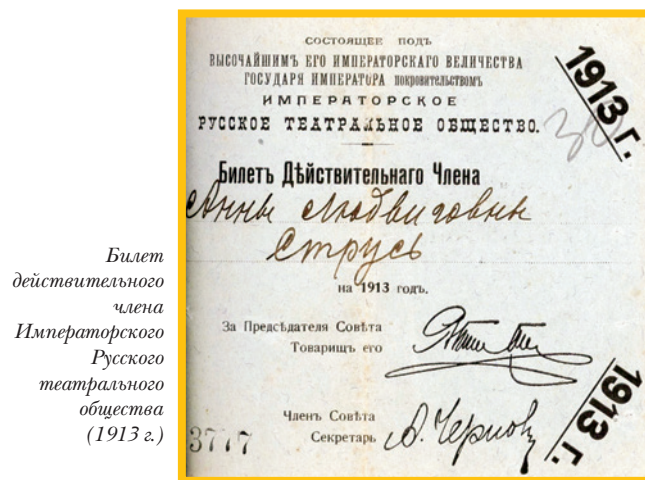
В 1890-1891 гг., будучи уже на последнем курсе, А. Л. Струсь оставила прежнее место учебы и поступила туда, где в это время получала образование ее сестра, — на драматическое отделение музыкально-драматического училища Московского филармонического общества. Много лет спустя, в январе 1947 г., газета «Кузбасс» так описывала прохождение юной актрисой вступительного испытания: «Стройная, изящная девушка робко начинает читать стихотворение. Очень страшно [...] Среди экзаменаторов — В. И. Немирович-Данченко, А. И. Южин. Анна Людвиговна закрывает глаза, и перед ней встает вдохновенный образ Ермоловой. И тогда крепнет голос, загораются глаза. Она не помнит, как оканчивает стихотво-

1 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2, 7, 22, 45, 55, 56; Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 6. Л. 8, 73.

2 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2, 22, 45, 55, 56, 57.

Программа спектакля, приуроченного к юбилею сценической карьеры А. Л. Струсь (Кемерово, 1947 г.)

Билет действительного члена Императорского Русского театрального общества (1913 г.)

рение. И приходит в себя, только слыша «принята»...»³.

Сестра А. Л. Струсь по окончании музыкально-драматического училища поступила на работу в Александринский театр в Санкт-Петербурге, а вместе с ней в 1892-1893 гг. в

3 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2, 7, 22, 45, 55, 57; Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

северную столицу России перебралась и сама А.Л. Струсь, поскольку не имела возможности оплачивать свое дальнейшее обучение, стоившее, по воспоминаниям актрисы, 300 рублей в год⁴.

В Санкт-Петербурге А.Л. Струсь за 35 рублей в месяц устроилась в качестве «водевильной с пением» на работу к Н.И. Мерянскому (Богдановскому), труппа которого занимала в это время помещение Василеостровского театра⁵. Прослужив здесь один сезон, актриса вернулась в Москву, где в качестве балерины поступила в «итальянскую оперу». Когда же сезон подошел к концу, начался более чем десятилетний период работы А.Л. Струсь в провинции. Поиск то одного, то другого источника временного заработка сопровождался частыми переездами из города в город⁶.

Одним из документов, отражающих географию выступлений А.Л. Струсь до 1907 г., является справка, в 1929 г. выданная актрисе Российским театральным обществом. Согласно справке (сведения в которой являются далеко не полными), А.Л. Струсь довелось выступать в Царицыне (в летние сезоны 1898 и 1900 гг.), Харькове (в зимний период театрального сезона 1898/99 года), Елизаветграде (в зимний период театрального сезона 1899/00 года), Воронеже (в три зимних сезона с 1900 по 1903 гг.), Самаре (в зимний период театрального сезона 1903/04 года), Новочеркасске (в зимний период театрального сезона 1904/05 года), Вильно (в зимний период театрального сезона 1905/06 года), Харбине (в летний период театрального сезона 1905/06 года), Омске (в зимний период театрального сезона 1906/07 года). Другие обнаруженные документы свидетельствуют о работе актрисы под руководством А.А. Линтварева (в Екатеринославле), Н.Н. Синельникова (в Одессе и Ростове-на-Дону), Н.И. Соболевцова-Самарина (в Нижнем Новгороде)⁷.

Часть материалов, сохранившихся в фондах Государственного архива Кемеровской области, позволяет более подробно остановиться на пребывании актрисы в некоторых из перечисленных городов. Например, программа спектакля по гоголевскому «Ревизору», со-

стоявшегося 26 декабря 1900 г. в зимнем городском театре Воронежа, свидетельствует о том, что А.Л. Струсь в этой постановке исполняла роль дочери городничего⁸. А вырезка из воронежской газеты (вероятнее всего, «Воронежского телеграфа») содержит рецензию на бенефис А.Л. Струсь — спектакль по пьесе А.Н. Островского «Снегурочка». Автор рецензии отмечает, что актриса сумела удачно передать поэтический и детски-наивный образ главной героини.

Любопытный случай произошел с А.Л. Струсь в Омске, где в театральный сезон 1906/07 года она служила в антрепризе С.М. Долина. Представители учащейся молодежи обратились к артистке с просьбой принять участие в концерте в пользу скрипача Линевича, возвращавшегося из политической ссылки. А.Л. Струсь согласилась. На концерте, проходившем в клубе общественного собрания, актриса прочла много стихотворений, причем одно из них взяла из запрещенного цензурой журнала, который привезла из Вильно. В своих воспоминаниях А.Л. Струсь пишет, что на обложке журнала был изображен «царь с короной на боку и в кровавой мантии», а стихотворение называлось «Перед зарей». По окончании выступления к артистке подошел чиновник особых поручений с просьбой показать ему произведения, которые она читала. Актрисе пришлось отдать журнал. Впоследствии А.Л. Струсь неоднократно вызывали на допросы в полицейское управление, а по месту ее проживания был проведен обыск, в ходе которого, однако, ничего подозрительного обнаружить не удалось⁹.

Столь пристальное внимание к себе А.Л. Струсь впоследствии объясняла тем, что на концерте присутствовал Н.М. Литвинов — новый губернатор Акмолинской области (центром области, несмотря на ее название, являлся Омск). Но вскоре губернатор был убит террористами, и полиция, занявшись более важными делами, ограничилась, по воспоминаниям актрисы, тем, что лишь взяла с нее подписку с обязательствами не произносить со сцены ничего нелегального и не выступать на территории Омска нигде, кроме городского театра. Заметим, что в действительности убийство губернатора состоялось 15 декабря 1906 г., тогда

4 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2, 22, 45, 55, 57.

5 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 7, 23, 45 об., 57.

6 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 7, 23, 55 об., 57.

7 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об., 7, 23, 26, 27, 45 об., 55 об.

8 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 15.

9 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 58.

как подписка, обнаруженная среди документов А.Л. Струсь, датирована днем ранее — 14 декабря. Возможно, по прошествии более чем четырех десятков лет актриса просто не смогла вспомнить точную последовательность событий¹⁰.

С 1907-1908 гг. А.Л. Струсь снова работала в Москве: служила в коллективах под управлением В.А. Сашина, В.Н. Кривцова, П.В. Зайцева. В зимнее время выступала в московских клубах, летом — в дачном театре подмосковной Малаховки¹¹. Не позднее 1913 г. актриса стала действительным членом Императорского Русского театрального общества, в 1917 г. вступила в профсоюз работников искусств¹².

В 1919 г., после смерти мужа, А.Л. Струсь обратилась к работе с детьми: в столичных клубах они под ее руководством ставили спектакли. Летом 1919 г. группа московских школьников была отправлена на отдых в Полтавскую губернию. Одним из руководителей группы оказалась А.Л. Струсь, и в своих воспоминаниях произошедшие на Украине события актриса описывает следующим образом. Некоторое время дети и педагоги провели под Хоролом, а затем «белые» взяли Полтаву. Школьников и педагогов было решено срочно эвакуировать. Детей помладше погрузили в теплушки и вывезли, а те, кто был постарше, и несколько руководителей (в том числе и А.Л. Струсь) остались на станции в ожидании транспорта из Ромодана. Когда начались бои за станцию, дети и педагоги, по словам актрисы, «еле успели скрыться в степи, где и просидели чуть ли не неделю». Поскольку железная дорога в сторону Москвы была перерезана «белыми», пришлось отправиться на юг, в Бердянск, где проживали родственники некоторых из ребят. В Бердянске у власти находились «белые», и устроиться здесь на работу с советскими документами было невозможно. В декабре 1919 г. город взяли «красные», и вскоре А.Л. Струсь нашла себе работу при Бердянском отделе народного просвещения в качестве инструктора-организатора детских клубов¹³.

В городе удалось организовать детский клуб на 150 человек. Здесь школьники занимались игрой на музыкальных инструментах, пением, танцами, лепкой, рисованием. Клуб имел хо-

рошую библиотеку. Дети приходили сюда после школы и уходили вечером, после ужина. 1 мая 1920 г. под руководством А.Л. Струсь силами клуба в помещении городского театра был поставлен спектакль «Весна красная», посвященный установлению советской власти. Кроме клуба, актриса была занята и работой в самом театре¹⁴.

В 1922 г. А.Л. Струсь вернулась в Москву. По 1924-1926 гг. она работала здесь в качестве актрисы драмы и комедии, инструктора-организатора и руководителя детских драматических кружков¹⁵.

В середине — второй половине 1920-х гг. А.Л. Струсь выступала в Тутаеве, Старобельске, Валуйках, Ефремове, Богородске, Ростове, в начале — середине 1930-х гг. — в Старом Осколе, Кулебаках, Муроме, Москве¹⁶.

В декабре 1924 г., когда актриса трудилась в московском драматическом коллективе под управлением И.П. Милославского, отмечался 30-летний юбилей ее сценической деятельности (коллектив в это время находился в Валуйках). Валуйское уездное отделение народного образования вручило А.Л. Струсь поздравительный адрес, а драматический коллектив приурочил к указанной дате спектакль по пьесе Г. Гауптмана «Потонувший колокол» с А.Л. Струсь в роли старой Виттихи¹⁷.

Определенный интерес представляют стиль и содержание грамоты, полученной актрисой десятилетием позже — в мае 1934 г., во время работы в Муроме: «Дирекция и местком Муромского гортеатра, отмечая наилучших производителей текущего театрального сезона, давших лучшие показатели художественной продукции, выдает настоящую грамоту тов. Струсь А.Л. в том, что она своим примерным отношением к делу, интенсивным трудом на производстве и образцовым соблюдением дисциплины способствовала успеху выполнения промфинплана и улучшению качества продукции предприятия»¹⁸.

С 1935 г. А.Л. Струсь жила и работала в Сибири. На протяжении театрального сезона 1935/36 года актриса служила в Прокопьевском государственном драматическом театре.

10 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 58, 59, 70.

11 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 8, 31, 32, 45 об., 55 об.

12 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 2, 30, 55.

13 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 7, 8, 45 об., 55 об., 59, 60, 71.

14 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 2 об., 7, 60.

15 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 2 об., 7, 8, 22, 45 об., 55 об., 60.

16 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 2 об., 8, 12, 45 об., 55 об.

17 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 12, 18, 18 об., 38, 39, 60.

18 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 10.

Среди ролей, сыгранных ею здесь, — Мария Тарасовна (в «Платоне Кречете» по А. Е. Корнейчуку), мать Садовского (в «Аристократах» по Н. Ф. Погодину), нянька Антоновна (в «Детях солнца» по М. Горькому), Домна Пантелеевна (в «Талантах и поклонниках» по А. Н. Островскому), Настасья Петровна Белугина (в «Женитьбе Белугина» по А. Н. Островскому и Н. Я. Соловьеву), сваха Фекла Ивановна (в «Женитьбе» по Н. В. Гоголю), няня Анна Филипповна (в «Семье Волковых» по А. Давурину), Мария Петровна Мотылькова (в «Славе» по В. М. Гусеву). Художественный руководитель театра, подписавший репертуарный список А. Л. Струсь, называл ее в этом документе актрисой ведущего плана и отмечал, что своим отношением к работе она способна служить примером для других артистов. В Государственном архиве Кемеровской области сохранились приказы директора театра, свидетельствующие о неоднократном поощрении А. Л. Струсь: приказом № 1 от 10 января 1936 г. по итогам истекшего квартала ей была объявлена благодарность, а приказом от 19 мая 1936 г. актриса была награждена грамотой. В протоколе заседания месткома театра от 21 марта 1936 г. отмечается намерение месткома ходатайствовать о присвоении А. Л. Струсь звания заслуженного артиста РСФСР и о разрешении празднования 40-летнего юбилея ее творческой деятельности¹⁹.

В 1936-1938 гг. актриса трудилась в кемеровском театре «Культармеец Кузбасса», переименованном затем в Кемеровский городской драматический театр. Здесь она исполняла несколько ролей в спектаклях по пьесам А. Н. Островского: Акулины Гавриловны Красавиной (в «Женитьбе Бальзаминова»), тетки Карандышева Ефросиньи Потаповны (в «Бесприданнице»), вдовы коллежского асессора Фелисаты Герасимовны Кукушкиной (в «Доходном месте»). 8 марта 1938 г. приказом № 16 директора театра в связи с Международным женским днем артистке была объявлена благодарность²⁰.

В 1938-1940 гг. местом работы А. Л. Струсь являлся Томский театр драмы и комедии им. А. В. Луначарского. В этот период актриса тоже удостоилась нескольких поощрений директора

театра. Приказом № 200 от 22 декабря 1938 г. за прекрасное исполнение роли Марии Львовны в спектакле «Беспокойная старость» артистке была объявлена благодарность. Приказ № 155 от 7 ноября 1939 г. тоже предполагал объявление А. Л. Струсь благодарности, а также премирование актрисы ценным подарком стоимостью в 300 рублей и возбуждение ходатайства перед местными и областными организациями о присвоении А. Л. Струсь звания заслуженного артиста РСФСР. В марте и ноябре 1939 г. за участие в военно-шефской работе по культурному обслуживанию красноармейцев, командно-начальствующего состава и членов их семей актриса была удостоена грамот местного Дома Красной Армии²¹.

Игра А. Л. Струсь в спектакле по пьесе Л. Н. Рахманова «Беспокойная старость» была отмечена не только объявлением официальной благодарности, но и положительным отзывом в печати: «Артистка Струсь А. Л., исполняющая роль Марии Львовны — жены профессора Полежаева — дает незабываемый, дивный облик верной подруги, мужественного товарища и заботливой жены великого ученого. Ее прекрасная игра сопровождается трогательными, волнующими, задушевными интонациями [...] Она [...] в течение всех 4-х действий держит зрителя в напряженно-приподнятом состоянии»²².

В 1940 г. А. Л. Струсь переехала в Барнаул, где поступила на работу в краевой драматический театр. В 1941 г. вернулась в Томский театр драмы и комедии им. А. В. Луначарского, но в этом же году труппу перевели в Кемерово, объединив ее с коллективом местного городского драмтеатра²³.

После возвращения в Кемерово А. Л. Струсь исполняла роли Захаровны (в «Старике» по М. Горькому), ключницы Улиты (в «Лесе» по А. Н. Островскому), гардеробщицы тети Моти (в «Весне в Москве» по В. М. Гусеву), Александры Антоновны (в «Петре Крымове» по К. Я. Финну), старушки с ребенком (в «Кремлевских курантах» по Н. Ф. Погодину), Анны Семеновны Ислаевой (в «Месяце в деревне» по И. С. Тургеневу), бабушки Веры (в «Молодой гвардии» по А. А. Фадееву)²⁴.

21 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об., 11, 14, 37, 40, 45 об., 55 об., 67, 68.

22 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

23 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об., 3 об., 7, 45 об., 55 об.

24 ГАКО. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 1. Л. 115 об., 117 об., 119, 128 об., 130 об.; Д. 6. Л. 20 об., 25 об., 33 об.

19 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об., 13, 16, 17, 45 об., 55 об., 69.

20 ГАКО. Ф. Р-842. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об., 19, 45 об., 55 об.; Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 39, 153.

Одной из ролей, которые актрисе довелось сыграть в Кемерове в годы Великой Отечественной войны, стала мать Сафонова в спектакле по пьесе К.М. Симонова «Русские люди» (пьеса впервые издана летом 1942 г.). Премьере спектакля посвящена подробная статья И. Павлова, опубликованная в газете «Кузбасс». Автор статьи отмечал: «Артистка А.Л. Струсь блестяще справилась с ролью матери Сафонова Марфы Петровны. Да, это мать героя — душевно мягкая, отзывчивая к своим, непреклонная и сурово непримиримая к врагам. В слабой, немощной плоти скрывалась огромная моральная сила советского человека. Полные гнева и испепеляющей ненависти слова бросает она перед казнью фашистским проходимцам [...] И зритель долго не забудет ее сверкающий взгляд, гневные интонации ее срывающегося, но крепнущего от прилива ненависти голоса. Острую ненависть к врагу рождает этот замечательный образ»²⁵.

В Кемерове А.Л. Струсь отметила очередную юбилей своей сценической карьеры. Директор драмтеатра, уже областного, издал 3 октября 1944 г. приказ № 95, на основании которого в связи с 50-летием творческой деятельности актрисы был увеличен ее должностной оклад. Тем не менее официальное чествование А.Л. Струсь состоялось лишь в январе 1947 г. Любопытно, что наряду с театральными деятелями Кемеровской области и других регионов страны в состав юбилейной комиссии вошли председатель Кемеровского облисполкома В.А. Гогосов, главный врач областной больницы С.В. Беляев, ответственный редактор газеты «Кузбасс» А.А. Бабаянц, директор Кемеровского электромеханического завода П.М. Интриллигатор, директор коксохимического завода В.А. Максимов. 25 января 1947 г. в газете «Кузбасс» был опубликован объемный материал, посвященный актрисе, а труппа театра в этот же день дала приуроченный к юбилею спектакль «Слава» с А.Л. Струсь в роли Марии Петровны Мотыльковой. Впоследствии в газете «Кузбасс» было напечатано письмо актрисы с выражением благодарности тем, кто оказался причастен к проведению юбилея²⁶.

Неоднократные попытки самой актрисы и руководства театров добиться присвоения А.Л. Струсь звания заслуженного артиста

РСФСР не дали положительного результата. Тем не менее актрисе за ее заслуги была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и назначена персональная пенсия местного значения. Назначение персональной пенсии было осуществлено решением Кемеровского облисполкома от 26 января 1945 г. № 66. Позднее, в январе 1947 г., решением облисполкома персональная пенсия А.Л. Струсь была увеличена вдвое, решением же № 1174 от 22 сентября 1948 г. уменьшена до прежнего размера. В 1951 г. была предпринята попытка добиться назначения актрисе персональной пенсии республиканского значения, однако комиссия при Совете Министров РСФСР не нашла для этого достаточных оснований²⁷.

А.Л. Струсь сыграла на сцене более 250 ролей. Ее актерская работа в Кузбассе, пусть и на закате сценической карьеры, заметно обогатила театральную жизнь региона. В характеристике, подписанной директором Кемеровского драмтеатра, говорилось: «С молодых лет Анна Людвиговна заняла ведущее положение и переиграла за свою долгую жизнь бесчисленное количество классических ролей мирового репертуара. Начав с молодой лирической инженерю, пройдя все ведущие амплуа, Анна Людвиговна кончает свой трудовой путь блестящей драматической и комической старухой характерного плана. Это актриса реалистического мастерства, с четким, скупым и выразительным рисунком ролей, яркая и полнокровная, впечатляющая, несмотря на свои годы»²⁸.

Обнаруженные документы позволяют проследить биографию А.Л. Струсь до 1951 г. (в этом году актриса жила в Кемерове и продолжала работать в областном драматическом театре). Вместе с ней проживали дочь и внук (внук родился в 1940-1941 гг., а его отец в 1943 г. погиб на фронте)²⁹. Имена членов семьи актрисы установить пока не удастся. Автор планирует продолжить поиск материалов о жизни и творчестве А.Л. Струсь и надеется, что люди, знавшие если не саму актрису, то хотя бы ее родственников, откликнутся и помогут в проведении дальнейших исследований.

25 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 61.

26 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 41, 42; Ф. Р-984. Он. 1. Д. 8. Л. 29.

27 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 1, 1а, 4, 43, 46 об., 48-51, 66 об.; Ф. Р-984. Он. 1. Д. 8. Л. 17.

28 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 22, 33.

29 ГАКО. Ф. Р-842. Он. 2. Д. 4. Л. 3 об., 44 об., 46 об., 54, 63, 66 об.

КОМАНДИРОВКА В АФГАНИСТАН

Большинство людей в нашей стране считает, что в Афганской войне 1979-1989 годов принимала участие только Советская армия. Однако это не совсем верно. Действительно, основную тяжесть войны на себе несли солдаты и офицеры ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), т. е. 40-я армия ТУРКВО. Но наряду с армией в боевых операциях принимали участие пограничные войска и сотрудники КГБ СССР, а также военнослужащие и сотрудники МВД СССР.

Участие МВД СССР в событиях, происшедших в Афганистане после Апрельской революции 1978 года, прежде всего было связано с оказанием поддержки новой власти, которую возглавляли лидеры Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Министерству внутренних дел СССР была поставлена задача — помочь революционному Афганистану специалистами в становлении органов правопорядка. Помощь нужна была в преобразовании полиции, жандармерии, аппарата управления органами власти.

15 августа 1978 года в Кабул прибыли первые советские советники МВД СССР. Эту небольшую группу (вместе с переводчиками их было всего четыре человека) возглавлял генерал-майор милиции Н. С. Веселков, начальник

УВД Кировской области. 7 марта 1979 года в департамент афганской дорожной полиции по направлению ГАИ прибыл советник МВД СССР. В апреле 1979 года в Афганистан прибыла еще одна группа советников МВД СССР в составе десяти человек с переводчиками.

В июле 1979 года в наше министерство поступило обращение советского посла А. М. Пузанова, который просил направить в Афганистан еще одного советника для оказания помощи в формировании внутренних войск. Просьба была удовлетворена. 7 августа 1979 года на должность советника по войскам в Кабул прилетел генерал-майор П. А. Степанов, работавший заместителем начальника оперативного управления штаба внутренних войск СССР.

В конце ноября 1979 года в Кабул прибыл новый посол СССР в Афганистане Ф.А. Табеев, бывший первый секретарь Татарстана. Вместе с послом прилетел первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант В.С. Папутин. 6 декабря в посольстве В.С. Папутин провел совещание советников, которые отчитались о своей работе в провинциях. К этому времени в Кабуле и 28 провинциях работало уже 50 советников по линии МВД СССР. Советнический аппарат с декабря 1979 года возглавил генерал-майор милиции А.М. Косоговский, заместитель начальника ГУООП МВД СССР. Он сменил генерала Н.С. Веселкова, который в ноябре покинул Афганистан по состоянию здоровья.

Вскоре после ввода советских войск в Афганистан ситуация в этой стране резко обострилась. Министерство внутренних дел Советского Союза приняло меры по значительному расширению помощи Министерству внутренних дел Демократической Республики Афганистан. В сентябре 1980 года на территории Афганистана было создано оперативно-разведывательное подразделение МВД СССР «Кобальт» в составе 500 человек.

В этот же период министр внутренних дел СССР Н.А. Щёлоков стал добиваться создания в Афганистане представительства МВД СССР. Представительство КГБ СССР здесь функционировало еще при президенте Афганистана Н.М. Тараки. В конце 1980 года впервые в истории Советского государства в зарубежной стране было создано представительство МВД СССР при МВД ДРА. Первым руководителем представительства был назначен генерал-лейтенант милиции Н.Е. Цыганник, руководитель транспортной милиции страны.

«...Мы понимали, — рассказывает в своих воспоминаниях генерал Цыганник, — что представительство было создано прежде всего для всесторонней поддержки МВД ДРА в формировании, оснащении и обучении вооруженных подразделений, на которые возлагались задачи активной защиты революционной власти на местах. Это направление работы было для нас главным и определяющим».

Представительству МВД СССР, его сотрудникам были предоставлены широкие полномочия, в том числе ведение оперативной работы и изучение материалов, добытых самими афганцами. Наши сотрудники были почти при всех отделах и управлениях МВД Афганиста-

на в провинциях. Они были приставлены к местному командованию царандо (царандой — буквально «защитник», «заступник»), куда входили местная полиция и жандармерия. Наших советников не было лишь в четырех провинциях: в Бамиане, Вардаке, Пактике и Урузгане, поскольку в них мы не могли обеспечить условия для работы и безопасность.

В 1980 году в Кузбасс были доставлены тела солдат и офицеров 40-й армии, погибших в Афганистане, так называемый «груз-200». Хоронили их тихо, так же тихо вручали родственникам посмертные награды. Вспоминаю такой случай. В 80-е годы я работал первым секретарем одного из райкомов партии города Кемерово. Как-то позвонил военком района полковник В.И. Парамонов. Он попросил вручить орден Красной Звезды семье капитана Юрия Кузнецова, который погиб летом 1980 года под Кандагаром. Обстоятельства гибели известны не были, в наградных документах об этом ничего не говорилось, и полковник Парамонов тоже ничего не знал.

Вся эта история с гибелью капитана Ю. Кузнецова и вручением ордена его семье воспринималась мною отстраненно. Знал, что полковник В.И. Парамонов в 1968 году участвовал в чехословацких событиях, был там ранен и награжден таким же орденом. Я ему об этом напомнил и сказал: «По праву награду семье погибшего капитана должны вручить Вы, а никак не я». Полковник возразил: «Именно потому, что был в Чехословакии, я бы этого делать не хотел...»

Честно сказать, отказ полковника Парамонова я просто не понял. «Ладно, — говорю, — собирайте личный состав военкомата, приглашайте родных, посторонних никого не нужно». В те годы такие мероприятия широко не афишировались, хотя «наверху» давали понять, что в надлежащее время «страна узнает своих героев».

В назначенный день и час я приехал в военкомат. В служебном кабинете полковника собрались уже десятка полтора офицеров и вольнонаемных работников. Отец погибшего капитана, Григорий Кузьмич, и мать, Мария Сергеевна, сидели рядом. Лицо Григория Кузьмича было какое-то отрешенное, словно он не понимал, где находится, что с ним происходит, жена держала его за руку. Рядом сидела невестка, Лилия Александровна. У нее было милое, чистое лицо и такая тоска в глазах, такое горе!

Бывший редактор
газеты «Кузбасс»
А. И. Кудрявцев

А рядом двое детей: Сергей в солдатской зеленой панаме и совсем маленькая Марина...

Я разволновался. Офицеры сидели молча, а женщины, сотрудницы военкомата, плакали. И тут что-то с моими глазами случилось — взял в руки указ о награждении, а сказать ничего не могу. Кое-как прочитал, положил бумагу на стол и с орденом в руке подошел к родственникам. Надо было вручить орден жене, — так положено. А она сидит, оцепенев, в одну точку уставилась, меня не видит. И я положил орден в руки матери, Марии Сергеевны. Вот когда до меня дошел, кажется, смысл просьбы полковника Парамонова...

В начале июня 1980 года в кабинете начальника УВД Кемеровского облисполкома раздался звонок. Звонили из Управления кадров МВД СССР. Просили подобрать десять офицеров для командирования на «юг» (так шифровалась командировка в Афганистан). Через несколько дней в областное управление были приглашены офицеры — кандидаты для выполнения задания министерства. Генерал Л. А. Попов — начальник управления — довел требования МВД СССР до присутствующих, командируемых для прохождения службы в Афганистане по оказанию «интернациональной помощи дружественному афганскому народу». Первое, что требовалось от кандидата, — по медицинским показаниям надо было быть годным для несения службы в условиях жаркого климата; второе — иметь высшее юридическое образование, опыт

руководящей и оперативной работы и, естественно, быть членом партии. Предполагалось, что в течение шести месяцев командируемые будут работать советниками в подразделениях МВД Афганистана, помогать в становлении полицейских формирований. В командировку можно было выехать вместе с женами.

Вскоре отобранные кандидаты и их жены прошли медицинское обследование. Офицерам было объявлено, чтобы они возвращались домой, к месту службы, и ждали вызов.

На каждого командируемого было оформлено выездное дело, которое состояло из анкеты, автобиографии, партийно-служебной характеристики, копии свидетельства о рождении, копии свидетельства о заключении брака, справки о состоянии здоровья. Комиссия по выездам за границу при Кемеровском обкоме КПСС приняла соответствующее постановление: «рекомендован для выезда в Афганистан сроком на 6 месяцев».

Наконец в двадцатых числах августа 1980 года вызов пришел, но... только на сотрудников ОВД, без жен. Офицерам было приказано 28 августа прибыть в областной центр с вещами. А уже 31 августа 10 будущих «интернационалистов» из органов внутренних дел Кемеровской области вылетели рейсовым самолетом в столицу Узбекистана.

В аэропорту Ташкента их почему-то никто не встречал (наверное, проверяли на сообразительность). По телефону позвонили дежурному

МВД Узбекистана. Он объяснил, как можно доехать до министерства. Городским транспортом кемеровчане приехали в МВД, а оттуда их на автобусе доставили на базу учебного центра. Здесь уже находились их коллеги-сотрудники и офицеры внутренних войск практически со всех регионов Советского Союза.

Прибывшие были размещены в солдатских казармах. Здесь они узнали, что их будут использовать не в роли советников. Учиться они будут в разведподразделении. Представители министерства разъяснили, что по указанию сверху сформирован специальный отряд «Кобальт» в количестве 500 человек для оказания помощи афганским вооруженным силам, в том числе МВД ДРА, по борьбе с вооруженными бандами. Среди сотрудников отряда был полковник милиции В. Ф. Ерин — будущий министр внутренних дел России и другие офицеры, которые впоследствии стали крупными руководителями в системе МВД.

В отряде «Кобальт-9» проходил службу капитан милиции из Риги М. И. Исаков, единственный из сотрудников МВД получивший звание Героя Советского Союза за подвиг, совершенный в Афганистане.

Основной отряд был разбит на девять более мелких отрядов, по количеству зон ответственности на территории Афганистана. Все офицеры из Кузбасса, за исключением майора Туранского, были определены в отряд «Кобальт-8», куда были включены 50 сотрудников милиции и военнослужащих из Ставропольского края, Тамбовской, Куйбышевской, Воронежской областей и Белоруссии. Командиром отряда «Кобальт-8» был назначен полковник милиции В. В. Смоленцев, заместитель министра внутренних дел Марийской АССР.

На другой день начались занятия по специальной программе. Занятия по боевой подготовке вели в основном офицеры учебного полка Ташкентской дивизии внутренних войск. Лекции по Афганистану, его политической системе, о национальных отношениях, быте, исламе читали специалисты КГБ, МВД, которые хорошо знали эту страну. Слушатели изучали вооруженные структуры республики, им рассказывали, как надо вести себя в мусульманской стране. Изучали азы афганского языка, в основном фарси, который мог бы пригодиться на уровне бытового общения. Большое внимание уделялось военной подготовке — изучению стрелкового оружия, минному делу, практиче-

ским стрельбам. Занятия длились по 8-10 часов, в жару (при температуре 30 и более градусов).

Через неделю подготовка закончилась. Всех переодели в армейскую повседневную форму рядового состава без знаков различия, и 8 сентября 1980 года транспортный самолет Ил-76 доставил сотрудников отряда «Кобальт» в аэропорт Кабула.

В этот же день личный состав «Кобальта-8» с вооружением и другим скарбом из Кабульского аэропорта перебросили в аэропорт города Кундуз, что на севере Афганистана. Разместили на территории советского полка. Жили здесь же, на аэродроме, — в палатках, по 15-20 человек. Бытовые условия были далеки от элементарного комфорта. Жара. Не хватало воды не только умыться, но и напиться. О помывке в душе можно было только мечтать. Воду брали из скважины. Она была плохого качества. Личному составу воду доставляли на водовозках. Антисанитария способствовала возникновению различных заболеваний, особенно свирепствовал гепатит. Вскоре после прибытия из «Кобальта-8» четверых сотрудников с признаками гепатита отправили в ташкентский госпиталь. Кемеровчане в этих условиях как-то держались.

Но самым удручающим были не условия проживания, а неопределенность в действиях и выполнении служебных задач. Вот как об этом вспоминал командир «Кобальта-8» генерал-майор милиции В. В. Смоленцев: «Период адаптации затягивали. Из Кабула мы не получали никаких заданий и разъяснений, чем заниматься. Затянувшуюся паузу пришлось закрывать ежедневными боевыми стрельбами, занятиями по тактике и т.п. Одна из причин этого, видимо, заключалась в том, что наблюдалась несогласованность действий руководства. Заниматься нами было некому... Пытались самостоятельно проводить локальные боевые операции. Иногда они проходили совместно с афганскими силами и советскими войсками. Поскольку мы были слабо вооружены, не хватало техники, то стали нести потери. Нам из центра дали указание инициативу особо не проявлять, беречь людей, участвовать в операциях только с их разрешения».

Вскоре ситуация прояснилась, действия отряда стали носить более направленный характер, знание обстановки позволило получать необходимую информацию, которую успешно во

взаимодействии с другими силовыми структурами, в том числе с афганскими подразделениями, стали использовать в борьбе с бандформированиями. Несколько улучшились и бытовые условия. Отряд разместили в Кундузе, в одной из самых лучших гостиниц города. Неподалеку размещались советнические аппараты КГБ, МВД, отряд «Каскад» Комитета государственной безопасности СССР.

Отряд «Кобальт-8» должен был действовать на территории четырех афганских провинций: Баглан, Кундуз, Тахар и Бадахшан. Чтобы улучшить разведывательную деятельность непосредственно в провинциях, отряд «Кобальт-8» разбили на четыре группы. Кемеровчанам досталась провинция Бадахшан. 31 октября 1980 года десять человек из отряда «Кобальт-8», вместе с семью сотрудниками из Кузбасса, вертолетом перебросили в г. Файзабад — центр провинции Бадахшан (на северо-востоке Афганистана). Старшим группы назначили майора милиции В.И. Шкляра, сотрудника Кемеровского областного управления внутренних дел.

Группу поселили на территории, где размещался небольшой отряд КГБ «Каскад». Обстановку, в которой пришлось действовать группе В.И. Шкляра, хорошо передает песня, сочиненная «каскадовцами». Ребята пели на известный мотив «Сормовская лирическая»:

*В краю незнакомом, далеко от дома,
Цепляясь за горы, плывут облака.
И точит веками гранитные камни
Здесь мутными водами Кокча-река.*

*В предгорьях Памира и банды Басира,
И город с названьем простым Файзабад,
Где сам губернатор почти провокатор,
Где год коротает четвертый «Каскад».*

*Здесь с койками рядом стоят автоматы,
И смотрят на город стволы БТР.
Ты редко мне пишешь, твой голос все тише,
А письма так долго идут в СССР.*

В самом деле, суровые условия быта, недостаток кислорода (горы высотой 4000 и более метров), весьма сложная военно-политическая обстановка в провинции — всё это держало людей в психологическом напряжении.

Особое беспокойство доставляли действия

различных бандформирований. Среди них, кто особенно успешно противодействовал местной власти, были многочисленные формирования моджахедов под командованием Басира. Борьба с ними в условиях горной местности была затруднена. Главным в разведывательной работе группы являлся сбор сведений о нахождении бандформирований и их баз. Добытые сведения согласовывались с данными разведки и КГБ, после чего информация передавалась командованию местных подразделений ОКСВ. Последние наносили по группировкам и базам противника бомбо-штурмовые удары (БШУ). Правда, были случаи, когда согласование между смежниками затягивалось и противник успевал поменять позицию. Тогда БШУ наносились впустую.

Отдача от действий подразделений афганской армии и частей царандоя была малоэффективной. Подразделения царандоя были не укомплектованы, слабо обучены и в основном охраняли себя и представителей местной власти. Были случаи, когда отдельные подразделения царандоя переходили на сторону моджахедов.

Однако срок командировки кузбасских милиционеров, хотя и медленно, но подходил к концу. В 20-х числах марта 1981 года вся кемеровская группа уже была в Ташкенте. Здесь к основной группе присоединился майор Туранский, который после излечения от полученного ранения во время сопровождения колонны с грузом был выписан из госпиталя. 25 марта родные и близкие, друзья встречали «афганцев» на родной земле в аэропорту г. Кемерово.

После возвращения из Афганистана первой группы сотрудников ОВД Кемеровской области Министерство внутренних дел на некоторое время приостановило командировки милицеских работников из Кузбасса для оказания интернациональной помощи в ДРА. Но уже 13 января 1983 года в распоряжение кадров МВД СССР был вызван заместитель начальника областного УВД полковник милиции Геннадий Аркадьевич Вержбицкий. Пройдя подготовку в Ташкенте, в феврале 1983 года он был направлен в Кабул в распоряжение представительства МВД СССР при МВД ДРА, где был назначен командиром отряда «Кобальт».

За два года службы в Афганистане ему довелось не раз участвовать в боевых операциях в различных провинциях страны. Его отряд успешно взаимодействовал с подразделениями

*Василий Николаевич
Олейников (в центре)
и сотрудники
фронтальной газеты
«За Отчизну» (фото
1943 года)*

40-й армии и частями афганской армии и царандоя. За участие в операциях, умелое руководство личным составом полковник Г.А. Вержбицкий был награжден орденом Красного Знамени и после окончания командировки был назначен начальником УВД Астраханского облисполкома.

В сентябре 1983 года вновь, но уже в качестве советника царандоя вылетел в Афганистан майор милиции В.И. Шкляр. Его двухлетняя советническая деятельность в провинции Пактия и академии МВД ДРА была отмечена наградами: медалью «За боевые заслуги» и афганской медалью «За отвагу».

В 1984-1985 годах по разнарядке МВД в Афганистан были командированы еще два офицера милиции из г. Кемерово и областного аппарата.

Здесь, наверное, необходимо отметить, что в работе по отбору кандидатов, направляемых на службу в Афганистан, иногда возникали проблемы. Разумеется, всем было ясно, что людей направляли не в туристическую поездку. И какие бы слова при этом ни говорили — долг, присяга, интернациональная помощь и т.п., все понимали, что речь идет о войне. А где война, там горе, смерть, раны...

Конечно, большинство наших сотрудников в этот период показали себя настоящими мужчинами — мужественными, решительными, умеющими владеть собой. Это же можно сказать и об их семьях.

Вспоминаю такой факт. В числе офицеров,

направляемых в Афганистан, оказался капитан милиции Б. Старокоров из г. Кемерово. Мне кто-то доложил (я тогда был начальником политического отдела областного управления внутренних дел), что жена капитана беременна и супруги ждут ребенка. Приглашаю офицера и его жену на беседу. Без врачебного подтверждения вижу, что боевая подруга вот-вот должна родить (так оно и вышло — вскоре она родила сына). Я был удивлен и восхищен этой смелой супружеской парой. Можно только предположить, что было на сердце у этой молодой мужественной женщины. Она не позволила ни на миг усомниться в правильности решения мужа и поддержала его в сложный момент выбора дальнейшей судьбы. Естественно, правильным и оправданным в этом случае было решение руководства УВД не посылать этого офицера в Афганистан.

Конечно, при отборе сотрудников для командирования в ДРА прежде всего соблюдали принцип добровольности. Тогда в обиходе у большинства не было слов «не хочу», «не желаю». Но были и неожиданности — жизнь не всегда можно загнать в понятные формулы или схемы. В жизни всегда всё сложнее. Кто-то в этот период находил возможность под благовидным предлогом увильнуть от выполнения воинского долга, а одного офицера кузбасской милиции «за недостойное поведение» (попросту — за пьянство) выдворили из Афганистана.

Кстати, Министерство внутренних дел СССР за упущения в подборе кадров серьезно

*Дочь батальонного комиссара Миляева
Маргарита
Андреевна Лучшева
и внучка Елена
Павловна Чуркина*

спрашивало с подчиненных. И поэтому неудивительно, что один из руководителей областного управления внутренних дел за проступки, связанные с нежеланием сотрудников выполнять свой воинский долг, был наказан.

В феврале-марте 1986 года в Афганистан была направлена в качестве советников еще одна небольшая группа офицеров из органов внутренних дел области. В состав группы вошли: полковник милиции А. А. Гришин, заместитель начальника Управления вневедомственной охраны при УВД Кемеровского облисполкома, подполковники милиции: Н. В. Кулигин, заместитель начальника ОВД Кировского района г. Кемерово, А. Г. Ляшук — начальник ОВД Рудничного района г. Кемерово и А. А. Лопатин — начальник политотдела УВД Кемеровского облисполкома. Все эти офицеры были командированы в ДРА сроком на два года. Однако подполковник Н. В. Кулигин пробыл в Афганистане всего около шести месяцев: в сентябре 1986 года из-за серьезного заболевания отправлен на родину, где вскоре после лечения был уволен из милиции на пенсию.

Я был командирован в Афганистан в феврале 1986 года в возрасте 48 лет. В то время я занимал должность начальника политотдела УВД Кемеровской области. В Афганистан посылали офицеров МВД в порядке плановой замены. Моя командировка не была плановой, она являлась следствием неурядицы, возникшей в советском представительстве при МВД ДРА.

Время на подготовку мне было отпущено не более двух недель. Надо прямо сказать, что моя

военная выучка и неглубокие страноведческие познания утверждали меня в мысли о том, что я был недостаточно готов для службы в Афганистане. Но служебная и партийная дисциплина, мой характер не позволяли мне отказаться от назначения, и я надеялся, что во время пребывания в этой стране устраню имеющиеся недостатки.

Моя служебная задача в Афганистане была двоякая: как начальник политического отдела представительства МВД СССР я отвечал за организацию партийно-политической работы среди нашего личного состава, а как советник должен был передавать советский опыт партийно-политической работы через соответствующие структуры личному составу частей и подразделений МВД Афганистана.

Сложность моей деятельности заключалась в том, что личный состав наших офицеров небольшими группами дислоцировался практически во всех провинциях страны, а там постоянно происходили стычки с моджахедами. Эта же особенность определяла и советническую работу, так как царандой (милиция) нес службу по охране правопорядка и одновременно принимал участие в военных операциях. Особенно это касалось частей ГУЗР — главного управления защитников революции МВД ДРА (нечто вроде наших внутренних войск). Эти подразделения постоянно участвовали в боях.

Свою работу я начал с детального ознакомления с ситуацией, которая имела место в целом в Афганистане. Посетил посольство, все наши силовые представительства, СМИ, а так-

же афганские министерства и ведомства.

В марте-апреле я посетил РОЦы (районные отделы царандоя) в Кабуле и Кабульской провинции, а также посты и заставы, где несли службу афганские милиционеры. В мае, после отстранения от должности Генерального секретаря НДПА Б. Кармаля, я вылетел в провинцию Кундуз. Далее были командировки в Логар, Герат и другие провинции. Всего за период службы в Афганистане я посетил более двух десятков провинций. Одновременно я знакомился с культурой, религией и обычаями страны.

Работа советника — специфическая работа, тем более на Востоке, среди мусульман. К сожалению, этому искусству нас специально не учили, не было и соответствующих пособий.

В ряде случаев отдельные советники не могли учесть специфику работы и пытались один к одному перенести на афганскую действительность советский опыт. У советнической работы был еще один существенный, на мой взгляд, изъян: мы подчас полностью подменяли собой афганских товарищей. Однажды генерал Мангал, заместитель министра внутренних дел, в минуту откровения сказал мне: «Ваша ошибка заключается в том, что на каком-то этапе революции вы практически полностью отстранили нас, афганцев, от дел. Вы пишете для нас законы. Вы готовите решения наших пленумов. У нас остались только наши женщины и вино, к которому вы нас приучили».

Ответить ему мне было нечего: институт советников действительно охватывал все стороны жизни страны — политическую, экономическую, культурную, военную. Советники были везде, к тому же иные из них оказывались просто случайными людьми.

Руководство представительства пыталось исправить сложившуюся практику, но иногда мы были обязаны свои «нововведения» согласовывать с Москвой. Но пока Москва ухватывала суть проблемы и говорила «да», обстановка менялась.

Были некоторые сложности и внутри наших отношений с другими «контрактами». Так мы называли наших коллег из КГБ, партсоветников и советников других ведомств. Особенно это касалось оценки событий и информации, которые поставлялись в Москву. Э. А. Шеварднадзе — министр иностранных дел СССР — в январе 1987 года, выступая перед советниками, тоже указал на эти недостатки. Он говорил, что информация идет мелкими, разрозненными

фрагментами, цельная картина не складывается, нет и объемной политической и идеологической оценки того, что происходит в стране.

Кстати, еще перед отправкой в Кабул, читая информацию нашего представительства, обратил внимание на одну деталь. По сводкам значилось огромное количество убитых душманов, оружия было захвачено бог знает сколько. Возникал вопрос: с кем же мы тогда воюем в Афганистане? Перед нами давно должны быть пустота и безлюдье. Подобная информация шла и по линии Министерства обороны, и по линии КГБ.

Еще одна серьезная ошибка нашего ведомства касалась советнической работы. Это была ориентация на «халькистов».

Народно-демократическая партия Афганистана состояла из двух крыльев — «хальк» (народ) и «парчам» (знамя). Еще в Москве один из наших руководителей МВД поставил передо мною задачу — отстранить от должности генерала Фарука (Фарук — начальник ПУ МВД ДРА, «парчамист»). Он якобы не поддерживает министра ВД Афганистана Гулябзоя («халькист»). Этой «болезнью» были заражены, мне кажется, и другие советнические коллективы.

В моей советнической деятельности наиболее удачными и результативными направлениями оказалась работа по восстановлению в полках и батальонах ГУЗР института мулл, а также работа в составе рабочей группы по распределению безвозмездной помощи и созданию палаточных «городков мира» и приемных для возвращающихся беженцев из Пакистана и Ирана. Для меня это была дополнительная нагрузка, но эта деятельность давала определенные результаты.

Итог двухлетней командировки в Афганистане я подвел в отчете, который отправил в МВД СССР. Моя боевая и советническая работа была отмечена советскими и афганскими наградами.

К сожалению, командировка в Афганистан для меня и моей семьи прошла не бесследно. Участие в Афганской войне отразилось на моем здоровье и здоровье жены, повлияло на дальнейшую судьбу всей семьи.

Последним кузбасским милиционером, выполнявшим интернациональный долг в Афганистане, был старший сержант, милиционер-водитель Кировского райотдела милиции Н. А. Бурков. Он пробыл там около пяти месяцев и вернулся на родину в сентябре 1988 года.

ЭТОТ «СТРАННЫЙ КЕМЕРОВО»

(К ВЫХОДУ НОВОЙ КНИГИ ВЛАДИМИРА СУХАЦКОГО)

Автор книги «Странный Кемерово», недавно вышедшей из печати, Владимир Сухацкий — известный журналист, радио- и телеведущий, а самое главное — человек, равнодушный как к истории города, так и к тому, что происходит в Кемерове сегодня. В. Сухацкий удачно сочетает в себе журналиста и историка (замечу, что довольно часто люди этих профессий, в известной степени, противостоят друг другу): по образованию Сухацкий — историк, по роду трудовой деятельности — журналист. Такое сочетание в значительной степени определяет тематику, стиль, подачу и интерпретацию фактов.

Книгу хочется читать. Она содержит много удивительных фактов, ранее неизвестных широкому кругу читателей, открывает что-то новое, по-своему трактует уже известное, опровергает традиционные взгляды, а также предлагает читателю необычную историческую информацию о Кемерове, которую автор собрал, путешествуя по Голландии, США и другим странам.

Одним из достоинств книги является стремление журналиста по-новому взглянуть на научные исследования и публикации, посвященные истории нашего города. Именно они дают автору право говорить о «странностях» Кемерово. Взять хотя бы дату основания города. Известные кузбасские ученые А. М. Кулемзин и И. В. Ковтун считают, что летоисчисление города нужно вести с XVII-XVIII веков — с первого письменного упоминания о деревнях Щеглово и Кемерово, от слияния которых и родился Кемерово. А. М. Кулемзин в качестве аргумента приводит «Чертеж Томского града» тобольского картографа С. У. Ремезова, который нанес на карту заимку Щеглова 18 сентября 1698 года. И. В. Ковтун ссылается на запись в дневнике одного из первых исследователей Сибири Д. Г. Мессершмидта, который в 1721 году упомянул о деревне Кемерово и заявил об открытии каменного угля в районе

Кузнецка (причем обнаружил уголь раньше, чем «первооткрыватель» М. Волков).

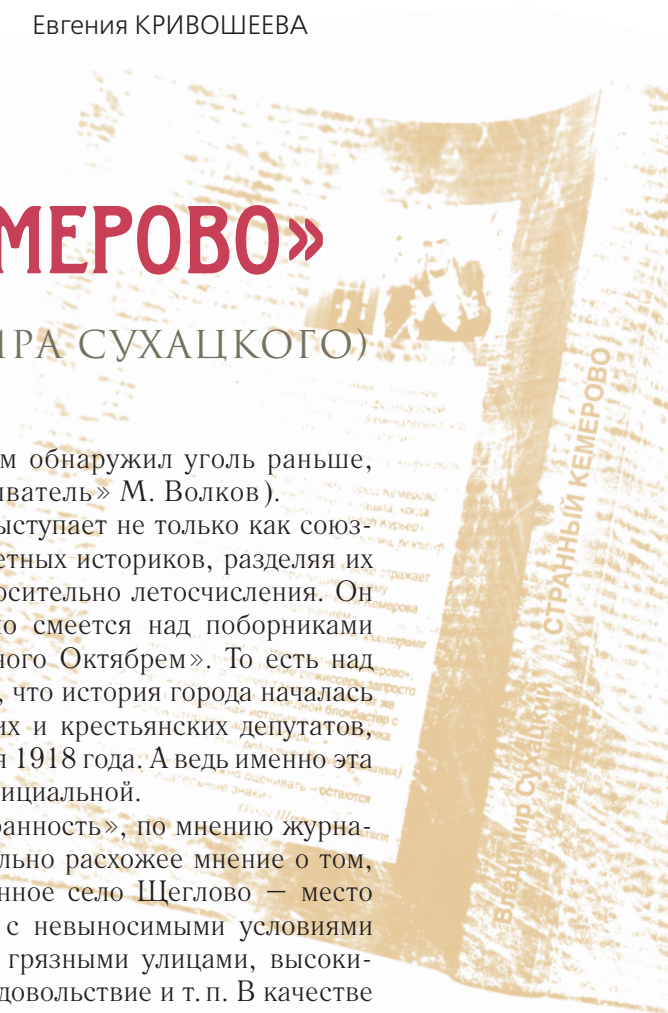
Автор книги выступает не только как союзник этих авторитетных историков, разделяя их точку зрения относительно летоисчисления. Он еще и откровенно смеется над поборниками «города, рожденного Октябрем». То есть над теми, кто считает, что история города началась с I съезда рабочих и крестьянских депутатов, прошедшего 9 мая 1918 года. А ведь именно эта дата считается официальной.

Еще одна «странность», по мнению журналиста, — это довольно расхожее мнение о том, что дореволюционное село Щеглово — место глухое и убогое, с невыносимыми условиями для проживания, грязными улицами, высокими ценами на продовольствие и т. п. В качестве примера автор приводит слова одного кемеровского школьника: «Деревня была бедная и грязная. Полный отстой. Люди не умели читать и писать. Недоразвитые. И компьютеров у них тоже не было. Деревню эту снесли и построили Кемерово».

Вот вам и плоды воспитания жителей «города, рожденного Октябрем»! Вот вам и любовь к малой родине, о которой так много говорят!

В. Сухацкий приводит массу интереснейших фактов о численности населения Щеглово, жизненном укладе крестьян, о их торговых связях с купцами Томска, Пермской и Вятской губерний, о школах, магазинах, лечебнице и т. п. Получается, что не таким уж и дремучим и захолустным было старинное сибирское село Щеглово, как это, опять же официально, принято считать.

Один из очерков В. Сухацкого посвящен легендарному рудознатцу М. Волкову. Являлся ли этот человек первооткрывателем кузбасского угля или нет? Подробно излагая версии ученых-историков по поводу первенства М. Волкова, журналист одновременно ставит вопрос о достоверности образа М. Волкова в литературе, изобразительном искусстве, кинематографе.

Проанализировав несколько произведений о легендарном первооткрывателе кузнецкого угля, В. Сухацкий пришел к выводу, что скульптура кемеровского художника Г. Баранова дает самое правдивое представление о рудознатце, образ которого, после канонизации, стал символом города. На мой взгляд, это один из лучших очерков в книге.

Хотя об истории Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» написано немало, автор представляет читателям новые сведения о жизни колонистов на берегах Томи. Прежде всего они касаются директора колонии С. Рутгерса и его помощницы Р. Кеннелл.

В 90-е годы журналист, будучи в Нидерландах и США, взял интервью у сына Себальда Рутгерса — Яна, который, кстати, тоже работал в Кемерове, и у сыновей Рут Кеннелл — Джеймса и Дэвида. Сейчас их уже нет в живых. Так что это были «последние могики».

Еще одна «кемеровская странность» — Сосновый бор. Автор не стал вдаваться в особенности флоры и фауны реликтового леса, указав лишь на уникальность его расположения. Публицист представил историю Соснового бора как историю жестокого противостояния между местной интеллигенцией и ретивыми чиновниками, которые на протяжении десятилетий пытались «окультурить» заповедный лес. И чего только не было в планах обустройства так называемого «Рудничного парка культуры и отдыха кемеровских шахтеров» — рестораны, торговые учреждения, стадионы, концертные площадки, фуникулер, пруд! К счастью, лес выжил, сохранив свой первозданный вид. Однако, по мнению автора, борьба за сохранение бора будет продолжаться еще долгие годы. Ведь известно, что если у вас есть некое богатство, то всегда найдутся желающие его отнять.

«Странными» назвал В. Сухацкий названия многих кемеровских улиц. По его мнению, власти, поменяв старые топонимы щегловских улиц на новые, случайные или надуманные, по сути, лишили Кемерово его исторического прошлого.

Нечто подобное происходило и со «скульптурным украшательством» города в 30-70-е годы прошлого века. На каждой площади — памятники советским вождям. На набережной и в парках — скульптурные фигуры атлетов. А во дворах — «девушки с тяпками» и «мальчики с горшочками». Засорение городского пространства уродливым кичем продолжается, счита-

ет автор. Но тут же отмечает, что «недавно в городе появились удивительные по своей выразительности уличные мини-скульптуры: «Голуби» и «Бездомная собака». Своими глазами видел, как малыши глядят этих «голубей» и «собачку». Согласитесь, это многого стоит...»

В любой книге, о чем бы в ней ни говорилось, всегда есть элемент недосказанности. Есть это и в рецензируемом издании. Некоторые события, которые автор называет «странными», на мой взгляд, таковыми не являются. Например, В. Сухацкий пишет о том, что в домах Жилкомбината на улицах Арочной и Ермака, которые были построены еще до войны, в квартирах отсутствуют кухни. Но это не «странность». Это явление имело место быть как в Советской России, так и в Европе и Америке. «Освободить женщину от надоевшей кухни, дать ей больше свободного времени!» — вот один из главных лозунгов той эпохи. Внутри квартала Жилкомбината в начале 60-х годов располагался ресторан «Сибирь». Помнится, что в обеденный перерыв большой зал превращался в столовую, где питались служащие УМВД, почтамта и других учреждений. Ресторан был достаточно демократичным. Летом, в воскресные дни, люди приходили всей семьей, чтобы перекусить и отдохнуть от жары.

Если говорить об архитектурном облике Кемерово, то он весьма схож с другими советскими городами, которые застраивались в послевоенное время. Например, Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре. Если пройтись по улицам Комсомольска, можно увидеть сходство с кемеровскими улицами — Весенней, Островского, Арочной. Но, пожалуй, Кемерову повезло больше, чем многим другим городам. В 50-е годы здесь работали молодые талантливые архитекторы, выпускники вузов Москвы, Киева, Ленинграда. Так что Кемерово, конечно, имел свои «архитектурные странности», но такие же «аномалии» встречались и в других местах, являясь частью общей тенденции.

Есть в книге отдельные высказывания, с которыми можно не согласиться. Также в работе В. Сухацкого не так уж много очерков, посвященных развитию культуры. Но, может быть, это тема другого исследования?

Однако все эти замечания не заслоняют достоинств книги. Она написана хорошим языком, и написана человеком, который очень любит свой город. Поэтому у этой книги будет много-много читателей.

Как Россия прирастала Кузбассом

Замечательным началом юбилейного для музея года (в сентябре «Красная Горка» будет отмечать 25-летие) стало открытие новой главной экспозиции «Как Россия прирастала Кузбассом». Над ее созданием сотрудники музея работали три года. Она посвящена истокам современного Кузбасса, которые начинаются в историческом центре города — на Красной Горке. Связанные с этим местом события и люди помогли «прирастанию» России Кузбассом, поэтому название экспозиции — перефразированное высказывание М. Ломоносова «Российское могущество прирастать будет Сибирью...». Авторы стремились показать, через какие этапы развития прошла глухая сибирская провинция, чтобы превратиться в крупный индустриальный центр России.

Еще одна цель экспозиции — отразить связь истории Кузбасса с историей страны и влияние, которое оказали политические и экономические изменения в России на развитие отдален-

ного региона.

В новой экспозиции аккумулированы предыдущие интересные проекты музея. Это интерактивная презентация «С чего начался Кузбасс», представленная посетителям в 2014 году. Достойное место заняли экспонаты открытой в 2013 году выставки «Господа горные инженеры». Над ними, опираясь на скрупулезные исследования сотрудников музея в областной научной библиотеке им. В. Д. Федорова, два года работала кузбасская художница Надежда Ивановна Алёхина.

Эстетическое воплощение, сочетание музейных предметов, документов, фотографий и мультимедийных технологий, использование на широкоформатном экране световых и звуковых эффектов, информационные киоски, наполненные тематическим контентом, историческими реконструкциями, помогают широко интерпретировать культурное наследие достопримечательного места Кемерово — Красной Горки.

Открытие новой главной экспозиции «Как Россия прифрстала Кузбассом»

Заметным событием в жизни музея в 2016 году стало участие в фестивале «Интермузей» в Москве. В Центральном выставочном зале «Манеж» более трехсот музейев страны показывали свои проекты. Экспозиция «Как Россия прирастала Кузбассом» была представлена нашим музеем в номинации «Лучший проект по презентации и интерпретации материального и нематериального культурного наследия» конкурсной программы фестиваля. Стенд музея стал своеобразной точкой притяжения для посетителей «Интермузея», в числе которых оказались и гости из посольства Королевства Нидерландов в Москве, с которыми «Красную Горку» связывает многолетнее сотрудничество, — советник по вопросам культуры, науки и образования Ида де Кат — ван

Мёрс и сотрудник отдела культуры посольства Павел Кузьмин.

Экспозиция обогатит музей как туристический объект. Жители Кемерова и Кузбасса в целом откроют для себя неизвестные им страницы истории края. Приезжие из других городов России узнают о причастности к развитию Кемеровской области своих земляков. Зарубежные гости увидят историю экономических связей своих стран с Кузбассом и, может быть, найдут соотечественников среди многочисленных иностранцев, помогавших его развитию в начале XX века.

Подобные проекты, рассказывающие о жизни малой родины в контексте российской и мировой ретроспективы, помогут создать многогранную картину истории «собрания» России.

Стенд музея стал своеобразной точкой притяжения для посетителей

День любви и верности

*Анатолий Иванович и Галина
Семеновна Мартыновы
вместе уже 60 лет*

*Протоиерей Александр Демченко и
матушка Ирина вместе 30 лет*

Юрий СЕРГЕЕВ (фото)

*Иосиф Лазаревич
Куручкин со своей
супругой Лидией
Андреевной имеют
солидный семейный
стаж – 66 лет*

Традиции большинства праздников складывались веками. Но бывают и счастливые исключения, когда новый, казалось бы, праздник сразу становится всеми любимым. Учрежденный в 2008 году День семьи, любви и верности, приуроченный ко дню поминаения православных русских святых Петра и Февронии из древнего города Муром, празднует вся Россия. Праздник перешагнул конфессиональные и национальные рамки. Иначе и не могло быть, ведь он посвящен истинным ценностям — семье, любви, преданности.

8 июля в музее-заповеднике «Красная Горка» чествуют проверенные жизнью и временем супружеские пары, отметившие юбилеи семейной жизни, в том числе золотые и бриллиантовые свадьбы. Виновники торжества — известные в Кузбассе люди, внесшие неоценимый вклад в развитие образования, науки, культуры, системы правосудия и угольной промышленности нашего края.

Так, Иосиф Лазаревич Курочкин, профессор КемГУКИ, почетный гражданин Кемеровской области, заслуженный работник культуры РФ, много лет был начальником управления культуры Кемеровского облисполкома. Со своей супругой Лидией Андреевной они имеют солидный семейный стаж — 66 лет.

Анатолий Иванович и Галина Семеновна Мартыновы вместе уже 60 лет. Они связали свою жизнь со становлением музейного дела в Кузбассе, создавали музей-заповедник «Томская писаница», до сих пор занимаются наукой.

На празднике семьям-юбилярам торжественно вручают медали «За любовь и верность», им адресованы теплые, искренние поздравления и концертная программа.

Трогательные слова звучали и от главных героев торжества. Они благодарили друг друга, делились секретами семейного счастья, читали стихи и даже танцевали вальс.

В завершение встречи супруги выпустили в небо белоснежных голубей, как символ любви, мира и согласия.

В сентябре 2015 года в музее «Красная Горка» побывал Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Нидерландов в Российской Федерации Рон ван Дартел.

Юрий СЕРГЕЕВ(фото)

Посол Нидерландов Рон ван Дартел на Красной горке

Музей вошел в программу пребывания голландской делегации в Сибири не случайно: происхождение достопримечательностей «Красной Горки» непосредственно связано с представителями этой европейской страны. Сегодня в центре индустриального Кузбасса, за тысячи километров от Нидерландов, сохраняются постройки, возведенные по проектам голландского архитектора ван Лохема, которые и в наши дни служат источником новатор-

ских идей и амбициозных планов.

На встрече в музее обсуждались вопросы дальнейшего сотрудничества по сохранению совместного культурного наследия. Эта работа ведется уже с 1996 года: проводятся семинары и конференции, на которых эксперты обеих стран разрабатывают проекты регенерации исторической территории города Кемерово, и прежде всего района Красной Горки.

КТО КОЛБЫ НЕ ЕДАЛ, ТОТ В КУЗБАССЕ НЕ БЫВАЛ!

В мае 2016 года «Красная Горка» приняла участие в ежегодной международной акции «Ночь в музее» и вновь организовала вечернюю программу «Фестиваль колбы».

Благодаря партнерской поддержке этот проект, в центре внимания которого оставался музей, продемонстрировал культурную палитру нашего города и отличился разнообразием представленных видов искусств.

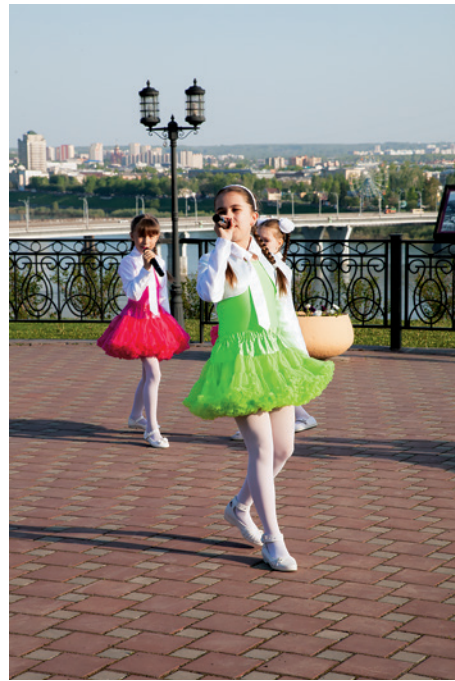
Фестиваль под девизом «Кто колбы не едал, тот в Кузбассе не бывал» собрал более 850 горожан — любителей «острых ощущений».

На входе гости делали снимок с легендарным Чарли Чаплином. Сюрпризом для пришедших стало неожиданное появление самого героя немого кинематографа с авоськой колбы. В этой роли выступил артист Евгений Муравьев. Его искрометные шутки, фокусы и розыгрыши весь вечер развлекали аудиторию.

На территории музея открылся стилизованный базар-ярмарка в народных традициях. «Базарная бабушка» зазывала купить «пирожки свежие из лука медвежьего», а желающие забирались в деревянную телегу с сеном, запускали в небо голубей на счастье и чувствовали себя сельскими жителями. Неподалеку от ярмарки появилась фотозона с сюрреалистическими фигурами фантастических зверей, сделанными из экологического материала — картона.

На аллее музея шла оживленная торговля изделиями кузбасских мастеров и ремесленников; желающие пробовали силы за гончарным кругом. Для детей работали площадки аквагрима и аэрографии.

Посетители музея пробовали гастрономические изыски, приготовленные профессиональными поварами: пиццу, пирожки, «маффины»,

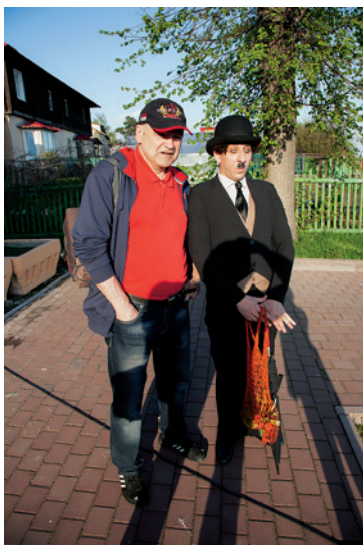

в которых главным ингредиентом стала колба. Дегустация сопровождалась «пищей для ума» от научного сотрудника и журналиста Владимира Сухацкого с удивительными фактами об этом растении.

В традиционной кинолектории участники вместе с ведущим товарищем Корочкиным дискутировали о фильме «Русский сувенир».

Интеллектуальные соревнования прошли в конференц-зале между участниками игры «Музейный детектив». Двум командам предстояло узнать тайны экспонатов из фондов музея, дать им исчерпывающее описание, определить предназначение и в награду получить памятные сувениры.

Вечером на музейной набережной про-

шел концерт с участием коллективов Дворца культуры шахтеров и Кемеровского дворца молодежи. Здесь же горожане приобщались к хореографическим традициям народов, представители которых в 20-е годы прошлого века на территории Красной Горки работали в АИК «Кузбасс»: современные кемеровчане с удовольствием осваивали танцевальные движения от краковяка до еврейского кастарвата.

Завершило праздничную программу шоу Евгения Муравьева «Музейный расколбас», сочетающее световое представление, клоунаду, жонглирование и акробатику.

Благодарим кемеровчан за искренний интерес к проекту «Фестиваль колбы» и от души желаем нашим посетителям ярких открытий на Красной Горке!

ВСЕКУЗБАССКИЙ ДЕНЬ ШАХМАТ

2 сентября 2015 года выставка угледобывающей техники музея «Красная Горка» стала центральной площадкой по проведению четвертого Всекузбасского дня шахмат. В этот день во всех городах и районах Кемеровской области проводятся открытые занятия по шахматам, мастер-классы, сеансы одновременной игры, шахматные викторины и соревнования по шахматам. В музее «Красная Горка» прошел шахматный матч между сборными командами «Ветераны СССР» и «Кузбасс».

Открывали праздник шахмат заместитель губернатора Кемеровской области Елена Пахомова и Герой Кузбасса, полный кавалер ордена «Шахтерская слава», почетный гражданин Кемеровской области и городов Прокопьевск и Киселевск Михаил Найдов. Его имя носит Кемеровский городской шахматный клуб.

В составе сборной команды «Ветераны СССР» были Нонна Гаприндашвили (Грузия) — первый международный гроссмейстер среди женщин, пятая чемпионка мира по шахматам; Юрий Балашов (Россия) — международный гроссмейстер, заслуженный тренер СССР, заслуженный тренер ФИДЕ, победитель Всемирной шахматной олимпиады; Виктор Купрейчик (Белоруссия) — международный гроссмейстер, трижды победитель командных чемпионатов мира; Яан Эльвест (Эстония) — международный гроссмейстер, чемпион мира в составе сборной команды СССР; Сергей Долматов (Москва) — международный гроссмейстер, победитель Всемирной шахматной олимпиады.

В состав сборной команды «Кузбасс» вошли Николай Власов — международный мастер; Владимир Невоструев — международный гроссмейстер; Евгений Пигусов — международный гроссмейстер, чемпион мира в командном зачете; Павел Смирнов — международный гроссмейстер, чемпион Европы в командном зачете; Антонина Трофимова — международный мастер; Валерий Филиппов — международный гроссмейстер, чемпион мира среди студентов, обладатель Кубка России.

Главным судьей соревнования был Болат Асанов (Казахстан) — международный гроссмейстер, заслуженный тренер Республики Казахстан, заслуженный тренер России.

Победителем товарищеского матча стала команда «Кузбасс», выигравшая со счетом 3:2.

Дмитрий СЕРГЕЕВ(фото)

Депутат Государственной думы от Кузбасса Николай Валуев на Красной Горке

Знаменитый боксер, депутат Государственной думы Николай Валуев — один из авторов серии телепередач о Кузбассе, в которых рассказывается не только о промышленном потенциале Кузбасса, но и о том, насколько богата, разнообразна, красива его природа, насколько самобытны культурные традиции края, его люди. Посмотрев эту многосерийную документальную историю, кузбассовцы говорили: «Мы и не знали, где, собственно говоря, живем. Ходим по земле, не осознавая порой ее красоту и богатство».

— Снимали мы и историю поиска снежно-го человека — рассказывает Валуев. — Йети — изюминка Горной Шории. Помимо того что там есть замечательный лыжный курорт, существует еще и понятие «наш йети». Даже мою собаку, которую мне подарили друзья-угольщи-

ки, зовут Йети. Теперь у меня дома, в Санкт-Петербурге, всегда рядом со мной живая частичка Кузбасса. Видеть черного как смоль, вернее как кузбасский уголь, лабрадора мне всегда радостно. Да еще и зовут его Йети!

В рамках создания программы мы изъездили весь Кузбасс. В фильме появляются раскопки археологических слоев мелового периода, в которых обнаружены многочисленные хорошо сохранившиеся ископаемые останки динозавров, знаменитые кедровые рощи Кузбасса, реликтовая липовая роща на острове реки Томи. И конечно, Томская писаница, многочисленные посвященные людям труда памятники, среди которых работа одного из самых известных скульпторов современности — Эрнста Неизвестного, установленная на высоком берегу Томи, на Красной Горке... Всего не перечислишь!

ИЗ-ЗА СТОЛИКА ДЛЯ СМИРНЫХ

То была пора, когда мир нашего киселевского старшекласника делился на две почти равные части: голуби и спорт. О голубях потом, а сейчас об этой всемирной игре, затраты на которую предельно минимальны: доска с клеточками да фигурки. Потому во все времена и произрастали шахматные чемпионы не обязательно в крупных промышленных и культурных центрах.

Что касается Михаила Ивановича Найдова, то в их дворе стоял крепкий стол для доминошников, вокруг него гудилась громогласная компания, и был ещё столик для смирных, в сторонке — чтоб эти дикари не мешали. За тем столиком люди сидели какие-то основательные, неторопливые, вдумчивые. И вот взрослому парню, которому стукнуло уже четырнадцать, вздумалось заняться этим же серьезным делом. Начать он решил тоже по-взрослому, с теории. Сосед подарил книжечку, без обложки, правда, но очень даже подходящую — это был довоенный учебник шахматного мастера М. Мейзелеса.

— Книжечка, видать, постоянно была в ходу — потрепанная, — вспоминает Михаил Иванович. — Вдвоем с Колей Тереховым мы тоже изрядно помусолили ее страницы, и кое-что начало у нас получаться. Постепенно, по одному, начали «высаживать» шахматистов из-за тихого столика, играли со старшекласниками, потом играли с новым другом Сашей Трофимовым — его в Кузбассе знают все: он долго возглавлял городской шахматный клуб. Потом набрались нахальства и направились прямоком в «Киселевскуголь». Считалось, что там, в тресте, были главные мэтры шахматной игры, а главным по шахматам у них был зам управляющего Виктор Александрович Бакатин, отец будущего секретаря обкома партии.

— Постояли скромненько за спинами уважаемых начальников, — продолжает мой собеседник, — потом скромненько заняли очередь на победителя. Коля одного высадил, я — другого... Дяденьки перестали улыбаться, и в конце «турнира» удалились мы с Колей из этого высокого общества с пожатыми по-мужски руками.

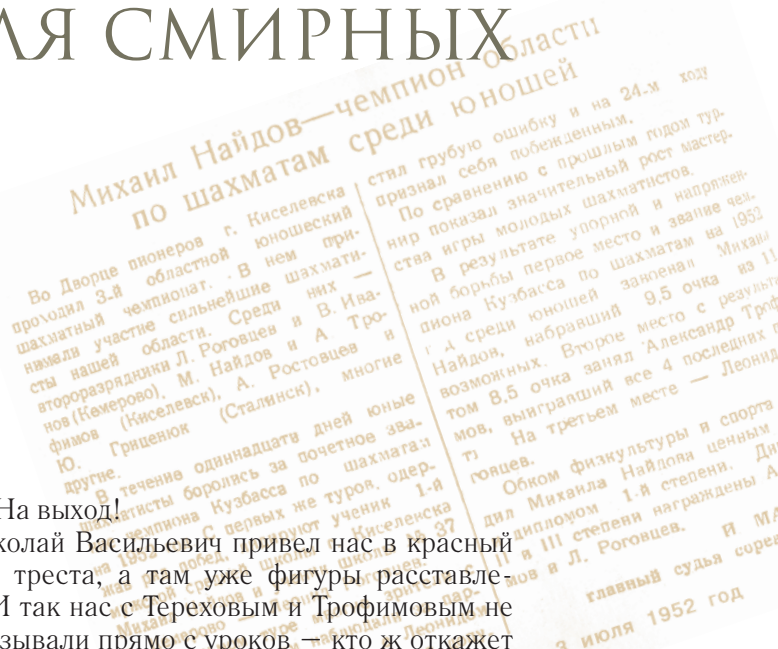
Ну а через денек-другой на урок заглянул географ Николай Васильевич, что-то шепнул физичке Варваре Николаевне, та обернулась к нам:

— На выход!

Николай Васильевич привел нас в 87 уголок треста, а там уже фигуры расставлены... И так нас с Тереховым и Трофимовым не раз вызывали прямо с уроков — кто ж откажет руководству треста! Не думаю, что пожилые мужики учились у нас чему-то, хотя шахматы — это такое искусство... Но мы совершенствовались, это точно!

Картина вторая. Кемеровский шахматный клуб им. Найдова был торжественно открыт в соответствии с городским проектом «Шахматы в Кемерове» и губернаторской программой «День шахтера 2005 года». В создание этого учреждения вложили тогда душу глава города Владимир Васильевич Михайлов и директор общественного фонда «Шахтерская память» им. Романова, почетный председатель Федерации шахмат Кузбасса Михаил Иванович Найдов. И надо ли говорить, кто смог убедить включить в план подготовки к празднику учреждение не самой первой очереди в не самом богатом сибирском городе, где горы других проблем? И клуб получился поистине столичного уровня!

В его уставе обозначена главная цель — развитие шахмат и вообще — интеллектуальных видов спорта. Под флагом клуба объединились различные возрастные группы — по секциям, группам, командам. Тут тебе и прекрасная досуговая деятельность, и условия для разностороннего развития личности — в клубе трудятся семь тренеров, а их «тренируемые» — это кемеровчане от пионеров до пенсионеров, начиная с четырехлетнего, между прочим, возраста! Соревнования и турниры — еженедельно, а летом еще напряженной, и программа есть с говорящим названием: «Интеллектуальное лето». Всё здесь есть, потому что даже стены здешние всемирной мудростью дышат.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Волкова Зинора Фатиковна,
заместитель директора музея-заповедника «Красная Горка» по науке

Захарова Ирина Викторовна,
доцент Кузбасского государственного технического университета

Кладчихин Виктор Спиридонович, журналист

Кривошеева Евгения Антоновна, кандидат исторических наук

Кузнецова Любовь Федоровна,
старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея

Левина Ирина Валентиновна,
заместитель директора музея-заповедника «Красная Горка» по развитию

Липатников Василий Евгеньевич, заведующий научно-исследовательским отделом музея – заповедника «Красная Горка»

Лопатин Анатолий Андреевич,
полковник милиции в отставке

Орлов Михаил Александрович, старший научный сотрудник
Государственного архива Кемеровской области

Предеина Ольга Николаевна,
заведующая отделом хранения фондов музея-заповедника «Красная Горка»

Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры переводоведения и лингвистики КемГУ

Рогов Геннадий Иванович, краевед

Сухацкий Владимир Александрович,
научный сотрудник музея-заповедника «Красная Горка»

Усков Игорь Юрьевич,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института экологии человека СО РАН

Федорова Ирина Федоровна, кандидат экономических наук

Чернов Илья Сергеевич, научный сотрудник музея – заповедника «Красная Горка»

Чертогова Марина Юрьевна,
искусствовед, член СХ РФ, Заслуженный работник культуры РФ,
заместитель директора по научной работе
Кемеровского областного музея изобразительных искусств

**КРАСНАЯ
ГОРКА**